

Д.И. Люкшин

Вторая русская смута:

крестьянское
измерение

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ
НИРО
ТОМ
24

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)
Фонд имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной

СЕРИЯ «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Г. А. Бордюгов	главный редактор
А. Г. Макаров	генеральный директор
С. П. Щербина	арт-директор
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
Д. Бебеши	Печский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А. Ю. Ватлин	МГУ им. М. В. Ломоносова
Л. С. Гатагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р. У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е. Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
А. Ч. Касаев	Журнал политической мысли России «Политический класс»
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В. Э. Молодяков	Университет Такусёку
И. В. Нарский	Южно-Уральский государственный университет
В. А. Невежин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Б. В. Соколов	Московский государственный социальный университет
Т. Томита	Сейкей университет, Токио
Т. А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Д. И. ЛЮКШИН

ВТОРАЯ
РУССКАЯ СМУТА:
КРЕСТЬЯНСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

Москва
2006

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Люкшин Д.И. **Вторая русская смута: крестьянское измерение.**
Серия «АИРО — первая монография» /Под ред. Г.А. Бордюгова. — М.:
АИРО-XXI, 2006. — 144 с.

ISBN 5-91022-012-8

В монографии представлен оригинальный анализ главного аспекта русской смуты начала XX века. Исследование основывается на глубокой проработке традиций отечественного крестьяноведения, введения в научный оборот большого корпуса новых архивных документов, многомерной интерпретации поволжского сценария общинной революции в России.

ISBN 5-91022-012-8

© Люкшин Д.И., 2006
© АИРО-XXI, 2006

Памяти

Ивана Алексеевича Люкшина — моего отца

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ: КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ	
История российского крестьянства: генезис исследовательской традиции	15
Отечественное крестьяноведение: история несостоявшегося дискурса	30
РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ПОРОГЕ РУССКОЙ СМУТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА	
Городская революция и деревенские дела. Поволжская деревня в 1905–1907 годах	47
Столыпинская реформа: замыслы барина и резоны мужика	66
ОБЩИННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОВОЛЖСКИЙ СЦЕНАРИЙ	
Старые песни на новый лад: крестьянская община в годы Первой мировой войны	86
За фасадом революции: логика и психология аграрных беспорядков Семнадцатого года	98
Реконкиста страны крестьянской утопии	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132

ВВЕДЕНИЕ

Обретение достоверного знания о прошлом — составляющее существо процесса исторических исследований — имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Однако бытование науки, как социального института, предполагает публичность и некоторую долю редукции, как для осуществления внутрицеховой коммуникации, так и в видах успешной презентации полученных результатов. Демократия, отличающая евро-атлантическое научное сообщество, ставит перед его членами ещё и проблему унификации *habitus* различных индивидов, действующих в границах одного «поля» (1) (П. Бурдьё). Таким образом, в современном обществоведении (когда социальное знание начинает всерьёз рассматриваться в качестве «рычага действия») (2) в вопросах о методологической структуре дискурсивных формаций начинают, кажется, усматривать практический смысл.

Вопрос о научной значимости исторических изысканий больше не решается в сообществе избранных. Развитие специализации научных дискурсов обуславливает недостаток понимания даже среди исследователей, принадлежащих к одному научному цеху. Для того чтобы быть воспринятыми научным сообществом, выводы должны быть редуцированы и презентированы в некоем интердискурсивном формате, основные параметры которого были бы понятными культурной публике.

В этом смысле российскому обществоведению особенно не повезло. Очевидная неэффективность синоптической методологии, культивировавшейся в советское время, заставила усомниться в актуальности научной традиции вообще, что, в свою очередь, стало причиной некритического восприятия различных элементов евроатлантической методологии, в качестве инструментов освоения общественной жизни. Это, в конечном итоге, привело к дискретности поля российской

гуманитарной науки и деградации внутрицеховой коммуникации. Когда на провинциальных конференциях по привычке ещё говорят о кризисе отечественной историографии (3), то имеют в виду именно кризис коммуникации и (в меньшей степени) недоступность семиотической структуры дискурсивных формаций, мобилизуемых для решения тех или иных исследовательских задач. Проще говоря, научное сообщество *in masse* не понимает сигналов, подаваемых его отдельными членами и, как следствие, испытывает значительные затруднения в верификации и использовании полученных данных для продолжения исследований (4). Результат — бесконечное «кружение» по одним и тем же темам и неоправданная сегментация корпуса исследователей (5). Всё это имеет непосредственное отношение к изучению аграрных вопросов в России, крестьянского движения в эпоху крупных общественных перемен начала XX века, которые — и логически, и исторически — тесно связаны с проблемой характера Октября — темы, имевшей сакральное звучание в идейно-теоретическом обеспечении партийно-бюрократического строя. Поэтому трагедия советской деревни, попавшей в жернова коллективизации, сопровождалась и даже предварялась разгромом аграрной науки, а: «Утверждение сталинского псевдомарксизма, всеохватывающая система идеологической лжи и изоляция страны от жизни других стран подавляли развитие научной мысли» (6).

Между тем всестороннее и объективное осмысление проблем аграрной истории является своего рода «универсальным ключом» для раскрытия характера социальных сдвигов в российском обществе начала XX века, а равно — эволюции постреволюционного общества. Решение этой задачи предполагает изучение сюжетов аграрно-крестьянской проблемы, в частности, на исторических срезах регионов. Обнаруживается двойное значение локальных изысканий: во-первых, в зависимости от степени репрезентативности того или иного региона выявляется общее и характерное (которое в реальности только и проявляются в отдельности) для всей аграрной России; во-вторых, совокупная картина «мужицкой» революции, отличающаяся большим региональным разнообразием, может быть получена на основе реконструкции всех её основных фрагментов.

Собственно, аграрный вопрос для России не только прошлое, а потому исследование деревенских коллизий начала XX века по-

зволяет более внятно уяснить современные социальные и экономические тенденции.

Объектом данного исследования выступает социальное поведение крестьян-общинников, детерминируемое определёнными социокультурными «кодами» и традициями, в условиях модернизаторского натиска на российскую деревню, обусловленного действиями и состоянием внешних по отношению к крестьянскому «миру» структур и институтов, неизменно претендовавших на продукты аграрного производства. Попутно возникла необходимость дать краткий очерк состояния отечественной традиции аграрных исследований.

Работа посвящена периоду с 1905 по 1921 годы, соединившему в себе различные реформаторские тенденции. Ход и исход второй русской «смуты» по существу определил главные параметры российского общества в XX столетии.

Исследование охватывает территорию Казанской губернии и прилегающих районов Поволжско-Уральского региона, демонстрирующих высокую степень репрезентативности в формате «модели» российской аграрной революции: крестьянская, поликонфессиональная, «общинная».

Систематическое изучение крестьянского движения в Казанской губернии связано с деятельностью историков советского периода. Первоначальный корпус исследований формировался в годы утверждения марксизма в его ленинско-сталинской версии как единственного исследовательского метода и принципиального отказа от концептуального плюрализма. Основы научного изучения аграрной истории были заложены в 20-е — начале 30-х Е. Грачёвым, Н.Н. Фирсовым («старым» учёным, пытавшимся вписаться в новую историографию революции), Е.И. Чернышёвым, рядом других историков (7). Позже эти работы были выведены из научного оборота, поскольку не соответствовали редуцированной и сфальсифицированной сталинизмом истории аграрной революции в России. Немногочисленные работы 30-х — первой половины 50-х годов выверялись по канонам «Краткого курса», согласно которым решающей силой победы Октября являлся союз пролетариата с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков.

Во второй половине 50-х годов изучение крестьянского движения в Казанской губернии получает новый импульс в связи с частичной десталинизацией советского общества. В 60-е годы было

продолжено изучение крестьянского движения в Казанской губернии. В работах И.М. Ионенко, А.Л. Литвина, И.Р. Тагирова и др. собран и обобщён значительный документальный материал, сконцентрированы данные о местном крестьянстве начала XX века и, в частности, о крестьянских беспорядках в предреволюционный период (8). В начале 80-х годов формируется внушительный массив исторических изысканий по теме (9), складывается комплекс историографических работ (10).

С середины 80-х годов отмечается явное падение исследовательского интереса к проблеме крестьянского движения в Казанской губернии в начале XX века. Это, в частности, объясняется распадом исследовательских групп по истории революции, переориентацией части историков на другую тематику, а также тем кризисом, в каком оказалась отечественная историография в эпоху перемен второй половины 80-х — первой половины 90-х годов.

Целью работы является комплексное изучение социальной активности крестьян-общинников в начале XX века, выявление основных факторов, обусловивших конкретный ход и исход аграрной смуты начала XX века в Казанской губернии и — собственно — истолкование логики поведения крестьянства в социальном противоборстве, развернувшемся в российском обществе. Для этого потребовалось:

— Установить степень изученности темы, определить круг источников её изучения.

— Описать и истолковать наиболее типичные формы аграрных выступлений, продемонстрированные общинным крестьянством Поволжья в ходе революции 1905–1907 годов и в период столыпинской аграрной реформы.

— Исследовать социально-культурные мутации крестьянской общины, инициированные событиями Первой мировой войны.

— Охарактеризовать интенции и формы социально-политического и хозяйственно-административного диалога крестьян с новыми правителями России в период с февраля 1917 по 1921 годы.

Выводы и обобщения, сделанные автором основаны на изучении материалов Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), других хранилищ.

В работе использованы поволжские газеты: «Волжское слово», «Голос труда», «Казанская рабочая газета», «Казанское слово», «Камско-волжская речь», сборники архивных материалов о крестьянском движении в Поволжье (11), воспоминания и мемуары (12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попытка отмахнуться от вербальной и текстуальной редукции текстов нередко приводит к упрекам в «заумности», объективно затрудняя ассимиляцию персональных результатов научным сообществом, в целом. (См.: *Бурдые П.* Социальные привычки в науке. — Париж, 1997).

2. *Тевенон Э. Пьер Бурдые.* Новый взгляд на общество //Label France. 2002. Июль. С.46.

3. После ряда научных и научно-публицистических работ, получивших, в каком-то смысле, программный характер (в частности, см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова — М., 1999; *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое. Poleмические заметки. — М., 1995 и др.) в столичной (и околостоличной) научной среде муссировать тему кризиса стало как-то, не принято, хотя его историография, безусловно, далека от идеала.

4. Наибольшие проблемы возникают в этом смысле у социологов, но и историкам тоже приходится несладко.

5. Другой вопрос — стоит ли бить в колокола, и не является ли переживаемый отечественными гуманитариями период методологической какофонии естественным этапом в становлении новой научной традиции...

6. *Данилов В. П.* Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издаётся в России! //Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. 1992. С.5.

7. *Фирсов Н. Н.* Крестьянская революция 1917 г. и Временное правительство //Пути революции. 1922. №1; *Фирсов Н. Н.* Первый съезд Советов крестьянских депутатов в Казанской губернии //Красная Татария. 1927. 1 июня; *Грачёв Е.* Казанский Октябрь: Хроника революции 1917 г. (март—октябрь). — Казань, 1926; *Чернышев Е. И.* Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. — Казань, 1928; *Троцкий В.* Октябрьская революция в Среднем Поволжье. — Самара, 1932 и др.

8. *Хасанов Х. Х.* Революция 1905–1907 годов в Татарии. — Казань, 1965; *Ионенко И. М., Тагиров И. Г.* Октябрь в Казани. — Казань, 1967; *Валеев Р. К.* Революционное движение в Среднем Поволжье: июль—октябрь 1917 года. — Казань, 1972; *Литвин А. Л.* Гражданская война в Поволжье в 1918–1920 гг. — Казань, 1974; *Дювбанов П. М.* Ведущая роль рабочего класса в социалистическом переустройстве сельского хозяйства (на материалах автономных республик Среднего Поволжья). — Казань, 1975; *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. — Казань, 1977 и др.

9. *Кабытов П. С.* Русское крестьянство в начале XX века. — Куйбышев. 1990; *Савельев П. И.* Пути аграрного капитализма в России XIX века (по материалам Поволжья). — Самара, 1994 и др.

10. *Шестаков В. В., Кабытов П. С.* Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. — Саратов, 1979; *Силаева Н. М., Сальникова А. А.* Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье и в период Великого Октября. — Казань, 1985; *Сальникова А. А.* Вопреки фактам: Критический анализ использования источников в американской буржуазной историографии Октября. — Казань, 1987 и др.

11. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской революции. — Казань, 1950; Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — Казань, 1958; Татарстан в годы первой революции. — Казань, 1931 и др.

12. За власть Советов. — Казань, 1957; *Ежов Н.* Военная Казань в 1917 году. — Казань, 1927; *Окнинский А. Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998 и др.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ: КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА:
ГЕНЕЗИС ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Изначально в исследованиях по аграрной истории в России складывалось два направления, одно из которых восходит к популярной экономической науке и бытописанию конца XIX — начала XX веков (А. Н. Энгельгардт, В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михайловский и др.) и находит продолжение в ряде научных школ, наиболее заметной среди которых явилось т. н. «организационно-производственное направление» — русская школа аграроведения мирового значения. Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев и др. заложили основы фундаментальных методов анализа аграрно-крестьянского феномена, сыгравших впоследствии решающую роль в процессе становления современного (западного) крестьяноведения. Отечественное крестьяноведение охватывало все важнейшие направления общественно-научной мысли конца XIX — начала XX веков, являлось частью мировой аграрной литературы (1), причём, в исследованиях семейного хозяйства вообще и крестьянства в частности отставал как раз англо-саксонский Запад (2), научное сообщество которого достигло серьёзных результатов в изучении аграрной проблемы в 60-х — 80-х годах XX века.

Другое направление российского аграроведения разрабатывалось литераторами неонародничества (В. Н. Черновым, Н. Я. Быховским, Н. С. Русановым и др.), которые акцентировали внимание на социальных интересах российского крестьянства, как они их понимали исходя из утопии русского самобытного социализма (3). Хотя некоторые

результаты их исследований положительно коррелировали с данными и обобщениями научного крестьяноведения, в целом их теоретические построения находились под сильным воздействием политических доктрин.

Хотя систематическое изучение аграрно-крестьянского движения связано с деятельностью советских историков, первые попытки анализа аграрных беспорядков начала XX века были предприняты ещё во времена империи. Очевидцы и аналитики пытались прежде всего зафиксировать «картинку аграрных выступлений», передать атмосферу беспорядков в деревне (4). Характерно, что часть исследователей, наряду с общей характеристикой выступлений, акцентировала внимание на изменениях в настроении крестьян на разных этапах революции 1905–1907 годов (5). Социально-психологические мотивы консолидации дворянства на основе противодействия массовому аграрному движению оказались в центре внимания Б. Веселовского и ряда других авторов (6). Авторы пытались не только проследить направленность и масштабы аграрного движения, но и показать результативность борьбы крестьян против помещиков.

Оценки масштабов крестьянского движения, степени участия в нём различных социальных слоёв деревни во многом зависели от политической ориентации исследователей (7).

После победы Октябрьской революции начинается процесс унификации историографии согласно канонам правящей партии и её идеологии, стала создаваться апологетическая историография революции. Обладая почти монопольным правом на выпуск литературы, большевики предприняли массированную идеологическую атаку с целью завоевания популярности и поддержки, прежде всего среди молодёжи. Помимо выпуска агитационных брошюр, первоначально предпринимались попытки трезвого и объективного анализа событий, происходивших в деревне. В этой связи стоит отметить работы Н. Я. Быховского (члена ЦК партии социалистов-революционеров, деятеля исполкома Всероссийского совета Крестьянских депутатов) (8). Показательно, что книга Н. Я. Быховского о Крестьянском совете была признана в советской историографии (в 1974 году) «наиболее полной историей Всероссийского Совета Крестьянских депутатов» (9). Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что только оппоненты большевиков пытались разобраться в сущности аграрных вопросов. Добросовестные попытки связать крестьянские

бунты с октябрьским переворотом и последующими событиями в столицах привели к появлению теории «двух революций», двойного характера русской революции (10). Однако для идеологов режима, а впоследствии и для сообщества советских историков, исследования двадцатых годов на долгое время остались отмечены печатью слабости методологической разработки общих проблем социалистической революции, переоценки стихийного характера аграрной революции, недостаточного раскрытия классовой борьбы, отрицания «руководства рабочего класса, партии большевиков и пролетарского государства процессами, происходившими в деревне» (11).

Действительно, пока в России продолжали работать С. Ф. Платонов, Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, А. В. Чаянов и другие учёные «ленинские выводы и методологические указания» вряд ли могли стать единственным ориентиром научной общественности. В самом деле, заявление о том, что революция «безжалостно искореняет не только обветшалые, но и всё ещё жизнеспособные институты и ценности общества, и тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп» (12), противоречило сразу и марксистской философии и ленинским утверждениям о сохранении в постреволюционном обществе всех наиболее ценных элементов и структур. Предложенное А. В. Чаяновым разделение всех крестьянских хозяйств на шесть групп (13) вместо трёх ленинских, уже само по себе делало спорным вывод о наличии двух социальных войн в деревне. А что, кроме «мировой» контрреволюционной агитации могло привидеться в положении учёного о том, «что сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия» (14).

Работы Н. Д. Кондратьева о циклических колебаниях плановой экономики, исследования динамики российского рынка хлебов в годы Первой мировой войны и революции убедительно демонстрировали неэффективность аграрных мероприятий большевистского руководства, его неспособность выработать адекватную макроэкономическую стратегию (15). Труды Н. В. Крылова, И. В. Мозжухина, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и многих других талантливых исследователей тоже не помещались в прокрустово ложе ленинско-сталинской концепции строительства социализма в одной стране. Естественно, что советское руководство не могло позволить существовать неидеологизированной науке.

В конце 20-х годов развитие этих направлений отечественной научной мысли было пресечено партийно-государственными инстанциями, утверждавшими «пролетарскую» историческую науку. Она базировалась на политических и теоретических идеях ленинизма, подвергнутых вскоре сталинской ревизии. На долгие годы была устранена возможность объективного исследования отечественного крестьянства (16). Репрессивную машину (17) не могли остановить «неловкие увёртки» учёных, предупреждавших, что «ни описание... существующего состояния, ни тем более изложение... истории не входило» в их задачи (18). Исправлению «методологических ошибок» и утверждению «ленинской концепции» в науке были посвящены дискуссии и оргмероприятия конца 20-х — начала 30-х годов. В 1929 году ОГПУ сфабриковало «Академическое дело», осенью 1930 года — дело трудовой крестьянской партии (лидерами которой «оказались» Н. Д. Кондратьев и А. В. Чайнов), Союзного бюро меньшевиков. С начала 30-х годов началось изыскание и подавление инакомыслия непосредственно в рядах партийных историков. «Краткий курс» на долгие годы определил концепцию революции 1917 года, впоследствии названную ленинской: «Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс в союзе с крестьянской беднотой при поддержке солдат и матросов свергает власть буржуазии, устанавливает власть Советов» (19).

В тридцатые годы советская историческая наука была зажата узкими рамками догматов сталинизма. Вот как описывает ситуацию с официально выверенных позиций советский историк: «В 30-х годах развёртывается изучение советского строительства и проблем классовой борьбы в деревне в первые месяцы социалистической революции... В середине 30-х внимание исследователей переключается на разработку истории классовой борьбы в деревне в период комбедов. В конце 40-х — 50-х годах появляются монографии, раскрывающие политику большевиков по отношению к крестьянству при подготовке и проведении Октябрьской революции» (20). На самом деле предпринимались попытки обобщить и систематизировать эмпирический материал, но приверженность жёстким идеологическим постулатам, подмена самостоятельного анализа событий аграрной революции цитированием ленинских выкладок по аграрному вопросу значительно обедняли интеллектуальные усилия историков.

Тем не менее, даже эти годы нельзя считать полностью потерянными для исторической науки. Продолжалось издание документальных сборников, к 1960 году их было уже около 130 (21), дальнейшее развитие получило изучение местного материала, правда, региональным историкам приходилось подгонять его под идеологически «нагруженные» официальные концепции.

После XX съезда произошла заметная активизация исследовательской работы в этой области, были отсечены наиболее одиозные фальсификации сталинской историографии. Аграрная история начала XX века стала рассматриваться в контексте основных позиций ленинской концепции истории русской революции: о союзе рабочего класса с крестьянством, о путях эволюции капитализма в деревне, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и, разумеется, о руководящей роли партии в революции. Было выделено несколько «эталонных» исследований. Характер аграрного строя России также тестировался на предмет выявления «объективных предпосылок для социалистического сельского хозяйства» (22). Нельзя, однако, сказать, что хрущёвская «оттепель» сразу и вдруг изменила ситуацию в академической истории. По-прежнему выходили работы авторы, которых утверждали, что: «...на другой день после победы революции (октябрьской — Д.Л.) были осуществлены заветные чаяния трудящегося крестьянства» (23). Тогда же вышел в свет и двухтомный труд С.П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», явившийся попыткой более-менее последовательно изложить точку зрения официальной советской исторической науки на проблемы деревни. Работа, исполненная в духе ленинско-сталинской концептуалистики аграрной революции, сделалась едва ли не оселком, по которому проверялись компетентность, профессионализм, идейная выдержанность и верность идеям марксизма отечественных авторов (24).

Вместе с тем, появляются профессионально сработанные тексты, содержащие не только очередную интерпретацию официальной доктрины, но и богатый фактический материал, предпринимались попытки самостоятельного анализа исторических фактов. Группа историков, возглавляемая К.Н. Тарновским, объединилась под лозунгом «нового прочтения» истории революции 1917 года.

Камнем преткновения для сторонников различных направлений стал чисто формальный, на первый взгляд, вопрос: выступил ли

пролетариат в октябре 1917 года, пользуясь поддержкой беднейшего крестьянства, или в союзе со всем трудовым крестьянством. В соответствии с ленинской социологией вопрос о движущих силах Октября напрямую увязывался с проблемой его характера и потому приобрёл сакральное значение: изменения в оценках расстановки классовых сил сигнализировали о состоянии политической конъюнктуры, но не только. Споры историков о роли крестьянства в революции предстают в качестве иноформы противостояния «сталинцев» и «ленинцев», приверженцев жёстких или либерализованных схем партгосруководства (25). Дискуссионное поле ограничивалось вопросом об имущественном цензе крестьян, поддерживавших пролетариат. Сталинская историография педалировала союз с беднейшим крестьянством, взыскующие истину и демократию учёные отстаивали ленинское положение о блоке со всем крестьянством.

У священной темы — своя нумерология. Перевод проблемы на язык количественных характеристик означал выявление соотношения первой, буржуазной (всех крестьян против помещиков) и второй, протосоциалистической (бедноты против кулаков) социальных войн. Исходные данные ленинской статистики (в основе — «лошадиной») не подвергались оппонентами сомнению — 65% бедняков, 20% середняков, 15% кулаков. За нюансами исчислений проступали позиции. Признание удельного веса второй войны в размере 5–7% намекало на симпатии к «истинному» ленинизму, охранительные взгляды обнаруживали себя при счёте 20–30%. Пафос разногласий угадывается в контексте времени: минимизация показателей борьбы бедных противоречила сталинскому постулату о «чистой» пролетарской революции и подчёркивала общенародную природу Октября, перекликалась с идеей демократизации социализма.

Тогда же в исследованиях, посвящённых небольшевистским партиям, исподволь начинают восстанавливаться академические традиции. Они наполняются документальными данными. В этой связи необходимо отметить новаторские для своего времени исследования К. В. Гусева, посвящённые партии левых эсеров (26).

На рубеже 50-х — 60-х годов активизировалась деятельность региональных исследователей аграрного движения начала XX века. Для их написания широко использовались архивные документы (27). В 1962 году авторы «Истории Великой Октябрьской социалистической революции» опираясь, в частности, на материалы региональ-

ных исследователей, смогли сделать обобщения по вопросу о времени проведения массовой конфискации помещичьих имений, о методах раздела земли, инвентаря, скота. Однако мнение, что на первом этапе раздела земли значительная часть её перешла в руки «хозяйственного мужичка», имеющего инвентарь для её обработки, а получение земли бедными слоями деревни ограничивалось, высказанное В. Н. Яковцевским, П. И. Лященко и рядом других авторов, подверглось резкой критике, как искажающее суть «Декрета о земле» (28). Причём о том, что Декрет о земле явился лишь юридическим оформлением проведённого явочным порядком в течение 1917 года «чёрного передела», фактически оставлявшим открытым вопрос о собственности на землю, естественно не упоминалось. Вообще со времён борьбы с «чаяновщиной» вопрос о крестьянском движении всё больше утрачивал чисто научное значение и приобрел вид политического и идеологического ристалища, где ломались копья, часто не в поисках истины, а во славу (или против) той или иной идеологической установки. Без учёта этого фактора просто невозможно уяснить причины разгрома историков, добросовестно пытавшихся «очистить» Ленина от Сталина. Правда, в те годы учёных уже не расстреливали, страдали в первую очередь книги и возникали проблемы с продолжением занятий профессиональной деятельностью. Весьма заметной вехой этой идеологической эпопеи является огульная критика и изъятие из научного оборота книги «Российской пролетариат: облик, борьба, гегемония» (29). Ранее было заблокировано утверждение докторской диссертации А. Х. Бурганова (30), подверглись нападкам его тезисы «К вопросу о классовом характере Октябрьской революции», изложенные на конференции о Великом Октябре в 1967 году (31). Критика выдержанных, строго говоря, в ленинском духе изысканий советских историков проводилась широким фронтом, с применением организационно-административных методов воздействия. Итоги «дискуссии» были подведены в журнале «Коммунист», номере пятом за 1969 год. Попытка подвергнуть ревизии сталинскую догматику по аграрно-крестьянскому вопросу натолкнулась на ожесточённое сопротивление и потерпела неудачу.

Избиение сторонников «нового прочтения» истории октябрьской революции вынудило их «отойти» на другие научные позиции, связанные с изменением ракурса исследования. Скажем, К. Н. Гарновский, оставив теперь в стороне проблему предпосылок революции

и уровня капитализации страны, стал рассматривать эти вопросы в «замещённой» форме, обратившись к изучению партийно-политической структуры России начала XX века. Суть «манёвра», совершённого тогда рядом историков, В.М. Бухараев, выдвинувший понятие «замещённое историческое познание», выразил следующим образом: «В начале семидесятых годов административный произвол вынудил сторонников “нового прочтения” идей марксизма-ленинизма изменить темы своих розысканий. Но изменили так, чтобы с “другого конца” пробиваться к научной истине» (32).

Несмотря на то, что семидесятые и почти все восьмидесятые годы творческая мысль сдерживалась, продолжалось упорное освоение документальных источников, осмысление материала. Определённый интерес вызывает полемика о периодизации аграрного движения в марте–ноябре 1917 года. Немаловажным для советской историографии является вывод о значительной роли в деревне крестьянских земельных комитетов в книге по истории сибирского крестьянства (33). Некоторые сибирские исследователи также усомнились в решающей и направляющей роли большевиков в сибирской деревне (34). Их, конечно, сразу «вразумили», несмотря на то, что В.И. Ленин, по итогам выборов в Учредительное собрание, отнёс Урал, Сибирь, Украину и Поволжье к наименее большевистским регионам (35).

Как результат идеологического контроля следует рассматривать постоянные «реверансы» в сторону Коммунистической партии, Советского правительства и лично «кого-нибудь», часто встречающиеся в исследованиях этого периода. Сказав нечто, не укладывающееся в рамки партийных догм (иногда и не сказав), авторы, как бы торопясь заглазить свою вину, рассыпались в комплиментах по адресу партийно-государственных структур. Так, например, в уже упоминавшейся работе «Историография крестьянства Советской Сибири», указано, в частности: «Обстановка в деревне определялась общим положением в стране» (36). В той самой стране, где 85% населения жило в деревне. Не логичнее ли предположить, что именно возбуждённое состояние деревни во многом явилось причиной нестабильного положения России?

Не сразу стала меняться ситуация и после 1985 года — начала «перестройки». Новое руководство КПСС, нуждавшееся в оправдании своих действий, не преминуло обратить взгляд на историков,

которые по плану перестройки должны были объяснить причины провалов и обрисовать новые пути выхода к светлому будущему. Но ни заклинания с высоких трибун, ни поспешное переименование учебных дисциплин оказались не в состоянии действительно «развязать глаза» идеологизированной науке. К тому же, партруководство, в «лучших» своих традициях, вовсе не собиралось предоставлять историкам действительную свободу научного поиска.

Большой положительный эффект для реанимации политической истории имел постепенно набирающий обороты процесс введения в научный оборот ранее запрещённых в 30-е и последующие годы работ, мемуаров, документов. Его начало связано с публикацией ряда статей о Н.И. Бухарине в 1987 году (37). Первые публикации о Бухарине появились в атмосфере набравшей силу политизации исторической науки, большинство из них было исполнено в далёкой от академизма манере. В этом смысле этапным явилось издание работ самого Н.И. Бухарина (38) и книги Стивена Козна о нём (39), объективность и взвешенность оценок американского учёного дали возможность советскому читателю познакомиться с истинной политической физиономией былого «любимца партии» (40). Споры о личности Н.И. Бухарина, историческом значении «альтернатив» конца 20-х — начала 30-х годов носили скорее конъюнктурный характер, однако «бухаринский бум» (Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов) стимулировал интерес и к другим историческим персонажам эпохи утверждения сталинизма (41). С конца 80-х годов набирает силу процесс публикации трудов репрессированных учёных и политических деятелей, «застигнутых врасплох» советской эпохой, который вскоре приобретает собственную динамику. В научный оборот вновь вводятся работы В.Л. Бурцева, П.Н. Милокова, Н.Н. Суханова, Л.Д. Троцкого и других (42).

С конца 70-х годов наметилась тенденция возрождения интереса к описанию быта и обрядов крестьянства. В 80-е годы, особенно во второй половине, эти исследования приобретают логическую завершенность, их авторы размещают данные своих изысканий в координатах отечественной истории (43).

Этот поток литературы, который требовалось освоить в минимальные сроки, буквально захлестнул отечественных историков. Общее состояние исторической науки в стране к началу 90-х годов замечательно выразил Ю.В. Аксютин, бросивший в пылу дискуссии,

завязавшейся на конференции, посвящённой роли 1917 года в исторической судьбе России: «Мы рефлексируем!» (44). Наглядным примером чего может служить целая серия научных конференций, в том числе и международных, состоявшихся в Москве и Санкт-Петербурге во второй половине 90-х годов. Как состав участников, так и проблемы, поднимавшиеся на этих конференциях позволяют сделать оптимистические выводы относительно перспектив отечественной исторической науки. Однако, если говорить об изучении аграрного движения в начале века — приходится признать, что процесс рефлексии несколько затянулся. Между тем, за этот период зарубежные исследователи, получившие доступ к отечественным архивам, освоили массу материалов, предложили множество концепций и вариантов подходов к истории российской деревни. Советские историки были практически лишены возможности использовать для своих концептуальных построений хотя бы труды А.В. Чаянова, которые уже давно признаны классикой крестьяноведческой литературы. Собственно говоря, именно на его идеях базируются и теория «моральной экономики» крестьянства (45), и концепция непрерывности развития хозяйства и политической системы России (46), и гипотеза о сохранении единой структуры промышленности и сельского хозяйства с начала XX века до 30-х годов (47). К тому же ряду можно отнести и работы Д. Байрау (48).

В целом можно констатировать, что в современном отечественном общественном сознании активно мобилизуется целый спектр концептуальных построений, выдвинутых в евроатлантической науке 50-х — 60-х годов XX века, и получивший обобщённое название «теории модернизации». Философия «модернити» вкупе с «цивилизационным подходом» и идеями «школы тоталитаризма» представляют тот набор подходов и позиций, которые заменяют традиционные марксистские схемы советского обществоведения. Отказ от моноидеологии и возможность научных дискуссий несомненно ценны для развития отечественной науки. Однако при ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что марксизм и модернизаторские построения современных историков основываются на едином позитивистско-сциентистском видении исторической реальности. Между тем, современная наука выработала ряд подходов, позволяющих избежать линейности в истолковании исторического процесса, но по ряду причин (теоретическая инерция, сильные расхождения с традицией

советской историографии и пр.) методологические основания социокультурного подхода, одним из локальных воплощений которого, по существу, является крестьяноведение, остаются недоступными для основной массы отечественных исследователей истории крестьянства.

Надо отметить, что среди советских историков сложилось своего рода разделение труда. Выработка концепций и обобщение материала считалось прерогативой московских исследователей, от местных историков требовалось всего лишь заполнить исторической фактурой уже готовые теоретические формы. В этом качестве труды, посвящённые советской истории Поволжья, начали появляться примерно в то же время, что и общие работы по истории Октябрьской революции и советского государства (49).

В литературе 20-х — 30-х годов содержались первые обобщённые материалы по истории борьбы крестьян, о её формах, указывалось на роль губернских крестьянских съездов в развёртывании крестьянского движения. Первые попытки обработки документального материала представляют несомненный интерес и сохранили своё значение до сегодняшнего дня.

В двадцатые годы были также сделаны попытки составления хроник и осуществлены публикации документов по истории Октября в Поволжье. В 1926 году Е. Грачёвым были собраны и хронологически систематизированы документы по истории революционного движения 1917 года в Казани и Казанской губернии (50). Н. М. Силева и А. А. Сальникова справедливо указывают, что в силу неполноты собранного материала, только некоторые документы представляют определённый научный интерес (51). Они полагают также, что в работах 30-х — 50-х годов «при оценке событий и отдельных личностей допускались ошибки, описание событий на местах подгонялось под общую схему. Бедность источниковой базы, отсутствие критики и сопоставления источников (особенно документальных) влекли за собой необоснованность выводов, а иногда и искажение действительности» (52). Сходные оценки содержатся и у И. М. Ионенко: «В ряде случаев выводы авторов оказываются слабо мотивированными, не подкреплёнными фактами и документами» (53). Весьма невысоко оценивается и деятельность по публикации документов и архивных материалов в этот период. Так, сборник «Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (54), опубликованный в 1950 году,

содержал много неточностей, неоправданных сокращений и практически не внёс ничего нового в состояние источниковой базы по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье.

Таким образом, хотя вряд ли можно объединять работы 20-х — начала 50-х годов в один блок, мнение о том, что в конце 50-х годов в исследованиях обозначилось новое направление, следует, на наш взгляд, признать достаточно обоснованным. Изучению крестьянского движения помогла широкая публикация документов по истории революции 1917 года, предпринятая в стране в связи с сорокалетием Октябрьской революции. Как и по всей стране, эта работа в Поволжье была проведена с большим размахом. По подсчётам П. С. Кабытова и В. А. Шестакова, в поволжских сборниках было опубликовано более 30 000 документов, из них 61% — впервые (55). По данным Н. М. Силаевой и А. А. Сальниковой только в четырёх сборниках по истории крестьянского движения 1917 года в Среднем Поволжье (56) было помещено более 900 документов, освещающих аграрные волнения в этом регионе, причём более 600 — в сборнике «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября». В 1957 году вышла в свет работа И. М. Ионенко «Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября» — одно из наиболее полных исследований по истории крестьянского движения Казанской губернии в начале XX века. Книга написана на основании изучения большого количества источников. Автор широко использовал материалы центральных и местных архивов, периодические издания, мемуары. И. М. Ионенко рассматривает основные формы крестьянского движения на протяжении всего 1917 года, освещает события, предшествовавшие обвальным беспорядкам. Значительное внимание уделено деятельности низовых крестьянских организаций, волостных и сельских комитетов; особенностям национально-освободительной борьбы в изучаемом регионе. Работа не лишена отдельных недостатков: неравномерная характеристика уездов, описательность, отсутствие самостоятельного концептуального решения. Но, в целом, массив привлечённых источников и добротность исполнения позволяют определить это исследование как лучшую работу по истории крестьянского движения в Казанской губернии, выполненную в рамках советской историографической традиции.

Тема истории аграрного движения в Казанской губернии в революционную эпоху была продолжена М. А. Кибардиным в работе

«Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917–1919 годов» (Казань, 1963 год). Автор предпринял попытку решить двуединую задачу: представить ход и итог аграрной революции в Казанской губернии и показать руководящую роль большевиков в этом процессе. Достаточно «вольно» трактуя архивные документы (57), нередко игнорируя факты, М. А. Кибардин в конечном итоге преуспел в выявлении руководящей роли большевиков в перипетиях деревенской революции. Вместе с тем, книга насыщена фактическим материалом и представляет определённый интерес. Надо заметить, что М. А. Кибардин отнюдь не был одинок в стремлении рассматривать политику ленинского руководства в деревне как последовательную и целеустремлённую (58).

В шестидесятые годы было продолжено изучение крестьянского движения в Казанской губернии. Ведущая роль в освещении проблемы, несомненно, принадлежала историкам Казанского государственного университета. В работах И. Р. Тагирова, Р. К. Валева, И. М. Ионенко и других содержится немалый массив данных о движении, взаимодействии различных сил и степени их вовлечённости в революционный процесс.

Характерной чертой этого этапа явилось вовлечение в оборот новых источников и, в первую очередь, массовых — крестьянских наказов, резолюций съездов, сходов, документов крестьянских комитетов и советов, что существенно продвинуло вперёд изучение основных аспектов крестьянского движения, в особенности выяснение роли и места в нём низовых крестьянских организаций.

Обобщающей работой по истории «смуты» 1917 года на берегах Волги стал коллективный труд «Октябрь в Поволжье» (59). В книге на основе анализа широкого круга источников показаны ход крестьянской борьбы, её формы и методы в Казанской, Саратовской и — менее подробно — в Пензенской и Симбирской губерниях.

В конце 60-х — начале 70-х годов определился круг проблем, которые представлялись местным историкам наиболее актуальными. Впервые в историографии региона было привлечено внимание к необходимости специального изучения документов революционного творчества масс, в особенности низовых крестьянских организаций. В статьях Н. М. Силаевой исследуются основные группы документов по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в 1917 году, ставятся и разрешаются вопросы их текстологии и археографии.

Было начато изучение социально-психологического аспекта крестьянского движения (60).

Определённые успехи были достигнуты поволжскими исследователями в изучении истории крестьянских организаций в 1917 году (61).

В 70-х годах появляются первые историографические работы по истории поволжского крестьянства. Тогда же был проведён ряд обобщающих изысканий по проблемам назревания кризисной ситуации в 1917 году (62). И.М. Ионенко проанализировал участие солдат тыловых гарнизонов в борьбе против Временного правительства (63). Было уделено внимание национально-освободительному движению в Поволжье (64) и коллизиям гражданской войны в регионе (65).

В 1976–1980 годах группа казанских учёных проводила научно-исследовательскую работы по теме «Великая Октябрьская социалистическая революция в Поволжье и Приуралье». В группу входили И.М. Ионенко, И.Р. Тагиров, Р.К. Валеев, Н.М. Силаева, С.И. Ионенко. В рамках темы продолжалось исследование важных аспектов аграрного движения: сельская община после падения самодержавья и её роль в образовании и деятельности низовых крестьянских организаций, динамика социальных настроений бедняцко-средняцкого большинства в деревне, исследовались также вопросы преобразования старой армии в революционную силу и другие проблемы. По итогам работы было подготовлено шесть монографий и более тридцати статей и докладов (66).

Восьмидесятые годы отмечены падением интереса к аграрной тематике: в 1980–1987 годах вышло только две работы о событиях 1917 года, которые хотя и затрагивали вопрос о беспорядках в деревне, не были непосредственно посвящены крестьянскому движению (67).

В 1988 году Л.М. Овруцкий защищает диссертацию о левозеро-ро-вских концепциях Октябрьской революции (68). В следующем году Р.К. Валеев защищает докторскую диссертацию об общенациональном кризисе в Поволжье (69). И, пожалуй, последней по времени работой на эту тему можно считать совместную книгу А.Л. Литвина и Л.М. Овруцкого «Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы)», в которой содержится анализ деятельности партии левых социалистов-революционеров в уездах Казанской губернии (70).

Таким образом, изучение российского крестьянства, при помощи методов позитивной науки, в конце XX века исчерпало себя в качестве интеллектуальной практики, оставив сообщество историков-аграрников (71) в состоянии достаточно глубокого кризиса, обусловленного расстыковкой онтологии и гносеологии в исторических исследованиях.

Помимо коллапса советской исследовательской традиции этот этап развития исторического знания в нашем Отечестве характеризовался открытым — неконфронтационным, а «комплиментарным» — диалогом с различными направлениями мировой исследовательской мысли. В теоретических дискуссиях зарубежной науки наметились, пожалуй, три основных подхода к рассмотрению крестьянства. Первый: крестьянства в аналитическом значении этого слова не существует. Это «бедные» мира, или сельские бедные, или люди, занимающиеся сельским хозяйством. Существующие отрасли социологии рассматривают разные слои этих людей под разными углами зрения — и ни в каком крестьяноведении нет нужды.

Второй подход: крестьяне существуют как носители особых характеристик, особых способов исторического поведения, и их надо изучать, но это можно сделать на основе уже существующих научных дисциплин.

Третий подход основан на рассмотрении особенностей крестьянства как социального и исторического феномена и исходит из того, что его познание требует некоторых особых методологических подходов и аналитических приёмов.

Дж. Скотт, выдвигая понятие «моральной экономики» крестьянства (в споре с «чистыми» политэкономиями), привлёк внимание к важнейшим сторонам крестьянского хозяйствования, которые не описываются общими категориями политэкономики. В рамках концепции «моральной экономики» работают и другие исследователи, в частности, Д. Байрау (72). Он также рассматривает период с 1905 по 1917 год как единый исторический период, имея в виду ценностные ориентации крестьян-общинников и объективные задачи аграрного движения.

Ещё более внятно говорится о начале XX века как о едином периоде в экономической жизни России в докладе группы западных учёных из Великобритании, Соединённых Штатов, ФРГ и Австралии, которая с 1985 года предпринимала попытку сравнительного анализа экономики Российской империи и СССР до 1926 года (73).

Отметим, что ныне исследователи всё более отказываются от «строгих» концепций, оснащённых генерализирующими идеями. Всё большее распространение получают конвенционалистские подходы в той мере, в какой они позволяют успешно описывать этапы в развитии тех или иных исторических процессов.

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДИСКУРСА

Кризис отечественного обществознания поставил советских исследователей общества (историков, социологов и т. п.) перед необходимостью определиться с методологией и целью исследований. Крах Советского Союза заставил поторопиться с самоопределением. В постсоветском обществоведении начался (и, в общем, продолжается) методологический ажиотаж, обусловленный, по человечески понятным, стремлением сохранить статусные позиции и перспективы профессиональной деятельности. Некритическое восприятие исследовательских концептов, сформировавшихся в евроатлантической традиции, привело к деструкции собственной советской традиции. Печально, но отказ от марксистско-ленинской догматики не сопровождался деконструкцией её дискурса. Поэтому методологическая модернизация гуманитарной науки имела, *par excellence*, косметический характер. Проще говоря, декларируя приверженность новым исследовательским парадигмам, российские гуманитарии, делали это с пылом дикарей, преклонявших колени перед вспыхнувшей в руке миссионера спичкой. Неофиты либеральных концептов просто не замечали, что большинство западных методик восходят к интеллектуальным практикам марксизма, хотя бы и не замаранных кровавым следом ленинско-сталинского государственного строительства.

Марксизм — религия интеллектуалов, стремящихся «поверить алгеброй» гармонию, в видах псевдонаучного рационализаторства. Однако, если «попытки государства сделать жизнь более упорядоченной (*legible*)» (74), обусловлены утилитарным стремлением облегчить осуществление классических функций государства, тогда как

попытки рационалистической генерализации в гуманитарных науках, не только противоречат духу гуманитарных исследований (75), но и прямо невозможны без бесшабашного насилия над историей (76). Методологическое различие между «Naturwissenschaft» (наукой о природе), использующей «генерализирующие» методы и «Kulturwissenschaft» (наукой о культуре), эксплуатирующей «индивидуализирующий» метод, сформулированное представителями неокантианской школы (77), становится очевидным для профессиональных историков со времён Риккерта и Трельча (78). В России начала XX века, в период, когда сделалось модным понимать историю как науку о законах исторической жизни человеческих обществ, С. Ф. Платонов осторожно предупреждал, что русский историк не может руководствоваться этим идеалом, ибо «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью её признаётся систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества» (79).

Во второй половине XX века, когда отечественное обществоведение всё ещё разбиралось с наследием «великого революционера...» утопически революционизировавшего историю в применении к социологии» (80), на Западе, прежде всего во Франции, разворачиваются дебаты о формах межпарадигмального консенсуса для курсов истории и социологии (81). Однако, декларированный ещё Леви-Строссом симбиоз истории и этнографии, актуальный в контексте антропологических исследований, оказался, по-видимому, невозможен в системе отечественного обществознания, параметры которой всё ещё выверяются по немецким эталонам 18-го века.

Описанные обстоятельства предшествовали знакомству отечественных исследователей с методологическим инструментарием и идеологией современного западного крестьяноведения. К слову сказать, сами крестьяноведы, рефлексируя по поводу гносеологических оснований своих интеллектуальных процедур, выводят дискурсивную формацию крестьяноведения из работ и интенций организационно-хозяйственной школы А. Чаянова (82). Хотя, сами «отцы-основатели» рассматривали социологию крестьянских хозяйств в качестве вспомогательного направления при решении задач рационализации экономического планирования хозяйственной деятельности сельских общин и крестьянских «дворов» (83).

Евроатлантическая версия исследования крестьянского бытия интенционально несёт в себе здоровый заряд этнографической любознательности и этнологического сравнительного анализа. Совокупность данных заходов актуализирует проведение исторических разысканий, обращённых на изучаемый объект. В конечном итоге крестьяноведение, как познавательная практика, представляет из себя мультипарадигмальный, междискурсивный метод исследования (84) аграрного производства в традиционалистских сообществах, которые обозначены как «община» или «двор». Потенциальная возможность появления данного дискурса возникла вследствие длительных и настойчивых усилий мирового научного сообщества по легитимации сложной методики социальной антропологии в качестве единого исследовательского комплекса. Приемлемые в данном дискурсе эвристические методы открывали широкие перспективы не только в социологии, но и в исторических исследованиях, строгая квазиметодология которых, сформированная в СССР, позволяла свести к «нулю» исследовательский потенциал любого историографического проекта. То, что отечественное обществоведение «доельцинского» периода игнорировало крестьяноведение как исследовательский метод, объясняется некоторой «нечистотой» его происхождения. Интенцией, побудившей Д. Скотта и его последователей, обратить внимание на общинное крестьянство явилось упорное нежелание вьетнамских земледельцев брать землю (заметим — бесплатно) в частную собственность. Из-за чего, собственно говоря, они и поддерживали вьетконговцев. Столкнувшись с такой немотивированной и, как казалось, нерациональной стратегией евроатлантическое сообщество постаралось выяснить истоки данного поведения. В результате и состоялось «второе» (85) рождение крестьяноведения.

Учитывая то обстоятельство, что в советской деревне крестьянство, как класс, было фактически уничтожено, можно отметить, что в России наибольший интерес могли представлять именно антропологические, исторические сюжеты, прописанные при помощи методик крестьяноведческого анализа. Последовательное их применение при разрешении частных и ключевых проблем отечественной истории действительно позволяет получить неожиданные и любопытные исследовательские результаты. В частности, автор использовал их для объяснения причин резкого всплеска аграрных беспорядков в России в 1917 году. В результате хронологическая картина «общин-

ной революции» (86) 1917 года в российской провинции оказалась простой, логичной и непротиворечивой (87).

Проблема изучения крестьянского тела России имеет для отечественных историков едва ли не сакральный характер. Дело в том, что за статистическими данными и хозяйственными параметрами в советской исторической и тем более историко-партийной традиции намётанный взгляд искушённого бойца научного фронта без труда угадывал политическую ориентацию автора. В практиках замещённого исторического знания, где задача поиска объективной истины — генетическая интенция научных штудий — отступала перед реалиями борьбы за выживание (порой не только статусное или номенклатурное), признание преобладания беднейшего крестьянства в структуре российского населения свидетельствовало о принадлежности к когорте историков сталинской закалки, полагавших, что уже в 1917 году Россия вполне созрела для пролетарской революции. Констатация же того очевидного факта, что большинство населения страны никак не могло быть пролетаризовано (88), означала вовсе не научный вывод, а являлась печатью, которой были отмечены адепты версии о «превентивном» характере октябрьской революции. Большинство этих исследователей принадлежали к отряду, так называемых, «шестидесятников, представители которого двинулись на штурм командных высот в науке и образовании в годы Перестройки. Для этого организационно-статусного противостояния коммунистов-либералов и коммунистов-ортодоксов не имело никакого значения, что статистическая цифирь, используемая ими в схоластических диспутах, вообще не может служить очевидным доказательством чего-либо в дискурсе гуманитарных исследований, при условии, что гипотезы не будут заданы на основе дедуктивных методов (89).

Традиция апеллировать к «лошадиной статистике» для обоснования социологических гипотез была заложена персонально Лениным (90), ученические экзерциции которого долгое время служили эталоном исследовательской работы. Произвольно выбранные индикаторы состояния социальной структуры были основаны на количестве лошадей, имевшихся в одном крестьянском дворе. В соответствии с этой методой хозяйства с 1–2 лошадьми, признавались середнячками, имевшие большее число — кулацкими, безлошадные, соответственно — беднячками. Генерированная посредством такой немудрёной редукции социальная структура российского социума вполне

годилась для идеально-типического экспериментирования. При этом экспериментаторов ни мало не смущало то обстоятельство, что привычные цифры и методики входят в противоречие с историческими фактами, освобождёнными от принудительных комментариев (91).

Дебют крестьяноведения в России, в начале 90-х годов, совпал с периодом «столыпинофилии» в новейшей российской историографии. Внимание не только профессионалов, но и широкой общественности, было привлечено к коллизиям, сопровождавшим открытие «последнего клапана» (как язвительно характеризовал столыпинскую реформу В. Ленин). Чуть позже, примерно в середине 90-х, властями дум становятся историки, расследовавшие перипетии «Красной смуты». Таким образом, методологические новеллы крестьяноведения в первую очередь оказались востребованы в России именно историческим сообществом, активно искавшим новый универсальный метод исторического познания. Что же касается социологии, то в силу особенностей её дискурсивной формации в советской и постсоветской России аграрные исследования остаются вне списка наиболее актуальных тем. Впрочем, ограничение в использовании крестьяноведческих методик наукой об обществе обусловлено ещё и тем, что применение крестьяноведческих методик для описания жителей современной российской деревни, не без оснований можно расценить как необоснованная экстраполяция методов изучения традиционалистских обществ (основу социальной структуры которых и составляют крестьяне) на маргинализованные общности. При этом крестьяноведческие методики, сами по себе, непригодны для тестирования степени маргинализации, либо расчёта коэффициента традиционализма социума. В крестьяноведении (как и в большинстве антропологических и культурологических дискурсов) статистическая составляющая исполняет служебную, вспомогательную функцию, выступая, скорее, в роли основания для начала интеллектуальных процедур, нежели — результата аналитических усилий.

В исторических исследованиях на рубеже тысячелетий произошла смена приоритетных тем и актуальных концептов, в результате которой внимание научного сообщества оказалось отвлечено от аграрной тематики. Тем более, что едва ли не сразу после презентации крестьяноведения в России, обнаружилось рассогласование историософских традиций и аналитических практик отечественной историографии и социальной антропологии — этого продукта не-

просто сложившейся межпарадигмальной конвенции социальных исследований на Западе. Проще говоря, не удалось в полной мере достичь взаимопонимания между российскими аграрными историками и собственно крестьяноведами.

В самой аграрной парадигме современной российской исторической науки явственно выделяются два направления, персонифицированные с одной стороны В. П. Даниловым, с другой — Ю. Н. Афанасьевым и А. П. Корелиным. В то время как сторонники первого — декларируют готовность применить крестьяноведческие подходы и междисциплинарные методы в исторических исследованиях, вторые — педалируют использование классических (для отечественного историознания) исторических методик. Однако, на практике речь идёт лишь о различии в источниках финансирования. В то время как, поддержка программы исследования современной российской деревни, лидером которой является Т. Шанин, осуществляется Британской академией (92), а публикация архивных материалов — Российским гуманитарным научным фондом (93), исследовательские усилия сторонников «исторического» подхода поддерживаются Фондом Форда (94) и Институтом «Открытое общество» (95). В этом смысле показательны результаты их работы. Речь идёт о сборниках «Рефлексивное крестьяноведение» (96) и «Судьбы российского крестьянства» (97), в которых, собственно, и презентированы итоги исследований социального тела российской деревни, проведённых в с использованием разных методологических подходов (98). В «Судьбах», которые представляют из себя сумму автономных сюжетов, условно объединённых некоей общей идеей, контуры которой довольно расплывчаты, рассмотрены хрестоматийные сюжеты из отечественной аграрной истории. Авторы старательно обходят «острые» темы при рассмотрении, которых может вскрыться неэффективность их аналитических концептов. Так, практически без внимания оставлены события «второй русской смуты» в российской деревни, весьма небрежной следует признать попытку сконструировать социальную структуру для русского крестьянства. Впрочем, если в аграрных исследованиях делать ставку на освоение «запретных и сокрытых документов» можно долго и вполне обоснованно отодвигать начало работы, поскольку аграрные сюжеты вообще не раскрываются при обращении ко вторичным источникам, в то время как на первичные вообще рассчитывать не приходится. К историческим изысканиям

в аграрной сфере в наибольшей степени применимо высказывание Боаса: «Чтобы понять историю, недостаточно знать каковы вещи, надо знать, каким образом они стали такими» (99).

Десятилетнее исследование современной российской деревни, организованное Теодором Шаниным выглядит более убедительно и кажется достаточно профессиональным, хотя бы потому, что участники этого проекта рефлексиируют по поводу дискурсивной формации собственных концептов. Проект, руководителем которого является Т. Шанин (один из лидеров современного крестьяноведения) является наиболее последовательной исследовательской программой в области крестьяноведения. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1992 году, когда на страницах журнала «Отечественная история» Т. Шаниным была представлена работа Джеймса Скотта «Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии» (100). В конспекте книги Д. Скотта были в концентрированном виде изложены основные аналитические концепты и методологические принципы современного крестьяноведения. Основными категориями этого дискурса являются: «этика выживания» — набор технических и социальных приёмов, обеспечивающих наиболее комфортные условия существования для членов деревенских сообществ, которых можно отнести к мелким сельскохозяйственным производителям, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к представителям обладателям политической и экономической власти» (101). Вторая базовая категория — «моральная экономика», это этика выживания в совокупности с представлениями крестьян о «своих правах, справедливость/несправедливость притязаний администрации на часть, произведённой ими продукции, проще говоря, — формат выживания структур этики выживания. Нетрудно заметить, что все базовые категории крестьяноведения, не верифицируются в границах исторической и, тем более, социологической парадигм, предполагающих обязательное наличие количественных характеристик. Дискурс крестьяноведения, таким образом, формируется, в недрах структурной антропологии, презентированой в середине 50-х годов Клодом Леви-Строссом (102). Им же была описана и заглавная проблема в отношениях между социальной антропологией и историей (остающаяся неразрешённой до сегодняшнего дня): для формиро-

вания межпарадигмального исследовательского дискурса необходима и обоснована унификация методологии, однако в случае с историей и антропологией сложность заключается в том, что использование диахронических методов фактически блокирует возможность исторических исследований, попытки же хронологически упорядочить социальные процессы, являющиеся (в значительной степени) локальными сценариями, также нельзя считать успешными. Примечательно, что каждая генерация исследователей по-своему решает эту дилемму (103). Однако, учитывая, что работы К. Леви-Стросса пятидесятилетней давности лишь недавно оказались доступны русскоязычному читателю весьма недавно (104), трудно было ожидать от отечественных обществоведов (хотя бы они даже искренно стремились освоить новый метод) адекватного восприятия крестьяноведческих манифестов. К слову сказать, вскормленные в дискурсе евроатлантической антропологии крестьяноведа далеко не всегда считали нужным осуществлять публичную рефлексию по поводу оснований собственной теории, которая вне историографического контекста оказывалась «неудобной» для восприятия (105). В конечном итоге, даже в шанинском проекте не удалось в полной мере использовать эвристический потенциал исторических исследований. Историки, привлечённые к реализации крестьяноведческих исследований, были мобилизованы для решения локальных, вспомогательных задач в интересах обеспечения репрезентативности собственно «социологической» программы (106). Первые десять лет крестьяноведческих исследований в России показали, что крестьяноведение как метод позволяет ставить и решать вопросы, которые не «улавливаются» позитивными методами. Второй важный итог — крестьяноведение как исследовательский дискурс и, что не менее важно, как научная общность доказало свою жизнеспособность. Вместе с тем обнаружился ряд проблем, имеющих как объективный, так и субъективный характер. Во-первых, исследовательские результаты, полученные крестьяноведами, представляются, недостаточно открытым для отечественного научного сообщества, особенно в сравнении с широкими дискуссиями и презентациями начала 90-х годов XX века. Это, в свою очередь, создаёт сложности в формировании научной традиции, препятствует становлению самовоспроизводящегося крестьяноведческого дискурса. Теодор Шанин фактически персонифицирует данное направление в обществоведении, в то время как лишь формирование

научных школ, обеспечивает развитие, самовоспроизводство и, в конечном итоге, выживание исследовательской парадигмы.

Во-вторых, крестьяноведческие методики оказались актуализированы, в основном, на социологическом материале, в исторической науке они менее востребованы. Строго говоря, «социологизм» крестьяноведения случайный элемент дискурсивной формации, просто Скотт, Рэдфилд и другие «отцы-основатели» пытались найти решение актуальной задачи — именно выяснить причины активного нежелания вьетнамских крестьян принимать достижения евроатлантической цивилизации, ценность которых очевидна для американцев или европейцев. В России же, по причине отсутствия крестьянства, как социальной страты, актуальное крестьяноведение не имеет полноценного объекта исследования (107). Однако, уникальность российской аграрной истории в том, что крестьянство не было уничтожено, оно самоликвидировалось (108). Причём произошло это в строгом соответствии с логикой российской моральной экономики, что возвращает в разряд дискуссионных проблему исторической причинности, и вопрос о содержании аграрного вопроса в России в начале XX века. Проще говоря, — необходимо всё же выяснить: боролось ли крестьяне, за землю, или их интересовало что-то ещё.

В третьих, приходится констатировать, что активно проводимая советским государством политика маргинализации населения, оставила крестьяноведов практически без объекта исследования. Современные российские деревни населены потомками крестьян (109). Динамичность социальных структур, генерируемых ими не позволяет говорить об аграрном классе в современной России. Обратной стороной процесса раскрестьянивания явилась «рурализация» (читай — маргинализация) всего общества, однако этот процесс не может быть пока рассмотрен как исторический. В середине XX века К. Леви-Стросс пенял своим коллегам Одрикуру и Гранэ, за то, что они отказывались признать актуальность методик, применяемых для исследования традиционных обществ в социальном познании обществ индустриальных. Безусловно, признавая, что «различие заключается в степени трудности, а не в сути дела» (110), приходится констатировать, что в случае с Россией количественные изменения перешли в качественные. В этом смысле крестьяноведческий анализ разумнее было бы отнести именно к методам исторического исследования.

Несмотря на длительное и плодотворное сотрудничество в рамках «шанинского» проекта историки-крестьяноведы не смогли не только ответить на этот вопрос, но и внятно поставить его. Поэтому, отдавая дань уважения их научной добросовестности и работоспособности (111), приходится признать, что потенциал крестьяноведческого подхода в исторических исследованиях оказался, не использован. Едва ли не единственный автор, удачно применивший методики и научные возможности крестьяноведения к исторической фактуре — Андреа Грациози. Его книга «Великая советская крестьянская война. Большевики и крестьяне. 1917–1933», вышедшая в издательстве Гарвардского университета в 1996 году и переведённая на русский — в 2001 (112) безусловно одна из наиболее удачных (из имеющихся на сегодняшний день) работ по истории российского крестьянства. Вместе с тем автор не слишком удачно хронометрировал эту самую «войну», представив дело таким образом, что крестьяне активно противодействовали именно большевистской аграрной политике, в то время как персона оппонента не имела никакого значения, для крестьян пытавшихся добиться восстановления ущемлённых «прав». Что же касается хронологии, то для отечественной аграрной истории (да и для историографии) «цифирь» кажется каким-то дьявольским искушением. Эта проблема актуальна не только для автохтонных, так сказать, авторов, но и для представителей евроатлантического научного сообщества. В последние годы, вместо вычисления процента «распронаибеднейшего» крестьянства в составе аграрного класса России, авторы предлагают различные варианты периодизации «Крестьянской войны» или «Крестьянской революции» (113) в России, не обинуясь тем, что теми же цифрами оперировали ленинско-сталинские «учёные» в своих работах. Ведь очевидно, что, оставаясь в старой методологической сетке, невозможно получить ответы на новые вопросы. Невозможно даже поставить эти вопросы. Однако стремление к регулярным исследованиям, добросовестной научной работе, за которую так ратовал ещё Э Трёльч (114) в прошлом веке, остаётся неискоренимым для основной массы российских историков.

В ситуации, в которой ныне оказалась отечественная академическая (про вузовскую даже говорить не хочется) наука, интересы выживания российского научного сообщества в который раз вступили в противоречие с логикой и смыслом исторических исследований.

Необходимость совместного выживания под прикрытием авторитетных мэтров предопределяет минимизацию методологических инноваций, необходимость межличностной конвенции. В исследовании российского крестьянства ситуация ничем не отличается от других научных направлений. Необоснованный, с точки зрения научной результативности, конвенционализм сдерживает формирование полноценной крестьяноведческой парадигмы. И в этом смысле провал конвенционального подхода при проведении конкретных исследования, вполне предсказуем, поскольку не только дискурсивные формации, но и ментальные основания старшего и нового поколений историков во многом остаются схожими, а цеховая корпоративность не позволяет противостоять попыткам сопряжения методологии исторического материализма с крестьяноведческими методиками, восходящими к традициям христианского антропоцентризма, декларирующего свободу воли. Историческое крестьяноведение, это не история одной семьи, рассказанная её последними представителями (или 10-ти, 60-ти семей) (115), это история крестьянства, то есть такой рассказ о его прошлом, который позволит вскрыть причинно-следственные связи, объясняющие поведение всего класса и каждого его сегмента в определённые периоды времени.

В целом, историческое крестьяноведение в России ещё не состоялось в качестве аналитического дискурса, позволяющего формулировать и решать задачи исследования того, что в советской историографии снисходительно именовалось «гражданской» историей. Вместе с тем, дух крестьяноведческих исследований постепенно проникает в среду историков России, пытающихся использовать если и не методы, то, по крайней мере, выводы крестьяноведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Данилов В.П. Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издаётся в России! // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.5.
2. Шанин Т. Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию // Там же. С.22.
3. См.: Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. — М., 1989.
4. См.: Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России. — СПб., 1907; Прокопович С.Н. Аграрный вопрос и аграрное движение. — Ростов-на-Дону, 1905; Он же. Аграрный кризис и мероприятия правительства. — М., 1912 и др.

5. См.: *Марев П.* Крестьянство и революция в России //Борьба общественных сил в русской революции. Вып.3. — М., 1907 и др.
6. *Веселовский Б.* Движение землевладельцев //Общественное движение в России в начале XX века. Т.2. Ч.2. — СПб., 1910.
7. См.: *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. — Куйбышев, 1990. С.6.
8. *Быховский Н.Я.* Русская община и земельная реформа. — М., 1917; *Он же.* Всероссийский совет крестьянских депутатов 1917 году. — М., 1929.
9. *Осинова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции. — М., 1974. С.6.
10. См.: *Бухараев В.М.* Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен 20-х годов //Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? — М., 1992. С.355–364.
11. *Осинова Т.В.* Указ. Соч. С.7.
12. *Сорокин П.А.* Революция и социология //Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. С.223.
13. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. — М., 1991. С.90–92.
14. *Чаянов А.В.* Указ соч. С.71.
15. См.: *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. — М., 1989; *Его же.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991.
16. См.: *Кабанов В.В.* А.В. Чаянов в кооперативном движении //Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. — М., 1991. С.62.
17. Начало репрессий в отношении научного сообщества связано с выступлениями И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года (См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т.12. — М., 1949. С.141–171) и его письмом в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 году (См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т.13. С.84–102.).
18. *Чаянов А.В.* Указ. соч. С.66.
19. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1941. С.214.
20. *Осинова Т.В.* Указ. соч. С.10–11.
21. Тенденциозный подбор и купирование документов несомненно снижают научную ценность этих сборников. Их использование в научной работе требует известной осторожности.
22. См.: Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы секции Научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Октябрьской революции». Май, 1960. — М., 1962; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). — М., 1969; В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. — М., 1970; *Минарин Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX в. — М., 1971 и др.
23. *Петров Н.Ф.* Стратегия и тактика большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март–октябрь 1917 года). — М., 1964. С.444.
24. *Транезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2-х т. — М., 1967.
25. Подробнее об этой дискуссии см.: *Бухараев В.М., Локшин Д.И.* Российская смута начала XX века как общинная революция //Историческая наука в меняющемся мире. — Казань, 1994. С.154–157.

26. См.: Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. — М., 1963; Гусев К.В., Ерицяна Х.А. От соглашательства к контрреволюции: очерки истории политического банкротства партии социалистов-революционеров. — М., 1968 и др.
27. См.: Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. — Казань, 1957; Кузьмин В.Л. Крестьянское движение Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март–октябрь) 1917 г. — Чебоксары, 1957; Медведев С.И. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. — Куйбышев, 1964 и др.
28. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.3. — М., 1956; Яковлевский В.Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. — М., 1964 и др.
29. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. — М., 1970.
30. Бурганов А.Х. Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии (март–октябрь 1917): В 2-х т. Дисс. на соиск. учён. степ. д-ра ист. наук. — Казань. 1966.
31. См.: Партия и Великий Октябрь. М., 1976. С.261;
32. Бухарев В.М. От редактора //Мухарямов Н.М. Ленинская концепция революционного демократизма и современность. — Казань, 1990. С.3.
33. См.: Историография крестьянства советской Сибири (В.Т. Анисов. Л.И. Боженко и др.) — Новосибирск, 1976. С.25.
34. См.: Резниченко А.Н. Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от февраля к октябрю 1917 г. //Труды Новосиб. инж.-строит. ин-та. Т.IX. — Новосибирск, 1959; Сафонов В.П. Октябрь в Сибири. — Красноярск, 1962. С.429.
35. Ленин В.И. Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата //Полн. Собр. Соч. Т.40. С.16.
36. Историография крестьянства Советской Сибири. — Новосибирск, 1976. С.21.
37. См.: Медведев Ф. Он хотел переделать жизнь, потому что её любил //Огонёк. 1987. №48; Вознесенский Л. Знайте, товарищи... //Московские новости. 1987. №49; Латышев А. Бухарин — известный и неизвестный //Неделя. 1987. №51 и др.
38. Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М., 1988; Он же. Избранные труды. — Л., 1988; Он же. Путь к социализму. — Новосибирск, 1990 и др.
39. Козн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. — М., 1988. Впоследствии книга С. Козна неоднократно переиздавалась.
40. См.: Бороюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992. С.54–56.
41. См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. — М., 1990; Рыков А.П. Избранные произведения. — М., 1990; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. — М., 1992 и др.
42. См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. — М., 1990; Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. — М., 1990; Милуков П.Н. Воспоминания. — М., 1991; Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. — М., 1991; Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. — М., 1990; Его же. К истории русской революции. — М., 1990; Его же. Сталин: В 2-х т. — М., 1990; см. также: Волгогонов Д.А. Троцкий: политический портрет. В 2-х кн. — М., 1992 и др.
43. См., например, Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. //История СССР. 1981. №6; Громыко М.М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. — М., 1986 и др.
44. Научная конференция «1917 год в исторических судьбах России» проходила в Москве в конце 1992 года в МГПУ.

45. Концепция моральной экономики выдвинута американским историком-востоковедом Дж. Скоттом в работе «Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии», изданной в Лондоне в 1976 году.
46. См.: *Клейн Б.С.* Россия между реформой и диктатурой (1861–1920) // Вопросы истории. 1991. №10. С.3–12.
47. См.: *Дэвис Д.У., Гатрелл П.* От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. №8–9. С.30–51.
48. См.: *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1992. С.19–31.
49. См.: *Фирсов Н.Н.* Крестьянская революция 1917 г. и Временное правительство // Пути революции. 1992. №1; *Его же.* Первый съезд Советов крестьянских депутатов в Казанской губернии // Красная Татария. 1927. — 1 июня; *Чернышёв Е.И.* Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. — Казань, 1928; *Медведев Е., Демашев Ф., Тарасов А., Курдювцев В.* Казанская большевистская организация в 1917 г. — Казань, 1933; *Троцкий В.* Октябрьская революция в Среднем Поволжье. — Самара, 1932 и др.
50. См.: *Грамачёв Е.* Казанский Октябрь: Хроника революции 1917 г. (март–октябрь). — Казань, 1926.
51. См.: *Силаева Н.М., Сальникова А.А.* Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великого Октября. — Казань, 1985, С.7.
52. См.: *Силаева Н.М., Сальникова А.А.* Указ. соч. С.7.
53. *Ионенко И.М.* Революционная борьба крестьянства Среднего Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции: Автореф. дисс. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. — М., 1956. С.7
54. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов. — Казань, 1950.
55. См.: *Шестаков В.В., Кабытов П.С.* Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. — Саратов, 1979. С.57.
56. См.: Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — Казань, 1958; Подготовка и победа Великой Октябрьской революции в Пензенской губернии. — Пенза, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. — Ульяновск, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. — Куйбышев, 1957.
57. В последнее время ряд исследователей высказывают сомнения в добросовестности архивных изысканий М.А. Кибардина.
58. См., например, *Толстяков К.А.* Борьба большевиков за упорение Советской власти в Татарии. — Казань, 1960; *Шишкин А.А.* Об углублении Октябрьской социалистической революции в деревне // Учёные записки КГУ, 1960. Т.120, Кн.1. и др.
59. См.: Октябрь в Поволжье. — Саратов, 1967.
60. См.: *Силаева Н.М., Сальникова А.А.* Указ. соч. С.14.
61. См.: *Семьянинов В.П.* Советская власть в деревне на первом этапе Октября: на материалах Поволжья. — Саратов, 1980; *Ионенко И.М.* Роль общины в образовании и деятельности низовых крестьянских организаций в 1917 г. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола, 1978 и др.
62. См.: *Валеев П.К.* Назревание общенационального кризиса и его проявления в Поволжье и на Урале в 1917 г. — Казань, 1979; *Валеев П.К.* Революционное движение в Среднем Поволжье. Июль–октябрь 1917 г. — Казань, 1972; *Захаров Н.С.* Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье. — Казань, 1970 и др.
63. См.: *Ионенко И.М.* Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов (по материалам Поволжья и Урала). — Казань, 1976.

64. См.: *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль—июль 1917 г.). — Казань, 1977 и др.
65. См.: *Литвин А. Л.* Гражданская война в Поволжье. 1918–1920. — Казань, 1974; *Его же.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. — Казань, 1972 и др.
66. См.: *Ионенко И. М.* Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Научно-исследов. часть. Отчёт о научно-исслед. работе по теме: Великая Октябрьская социалистическая революция в Поволжье и Приуралье. — Казань, 1980. С.3.
67. *Ионенко И. М.* Солдатские массы в Октябрьской революции: по материалам Поволжья и Урала. — Казань, 1982; *Ионенко С. И.* Николай Ершов: Очерк революционной деятельности. — Казань, 1987 и др.
68. *Овруцкий Л. М.* Лезовозерские концепции Октябрьской революции и переходного периода. Опыт критического анализа: Дисс. на соиск. учён. степ канд. ист. наук. — Казань, 1988.
69. *Валеев Р. К.* Назревание общенационального кризиса и его проявления в Поволжье в 1917 году: Дисс. на соиск. учён. степ д-ра. ист. наук. — Свердловск, 1989.
70. См.: *Литвин А. Л., Овруцкий Л. М.* Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). — Казань, 1992.
71. И не только их.
72. См.: *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. С.19–31.
73. См.: *Дэвис Д. У., Гатрелл П.* От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1002. №8–9. С.30–51.
74. *Скотт Д.* Государственный взор: как потерпели крах некоторые проекты по улучшению человеческой жизни // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. — М., 2002. С.32.
75. См.: Там же: С.37.
76. См.: *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 2001. С.257.
77. См.: *Rickert H. P.* Meaning in History. L., 1961; *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы. — М., 1994. С.17–29.
78. См.: *Скотт Д.* Указ. соч. С.71.
79. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. — Петроград, 1917. С.8.
80. Так охарактеризовал К. Маркса Эрнст Трёльч в «Историзме и его проблемах». См.: *Трёльч Э.* Указ. соч. С.28.
81. См.: *Левин-Стросс К.* Указ. соч. С.7–9
82. См.: *Шанин Т.* Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.21–23.
83. Собственно социальные характеристики крестьян, впервые привлекли внимание Томаша и Знанецкого, положив начало социологии Чикагской школы, получившей известность, однако, в процессе разработки социальной структуры города
84. Одним словом можно сказать — комплексный.
85. Сами крестьяноведы, упорно отдают лавры «отцов-основателей» Чаянову, Челлинцеву и т.п. За этой скромностью угадывается стремление «растянуть» традицию и более весомо утвердить дискурсивную формацию.
86. Термин введён автором, совместно с В.М. Бухараевым в 1993 году.
87. Проблема соответствия простоты и научности постоянно обсуждается в научном сообществе, члены которого, в общем, полагают, что даже если невозможно уравнивать интеллектуальный потенциал исследователей, то, во всяком случае, можно настаивать на том, чтобы все они писали просто и ясно (Пэнто и Гравитц). В то время как научный

анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу (К. Леви-Стросс).

88. Понятия бедности и богатства имеют не только абсолютное (денежное) выражение, но и относительные характеристики. Речь может идти о способности населения самостоятельно обеспечить собственное выживание и исполнить обязательства перед властями.

89. См.: *Скотт Д.* Указ. соч. С.75.

90. См.: *Ленин В.И.* Тетради по аграрному вопросу 1900–1916. — М., 1969; *Его же* Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». — М., 1970.

91. Выступая в одном из семинаров по аграрному развитию, материалы которых в 90-х годах публиковались в журнале «Отечественная история», Т. Шанин заявил: «...утверждение о том, что в русских сёлах накануне революции было 65% бедняков, считаю злой шуткой над логикой современных исследований». См.: Отечественная история. 1993. №6. С.105

92. См.: *Данилов В.П.* Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издаётся в России! // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.7.

93. См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.4.

94. См.: Судьбы российского крестьянства. — М., 1996. С.7.

95. См.: Россия в начале XX века. — М., 2002. С.4.

96. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России // Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. — М., 2002.

97. Судьбы российского крестьянства // Под общ. редакцией Ю.Н. Афанасьева. — М., 1995.

98. Пожалуй, единственное знаковое различие «крестьяноведческих» и «классических» подходов состоит в том, что крестьяноведы, в большей или меньшей степени, экстраполируют практики «моральной экономики» на все социальные группы России, а их оппоненты пытаются вписать аграрные сюжеты в политическую историю России.

99. *Boas F.* The Methods of Ethnology AmAnth. — Vol.22, 1920. №4. (Цит. По: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 2001. С.15).

100. См.: Отечественная история. 1992. №5.

101. См.: *Шанин Т.* Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издаётся в России! // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.11.

102. См.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М., 2001.

103. См.: Там же. С.9.

104. Так, сборник «Первобытное мышление» был издан в 1994 года, а программный текст: «Структурная антропология» — в 2001-м.

105. Некоторым образом отяготило судьбу крестьяноведческого подхода в России и то обстоятельство, что он и сам вовсе не является безусловным эталоном исследовательской методологии для евроатлантического научного сообщества, склонного, как и отечественное, к методологическому редукционизму, актуальному в практиках популяризированного марксизма, составлявших методологическую основу гуманитарных исследований в СССР.

106. См.: *Данилов В.* Историк в социологическом исследовании российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. — М., 2002. С.118–124.

107. Вполне отдавая себе отчёт в дискусионности и далеко не очевидной прозрачности этого тезиса, автор предлагает не рассматривать его в качестве программного заявления, а принять как условие поддержания логической структуры текста.

108. Презентированные в качестве объекта крестьяноведческих исследований казачьи семьи или самарские фермеры не соответствуют параметрам крестьянства, задан-

ным самим же Т. Шаниным («крестьяне — мелкие сельскохозяйственные производители, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти»). См.: Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире // М., 1992. С. 11.

109. Ничего лучше «колхозников» и «совхозников» на ум не приходит. Кстати, чуткий к фактуре объекта исследования Т. Шанин, определил все коллективные хозяйства (как советского образца, так и современные одним словом «крупхоз») (См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. — М., 2002).

110. Леву-Страсс К. Структурная антропология. — М., 2001. С. 95.

111. Один из «побочных» продуктов обширной программы исторического крестьяноведения — сборник документов «Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы» / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М., 2002. Почти тысяча страниц документов — очевидный результат плодотворной исследовательской и архивной работы. Добротное и насыщенное издание. Отечественная историческая наука давно нуждалась в столь обстоятельном и полном издании. Пожалуй, самое ценное, что документы здесь, в отличие от аналогичных сборников советской эпохи не подверглись селекции и цензурованию.

112. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: АИРО-XX, 2001.

113. Андреа Грациози датирует свою «Крестьянскую войну» 1912–1956 годами, авторы «шанинского проекта» обнаружили в России целую крестьянскую революцию, датируя её 1902–1922 годами, О. Файджес в своей знаменитой «People's Tragedy» датирует «русскую революцию» 1891–1924 годами, Р. Пайпс... и многие другие пытаются втиснуть в чёткие хронологические рамки события второй русской смуты, как будто имеет принципиальное значение когда она началась и когда кончилась.

114. Трельч Э. Указ. Соч. С. 6–8

115. В этом случае, в лучшем случае получается апокриф. А уж поговорка «врёт как очевидец» дачным-давно получила широкое распространение среди «социологов-полевиков».

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ПОРОГЕ РУССКОЙ СМУТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕРЕВЕНСКИЕ ДЕЛА.
ПОВОЛЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1905–1907 ГОДАХ

Одним из крупнейших потрясений, выпавших на долю России, по праву считается революция 1905–1907 годов. Сами революционеры с воодушевлением оценивали её как «революцию нового типа»; охранители-консерваторы с горечью констатировали: «новая пугачёвщина»; представители русской философской мысли прозорливо усмотрели, что революция «поставила под вопрос самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности; не посчитавших с этим историческим, с историческими итогами революции, нельзя делать никакого утверждения о России, нельзя повторять задов ни славянофильских, ни западных» (1).

К периоду первой русской революции, относятся и первые заметные конфликты в деревне, однако едва ли имеет смысл рассматривать их вне рамок этики выживания. Несмотря на обещания не допустить падения цен на продукты земледелия (2) правительству не удалось удержать довоенную конъюнктуру, что привело к материальным затруднениям для земледельцев и землевладельцев. Пытаясь справиться со своими проблемами, помещики пустили в рыночный оборот запасы хлебов, традиционно рассматривавшиеся крестьянами в качестве резервного фонда общинного земледелия (3), распродавали леса и ужесточили условия аренды угодий. Такое поведение не укладывалось в рамки максим моральной экономики, однако «справедливое» возмущение крестьян — тем более, что недород 1905 года действительно заставил крестьян с надеждой взирать на владельческие

закрома (4) — подобным поведением, зачастую наталкивалось на непонимание землевладельцев, не стеснявшихся вызывать полицейскую стражу для урегулирования отношений даже со «своими» крестьянами (5). Примечательно, что наибольшим рвением в этом смысле отличались управляющие и новые владельцы земли (купцы, банки и т. п.), не связанные с крестьянами интимными узами этики выживания (6), в то время как старые владельцы предпочитали договориться с мужиками полюбовно (7). Обращения к услугам полицейской стражи были настолько частыми, что властям пришлось всерьёз задуматься не только о повышении жалования чинам полиции, но и об увеличении их численности, прежде всего в уездах (8). Проведение в жизнь этих мероприятий связано именами двух казанских губернаторов — полковника Рейнбата и М.В. Стрижевского. Отъезд первого из них и прибытие второго в Казань совпали по времени с началом крестьянских волнений в уездах: чины полиции были стянуты в города с целью предупреждения беспорядков и поэтому не успевали реагировать на все сигналы обиженных землевладельцев. Решение об увеличении штатного состава полицейской стражи было принято уже в январе 1906 года (9), но потребовалось некоторое время для укомплектования отрядов и их обучения. Понятно, что у нового губернатора не было времени вникать во все тонкости традиционных морально-экономических отношений, и уже с весны 1906 года в губернии начали водворять порядок при помощи полиции и, впрочем, значительно реже — казаков. Наряду с кнутом начальство пыталось применить и пряник, привлекая земских деятелей и даже полицейских чинов для переговоров с крестьянами (10). Последние, потрясённые нашествием чиновников и атаками конных стражников, похоже, решили, что может скоро и землицу станут раздавать (11); некоторые даже жалели наиболее симпатичных им помещиков (12).

Обращают на себя внимание два аспекта взаимодействия крестьян и начальства во время «революции». Во-первых, мужики довольно спокойно и адекватно реагировали на акции конных стражников, а именно, разбегались лишь завидев полицию. Стычки с чинами полиции были крайне редки, но даже они обнаружили склонность общинников играть роль, предписанную сценарием этики выживания. Во всех случаях, зафиксированных в жандармской статистике, крестьяне по численности в несколько раз превосходили

стражников, неизменно уступая им поле схватки, хотя и не без демонстрации сопротивления.

Что же творилось в условиях социального сдвига начала века? Особый интерес представляет период с весны 1906 по апрель 1907 года, поскольку именно это время традиционно ассоциируется в новейшей литературе с «кровавой вакханалией» военно-полевых судов и столыпинской реакцией; после апреля 1907 года крестьянские возмущения официальной политикой свелись, в основном, к стандартным «оскорблениям величества» (которых и в спокойные-то годы было вполне достаточно) и хранению запрещённой литературы (как правило, одной-двух листовок; кстати, часть крестьян, попавшихся на этом деянии, не умела читать). Такого рода поведение прослеживается с середины XIX века вплоть до февраля 1917 года (после падения монархии такие «мелочи» просто никто не фиксировал). Хотя советские исследователи-аграрники, как правило, относили их, вкуче со слухами, к проявлениям «классовой борьбы в деревне», особого интереса в плане выяснения степени революционной активности крестьянства они не представляют, поскольку являются лишь индикатором наличия некой психологической напряжённости и неудовлетворённости в крестьянской среде. Повод же для недовольства, как известно, всегда отыщется. А формы «обычного», «ползучего» протеста зависят от уровня политических представлений «недовольных» субъектов, складывающихся традиций, а также и — не в последнюю очередь — от степени жестокости политического режима. На рубеже веков «кровожадный» царизм весьма умеренно преследовал за сии деяния.

Так что же конкретно представляла собой «революционная деятельность масс»? Следует, кстати, заметить, что жандармская статистика (в соответствии с профилем ведомства) охватывала лишь преступления против «существующего строя и порядка управления». Информация о потравах, самовольных покосах и тому подобных акциях содержится в архиве КГЖУ (Казанского губернского жандармского управления), поскольку возмущённые самоуправством крестьян землевладельцы адресовали свои жалобы начальнику КГЖУ (впрочем, в ликвидации беспорядков подразделения МВД императорской России между собой тесно сотрудничали). Кроме того, большинство внутренних конфликтов в общине не учитывалось, поскольку административный аппарат империи был традиционно

малочисленным (13), а крестьяне до последнего момента пытались разрешить свои проблемы при помощи обычного или «кулачного» права, игнорируя правосудие, поскольку: «...для мужика нет ничего ужаснее острога» (14). Вот общая статистика КГЖУ за 1906–1907 годы:

Таблица 1 (15)

№ п/п	Виды волнений	Количество	Примечания
1	Порубки леса	6	1 — неудачная 3 — у помещиков
2	Поджоги	5	2 амбара, хутор, гумно, сарай, стог
3	Незаконные покосы	3	
4	Бурное недовольство арендной платой	3	
5	Потравы	2	
6	Отказ платить подати	2	На основе «изучения» Манифеста от 17.10.1905 г.
7	Оказание сопротивления властям	6	
8	«Беспорядки»	4	
9	Отказ платить жалование чиновникам	1	
10	Захват земли	1	
11	Демонстрация	1	
12	Сельскохозяйственные забастовки	2	Из-за низкой оплаты
13	Разгром экономий	2	
14	Сходки	5	
15	Попытки покушения на чинов администрации и МВД	2	Неудачные

Помимо содержащихся в приведённой таблице форм и противоправных деяний встречаются также упоминания об угрозах, выпадах против помещиков на сельских сходах, разного рода «безответственных» заявлениях, пьяных дебошах и т. п. Есть ряд дел, представляющих интерес с точки зрения осмысления «духа эпохи». Дело первое: в Тетюшском уезде землевладелец А. Я. Ошмирин продал Буинскому земству 700 пудов ржи. За этим хлебом было прислано 11 подвод; когда шесть из них уже были нагружены, на помещичий двор пришёл сельский староста деревни Липино. Угрозами он заставил ссыпать зерно обратно в амбар. И запер его на ключ. А возчиков прогнали крестьяне. Жандармскому унтер-офицеру староста пояснил, что крестьяне сами собирались купить этот хлеб (16).

Дело второе: 24 июня 1906 года начался пожар в имении помещика Сокольского. Из окрестных деревень сбежались крестьяне — тушить, но человек восемь пьяных мужиков не давали им этого делать, более того, когда из волости прибыл пожарный обоз, эти же люди закрыли перед пожарными ворота усадьбы (17).

Нелепость? Как сказать. Верноподданнические чувства ужились в крестьянской среде с «потенциальной готовностью к ... аграрной революции» (18). Как подметил жандармский аналитик, социально-психологический баланс был настолько шатким, что даже хмельная компашка могла его нарушить. И уж во всяком случае, все вышеописанные инциденты не позволяют поддержать тезис о наличии в деревне безудержного произвола и диктата помещиков. Скорее, исходя из уверенного поведения старосты и стремления крестьян прийти на помощь землевладельцу, можно говорить о наличии в российской деревне начала XX века некоей неочевидной для постороннего глаза, но вполне явной для обитателей деревни структуры социального поведения — того, что юристы называют обычным правом. Дж. Скотт определяет эти отношения как «этику выживания» (19).

Разумеется, процессы модернизации экономического и политического строя страны, инициируемые определёнными группами высших управленцев управленцев не могли не затронуть и деревню. Описанные выше случаи проявления этики выживания в действии, так сказать, в «чистом виде», были в тот период всё же довольно редки. Более типичными являлись акции, в которых крестьяне ставили и решали конкретные задачи, при этом цель выступления, его форма и круг участников определялись, в конечном счёте, традициями

моральной экономики. Однако отсутствие — в подавляющем большинстве случаев — каких-либо непосредственных экономических либо политических выгод для участников выступлений ставит исследователя перед дилеммой: либо признать 85% населения России — а именно столько крестьян было в стране в начале XX века — так сказать, слабоумными, напрочь лишёнными рационального мышления людьми; либо искать причины этих выступлений за пределами так называемого классового интереса в марксистском понимании.

Оставляя в стороне дела о покосах, порубках и потравах, обратим внимание на более решительные действия, характерные для данного периода.

Прежде всего на такую специфическую форму мужицкой мести как поджоги (подпустить «красного петуха»). Она, собственно, явилась своеобразным символом аграрной революции и в 1905, и в 1917 годах. Поджогов в рассматриваемый период (см. таблицу № 1) было зафиксировано пять случаев: ориентировочно помещикам был нанесён ущерб в размере 30 тысяч рублей (20). Наиболее крупным оказался пожар, случившийся во время разгрома экономии помещика Шульца в Чистопольском уезде. Произошло следующее: 17 августа 1906 года около 5 часов утра крестьянами села Мамыкова «был учинён разгром экономии... при селе Мамыкове... Сожжены помещицы постройки, в которых помещались чайная и библиотека общества трезвости, земский земледельческий склад и казённая винная лавка, кроме того сгорело несколько домов, построенных на помещицкой земле служащими экономии». Эти служащие пытались оказать сопротивление погромщикам, в результате чего трое из них были убиты и один ранен. Конец у этой истории тривиальный. Когда в село прибыл отряд конной полицейской стражи численностью в шестьдесят сабель, крестьяне сами же выдали зачинщиков (21).

Попробуем разобраться, чего добивались крестьяне. Помещичий дом не тронули, следовательно претензий к землевладельцу не было. Хозяйские амбары и другие хозяйственные постройки остались целы, что вполне логично, ибо в них концентрировался экстренный запас продовольствия и семенной фонд, которым сами же крестьяне и пользовались; служащие сами «виноваты» — не надо было вмешиваться. Что остаётся? Винная лавка, чайная и земледельческий склад, то есть те объекты, которые можно грабить, причём, поскольку ни общество трезвости, ни земство никоим образом не

вовлечены в систему моральной экономики, связывающую землевладельцев и крестьян, последние отнюдь не считали себя нарушителями норм этики выживания. Библиотека же, скорее всего, сгорела случайно, библиотеки и чайные нередко помещались в одном здании. «Бессмысленный» российский бунт таким образом обретает внятнотное истолкование, внутреннюю логику и даже некий сценарий.

Кто как, а автор полагает, что редкие поджоги стогов и сараев не слишком соответствуют привычным апокалиптическим картинам пылающих в огромном количестве «дворянских гнёзд». Всё, в общем-то, проще и обыденнее. Может быть, это ещё страшнее? Как проявление органического, неизбежного недуга социума, в коем «сверху» пытались насадить соцмодернизацию, а там, во глубине России жили своей жизнью в ином историческом времени большинство её обитателей, выплёскивая время от времени — на первый взгляд, бессмысленно и иррационально — своё социожизненное беспокойство и страх перед чем-то таким, что на них надвигается в лице господских (городских) дел и проблем.

Другая группа выступлений вызвана недовольством арендной платой. Картина складывается пёстрая. Скажем, крестьяне села Кульги и деревни Гортановка нарушили условия аренды и угрожали самовольным увозом хлеба. Для предотвращения этого исправник Панфилов вызвал 40 конных стражников (22). Другой пример: «общество» крестьян села Змиева Чистопольского уезда хотело взять исполу землю по цене 6 рублей за десятину, но управляющий предложил по двенадцать, тогда крестьяне самовольно «отрезали 170 десятин» удобренной и вспаханной земли (23). В данном случае репрессивных мер не последовало, потому что помещик уступил крестьянским требованиям (24). На первый взгляд — абсолютно бессмысленные действия, ведь земля не мешок муки, её в подпол не спрячешь. Но дело в том, что этика выживания базируется на традициях — крестьяне традиционно арендовали землю по цене 6 рублей за десятину, естественно, что увеличение платы в два раза они рассматривали как ущемление своих прав. Поскольку управляющий именем не охвачен структурами моральной экономики, то с ним и не посчитались, резонно — с крестьянской точки зрения — полагая, что «барин» бы такого не допустил. Как выяснилось, землевладелец не забыл о своём долге. Возможно, что потеряв на арендной плате, он сохранил свою усадьбу от поджога.

Обратимся теперь к отказам платить подати и жалование чиновникам. Эти действия можно квалифицировать как проявления так называемого «приговорного движения» (25). В губернии таких выступлений было два: крестьяне села Яндобы и Больших Альмен Ядринского уезда после обнародования манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» «пришли в возбуждение». «Оно выразилось, например, в самовольной порубке казённой лесной дачи, в отказе платить жалованье местным должностным лицам, как-то: членам волостного правления, духовенству и др. а равно в отказе платить поземельные подати и прочие налоги» (26). Чиновный люд никогда не вызывал симпатий у общинников. Но эта довольно сложная форма политического протеста требовала достаточно далеко выйти за рамки максим этики выживания и широкого распространения не получила.

Перейдём к сельским забастовкам, которые отечественные исследователи советской эпохи рассматривали по обыкновению как одно из ярких проявлений социальной и политической активности масс, определяя их как «высшую» форму классовой борьбы в деревне (по аналогии с забастовками фабричных рабочих). Резоны в такой характеристике есть. П. А. Столыпин направил губернаторам в июне 1906 года циркулярное письмо, в коем предупредил, что такого рода выступления «хотя бы и начавшиеся из экономических побуждений, быстро принимают общеопасный характер». Премьер поручал губернаторам: «делать своевременно все зависящие распоряжения в целях быстрого прекращения означенных противозаконных проявлений» (27).

Аграрных забастовок в рассматриваемый период в Казанской губернии было отмечено две: 29 июня 1906 года в Свияжском уезде крестьяне отказались косить сено за вознаграждение из расчёта 50 копеек за полдня работы, прогнали нанятых вместо них, избили одного из своих односельчан, который вышел на работу. После чего собрались на сходку и, разгорячённые недавним побоищем, стали требовать у помещика участки леса и луг, не скупясь на угрозы и нелестные замечания в адрес землевладельца (28). В этом эпизоде, весьма напоминающем проявления межклассовых противоречий, при ближайшем рассмотрении вновь обнаруживается «почерк» общины, действующей в согласии с канонами этики выживания, которые помещик, по мнению крестьян, явно пограл; отсюда напори-

мость крестьян. Далее, налицо «гуртовость» выступления, жёсткая позиция по отношению к отступникам и чужакам, которым в соответствии с деревенской традицией не следует вмешиваться в отношения крестьян со «своим» баринном. Наконец, сама сумма вознаграждения: форма оплаты, как видим, почасовая, поэтому трудно судить о том, насколько это выгодно помещику. Для крестьян это действительно немного — следует, однако, заметить, что испытывая нужду в деньгах, крестьяне соглашались и на худшие условия, а помещичье хозяйство со времён отмены крепостного права держалось только на мизерных расценках (29); деньги были нужны крестьянам не для повседневного использования (30), они являлись прежде всего средством уплаты податей. Следующий эпизод хотя и произошёл в селе Кукмор, сельской забастовкой может быть назван весьма условно, поскольку представлял собой выступление рабочих кожевенной фабрики Комарова, связанных, как и изрядная доля российских пролетариев, с землёй, выдвинувших чисто экономические требования (31). Таким образом, приходится констатировать, что стачка не получила в сёлах Казанской губернии сколь-нибудь широкого распространения.

Обратимся теперь к вещам более серьёзным: по степени социальной опасности. Для начала рассмотрим «демонстративное шествие» (32), имевшее место в Выселке Тогаевом. В протоколе, составленном Чебоксарским уездным исправником 15 августа 1906 года читаем: «11 числа сего августа в Выселке Тогаевом Воскресенской волости, во время базара, из чайной, находящейся на базарной площади, организовавшаяся в ней толпа манифестантов, выйдя с красным флагом, с пением революционных песен пошла через базар, на котором к ним примкнула толпа, возросшая до 700–800 человек». Порядок на базаре поддерживали восемь конных стражников, которые «под напором демонстрантов отступили на большой Московский тракт». После многократных «предупреждений толпе о действии оружием», если не будет прекращено шествие, когда из толпы в стражников стали бросать камни, урядник Скворцов командовал произвести залп из ружей, который не причинил никому в толпе никакого вреда; это в толпе вызвало ещё большее ожесточение, причём многие из толпы стали разбирать заборы и вооружаться жердями, ввиду чего были сделаны ещё два последовательных залпа, от последнего из коих один из демонстрантов убит, а другой тяжело ра-

нен, после чего толпа, выставив над убитым белый флаг, быстро разбежалась и порядок на базаре восстановился» (33).

Кроме того, была попытка организовать демонстрацию 3 июля 1906 года на ярмарке в Тетюшах, однако здесь всё вылилось в пьяный дебош, быстро остановленный полицией. Во время схватки было ранено двое стражников. О потерях со стороны крестьян не сообщалось (34).

Конечно, демонстрация в сельской местности — дело весьма редкое, «подсмотренное» в городе. И не более того. Люди вышли на площадь с красным флагом, с песнями, но зачем, с какими требованиями, лозунгами? Весьма вероятно, что крестьянам требовалось «выпустить пар», не стоит сбрасывать со счетов и... извечное любопытство русского мужика. Это вообще-то интересная особенность российского крестьянина: постепенную утрату привычных ценностей этики выживания он пытался скомпенсировать другим, суррогатным, но непременно коллективным действием. Этот эпизод представляется показательным не в качестве примера некоего крестьянского революционаризма, а как индикатор социально-психологического кризиса традиционной поземельной общины, зашедшего уже довольно далеко. Однако думается, нет оснований утверждать, что в начале века уже наступал последний час общинного крестьянства. Многие коллизии российской истории приводили к трансформации, иногда (сталинская коллективизация) к перерождению общины, однако структура моральной экономики и нормы этики выживания присутствуют и в сегодняшней российской деревне.

Теперь обратим внимание на два случая разгрома экономий. В ночь на 12 июня 1906 года крестьянами деревни Бурнашевой была разграблена экономия помещика Булича, увезён хлеб, сельскохозяйственные орудия, сбруя, уведена скотина. «Эти грабители в числе около 200 подвод явились к экономии около 12 часа ночи», окружили её, несколько раз выстрелили в воздух и приступили к грабежу (35). Столь решительные действия нападавших объясняются тем, что организатором этого погрома была дочь помещика, проникшаяся левонародническими идеями.

Разгром второй — это уже описанный в «пожарном» сюжете эпизод ограбления и поджога в экономии Шульца. Здесь служащие экономии пытались сопротивляться (36).

Ну и наконец: столкновения с представителями власти. На протяжении описываемого периода в жандармских отчётах упоминаются две попытки покушений на жизнь представителей администрации.

Первый случай обозначен как «попытка покушения на жизнь» Казанского вице-губернатора Д. Д. Кобеко. Во время поездки по уездам его превосходительство выразил желание присутствовать на сходке в деревне Кокшемары. Возбуждённые крестьяне выразили несогласие с положениями манифеста от 17 октября 1905 года, объяснения Д. Д. Кобеко их не удовлетворили. Накал страстей усиленно подогревали трое учителей, две бабы и пятеро крестьян, подстрекавших общинников к активным действиям в отношении вице-губернатора. Но их призывы не нашли отклика у собравшихся, а прибывшие вместе с вице-губернатором полицейские стражники сумели быстро нейтрализовать возмутителей спокойствия (37).

Кроме того, со слов домохозяйки стало известно, что в Лаишеве некие люди, одетые в крестьянское платье, собирались взорвать дом начальника конной стражи. Впрочем, этот эпизод трудно оценить как крестьянское выступление, к тому же покушение так и не состоялось (38).

Помимо вышеперечисленного имели место столкновения с полицией и жандармами. Часть из них уже была рассмотрена. Оставшееся выглядит следующим образом: 5 июля 1906 года произошло столкновение крестьян села Сахаровские Новосёлки с конной стражей из-за самовольного выпаса на помещичьей земле. Причём на этот раз крестьяне были сильно возбуждены. Их разогнали, но они вновь попытались напасть на стражников, после чего их пришлось разгонять нагайками и палашами (был в арсенале конной стражи и такой способ усмирения: палаш вместе с ножнами отстёгивался от пояса, после чего использовался в качестве дубинки — удар чувствительный, но убить практически невозможно) (39); 7 июня 1906 года крестьяне попытались напасть на стражников в деревне Шалей (40), однако более подробной информации на этот счёт в жандармском архиве не содержится.

Попробуем обобщить данные. Во-первых число открытых столкновений крестьян с представителями государственной власти невелико. Во-вторых, налицо некоторая «условность» действий противостоящих сторон. Иначе говоря, их взаимная сдержанность и недвусмысленное ролевое распределение. В самом деле: в Выселке

Тогаевом восьми стражникам противостояли 700–800 крестьян. При серьёзном развороте событий исход «боя» не вызывает никаких сомнений — в распоряжении стражников оставалось всего 16 патронов, после чего карабины пришлось бы перезаряжать... С другой стороны, стреляя в толпу едва ли не в тысячу человек, промахнуться довольно сложно и два попадания после 24 выстрелов — результат, мягко говоря, неудовлетворительный. Можно выдвинуть два предположения: либо в полицейской конной страже служили косые и убогие подданные империи (это совсем не так, в конную стражу — некое подобие современного ОМОНа — принимались только отслужившие в армии, физически крепкие, благонадёжные мужчины. При увольнении в запас большинство из них имело унтер-офицерские нашивки, около половины были награждены знаком «За отличную стрельбу» (41)); либо в расчёты полиции не входило уничтожение демонстрантов.

Далее. Для поддержания порядка в городе Цивильске и уезде Казанский вице-губернатор Д. Д. Кобеко направил отряд конной стражи в количестве... 42 человек (42). В деревню Новосёлки для пресечения самовольного покоса помещичьего луга было послано всего-то двадцать стражников, которые «были встречены толпою в 300 человек вооружённых вилами, топорами и т. п. — ситуация даже серьёзнее чем в Выселке Тогаевом. И что же... — стражники в присутствии пристава, не прибегая к оружию, пошли в атаку и загнали всю толпу в болото, которое у деревни, после чего беспорядок был прекращён» (43). Из боле чем трёхсот участников происшествия ни один не нарушил «правил» игры: полиция догоняет, крестьяне убегают. Кстати, численность и эффективность карательного аппарата может рассматриваться как показатель устойчивости политического режима. В начале XX века в штате КГЖУ было 5 офицеров и около 15 унтер-офицеров (рядовых в жандармерии не было), реально численность чинов жандармерии никогда до штатного расписания не доходила (44).

Полиция старалась оружия не применять. В том же выселке Тогаевом оружие было применено только когда над стражниками нависла угроза физической расправы. В Новосёлках защитники режима вообще ограничились психической атакой. В определённой мере это объясняется тем, что использование оружия строго лимитирова-

лось и применение его без крайней необходимости отнюдь не поощрялось ни в жандармском ведомстве, ни в полиции.

Показателен документ, направленный начальником КГЖУ полковником (впоследствии генерал-майором) Калининым казанскому губернатору М.В. Стрижевскому по поводу столкновения крестьян села Сахаровские Новосёлки с конной стражей из-за самовольного выпаса на помещичьей земле. Из него следует, что крестьян долго уговаривали разойтись, два раза стражники чуть было не подверглись нападению и только после многочисленных предупреждений возбуждённая толпа была разогнана нагайками, палашами, которыми, естественно, никто не рубил и не колот. Удары наносились плашмя, палаши из ножен не вынимались. В результате действий полиции никто не пострадал, однако сам факт использования оружия вызвал неудовольствие жандармского полковника, назвавшего действия исправника неверными (45).

При этом следует отметить, что применение оружия зачастую провоцировалось самими крестьянами. К тому же эти «мирные земледельцы» сами не слишком-то задумывались, когда нужно было убить или избить тех, кто шёл против «мира». Подобный агрессивный настрой общинников объясняется простым, но верным расчётом: всех разом в тюрьму не засадят, а раз выступили всем скопом («гуртом»), то и виновных вроде бы нет. Поэтому «общество» было заинтересовано в массовом охвате своих членов «противозаконной деятельностью». Не последнюю роль играла и привычка выступать «гуртом» в критические для общины моменты. Эту особенность российских крестьян подметил ещё А.Н. Энгельгардт: «...чуть дело коснулось общего врага: помещика, купца, чиновника, — все стоят как один» (46). Вместе с тем, если во время «грабизки» (47) случалось нечто не предусмотренное первоначальным планом: убийство, пожар и т. п., общинники — обеспокоенные тем, что поркой дело не ограничится — весьма хладнокровно выдавали зачинщиков, а иногда и сами их задерживали до приезда полиции. Этика выживания требовала, прежде всего, сохранения «мира», частные же интересы его членов удовлетворялись постольку, поскольку само выживание деревенского общества не ставилось под угрозу.

Наиболее активными организаторами выступлений зачастую оказывались пауперизованные элементы, отходники, утратившие связь с деревней и не прижившиеся в городе; маргинальные элементы

вообще наиболее склонны к авантюрам и насилию (48). Не стоит, пожалуй, и слишком морализировать по поводу палашей, нагаек, коллективных пороков и т. п. В начале века одного-двух человек убивали в каждой «порядочной» драке, так что масштабы самодержавного террора явно не повергали в ужас население Казанской губернии. Рассказ об аграрных волнениях был бы не полон без упоминания о мерах пресечения, применявшихся по отношению к крестьянам. Официальная версия советской историографии широко известна: разгул беззакония в отношении «инакомыслящих» сопровождался многочисленными казнями по приговорам военно-полевых судов. Всего в масштабах страны — это несколько тысяч человек. Но вот в казанской губернии в 1906–1907 годах такие строгие меры в отношении лиц, принимавших участие в аграрных волнениях, очевидно, не применялись. Подавляющее большинство выступавших вообще не привлекалось к ответственности, за исключением пороков. Срабатывало общинное «лукавство»: установить степень вины каждого практически не представлялось возможным. Наиболее активные революционеры из народа подвергались аресту в административном порядке на 1–2 месяца. Задержания и аресты проводились в соответствии со статьёй 29-ой Положения об охране (арест на 7 суток) и циркуляра казанского губернатора № 8894 от 17 декабря 1905 года.

Впрочем, есть ещё одно обстоятельство. В то время действовали военно-полевые суды, введённые П. А. Столыпиным после взрыва его казённой дачи на Аптекаарском острове эсерами-максималистами в августе 1906 года. Командующий Казанским военным округом генерал И. А. Касис не утвердил ни одного смертного приговора. Говорил, что готов пролить свою кровь за Россию, но не хочет на старости лет пачкать себя чужой кровью (49). Ни русской, ни татарской.

Так сказать, пессимистически оценивая «революционность» широких масс крестьянства, можно было бы допустить, что это объясняется неопытностью крестьянства, неискущённостью его в методах и средствах политического противоборства. Но как совместить с элементарными понятиями классовой борьбы стычки между самими крестьянами, происходившие по самым разным поводам? Ленинское объяснение: в крестьянстве назревала «вторая социальная война» — между беднотой и кулаком как потенциальная основа развития в деревне «социалистической революции».

Вот жандармская классификация такого рода выступлений:

Таблица 2

№ п/п	Акция	Примечание
1	Ссоры по вопросам размежевания	Между деревнями*
2	Драки на почве национальной розни	
3	Порубки леса	У соседнего «общества»
4	Кражи сена	У соседнего «общества»
5	Незаконные действия в отношении сельскохозяйственных рабочих**	

* Иногда «заспоривших» крестьян удавалось разнять только при помощи конной полицейской стражи.

** В основном, попытки отобрать или украсть сено, а также не дать косить траву на угодьях, которые крестьяне считали «своими».

Не вдаваясь пока в подробный анализ этих действий, приведём примеры по каждому пункту:

1. 13 июля 1906 года в КГЖУ получены сведения относительно «обострения отношений при споре о земельной собственности крестьян деревни Талишич (Челкан) и Сан». Направленные на место происшествия конные стражники два дня уговаривали крестьян не драться между собой, оказавшись меж двух разъярённых толп, чины полиции едва сами не стали жертвой крестьянской агрессии, но, в конце концов, воинственных общинников уговорами и угрозами удалось успокоить (50).

2. 26 июня 1906 года. Драка в селе Бизятове между русскими и татарами. В результате затеянного пьяными крестьянами побоища один человек убит, трое ранено (это, кстати, больше чем при разгоне демонстрации в Выселке Тогаевом; к тому же крестьяне обошлись без применения огнестрельного оружия) (51).

3. 1 октября 1906 года крестьяне села Лаптевки срубили около трёх десятин леса, принадлежащего крестьянину села Сюкеево Токареву

(против обыкновения пострадавший заявил в полицию; наиболее вероятная причина — это натянутые отношения между двумя «обществами» и — как следствие — невозможность разрешить конфликт полюбовно) (52).

4. С 19 сентября по 1 октября 1906 года крестьяне села Свиногорки Вятской губернии, почти всей деревней, с лугов крестьян села Дмирки Мамадышского уезда Казанской губернии, «находящихся за рекой Вяткой, похитили 31 стог сена, принадлежавшего обществу крестьян села Дмирки, всего на сумму 500 рублей». Дальность лугов затрудняла для крестьян села Дмирки возможность воспрепятствовать разграблению, а сторожа регулярно избивались. Дело в том, что свиногорские крестьяне считали эти луга «своими», а дмирчане только недавно приобрели их в общинную собственность (53).

5. 1 августа 1906 года начальник КГЖУ уведомил губернатора в том, что «крестьяне дер. Козловки и села Беловолжского, Чебоксарского уезда, обнаружили открытое стремление воспользоваться силой сеном, снятым с владений барона Жомина чувашами, арендовавшими луга у вышеозначенного помещика». Весьма необычен, в свете традиционного представления о жандармах, вывод, сделанный полковником Калининим: необходимо, полагает жандарм, отправить на место возможного происшествия два отделения конной стражи из Цивильска, чтобы дать арендаторам спокойно вывезти сено и «предотвратить возможное столкновение и беспорядки со стороны крестьян» (54).

Из всех описанных случаев (а они вполне типичны) только в одном можно разглядеть признаки «второй социальной войны» и то, почему-то, не со своими богатыми, а из чужого села. Получается, что во время передышек в «классовых боях» крестьяне — вероятно, чтобы не потерять квалификацию — сражались друг с другом. Следует также учесть, что мелкие конфликты вообще не рассматривались жандармским управлением, а также то, что в полицию крестьяне обращались только в случае полной невозможности разрешить конфликт своими силами или в случае явного преимущества соперников. Так к какому же виду революционаризма отнести подобные акции? Ясно одно: русские левомарксисты имели дело со страной, которую во многом не понимали. Обратим внимание на то, что многие конфликты возникают из-за того, что крестьяне той или иной деревни считают некое имущество, как движимое, так и недвижи-

мое, «своим»). Это при полном отсутствии правосознания и неукоренённости в общественном менталитете понятия «частной собственности». Базой крестьянского ощущения собственности, как и всего общинного уклада, служит традиция, время, в течение которого крестьяне пользовались тем или иным имуществом.

Помимо кризиса общины в годы первой русской революции, ярко проявилось наличие у крестьянского «мира» своих собственных социокультурных интересов (до сих пор, кстати, полноценно не осмысленных), не совпадавших ни с интересами революционеров, ни с интересами реакции и либералов. Именно этим объясняется и кажущаяся нечёткость позиции крестьянства в те годы. Действительно, вопрос: «с кем и против кого деревня?» должен быть оставлен без ответа, поскольку раскола в крестьянской среде тогда ещё не было, он был внесён во времена комбедовской эпопеи (1918 год). Радикалы, равно как и консерваторы, были бессильны воздействовать на общинников идеологическими средствами именно потому, что любая агитация в пользу политических партий не отвечала их интересам и не находила отклика в мужицких душах. Этими же причинами объясняется и провал даже тех робких попыток агитации, которые имели место в крестьянской среде (55). Практически, только «Выборгское воззвание» систематически распространялось в сельской местности.

Манифест «Народу от народных представителей», более известный как Выборгское воззвание, был принят 11 июля 1906 года в Выборге депутатами только что разогнанной Первой Государственной Думы. Ощувив в декабре 1905 года силу плебейского буйства, правительство столкнулось на этот раз с протестом законопослушной части общества.

Можно составить приблизительный портрет распространителя Выборгского воззвания. Это, как правило, мужчина от 21 до 35 лет, чаще русский, проживающий в деревне, но имеющий устойчивую связь с городом. Выборгское воззвание распространялось систематически и вкуче с другими запрещёнными изданиями (56), что являло собой пример так называемой левоблокистской тактики, присущей в различной степени всем оппозиционным партиям в годы первой Русской революции (57). Как бы «вдогонку» Выборгскому воззванию, многие партии и движения поспешили принять свои собственные обращения к народу (58). В частности, в Казанской губернии

распространялся «Манифест ко всему российскому крестьянству» от комитета трудовой группы Государственной Думы, комитета социал-демократической фракции Государственной Думы, всероссийского крестьянского союза, ЦК партии эсеров, ЦК РСДРП и всероссийского железнодорожного союза. Издание прокламаций осуществлялось казанским комитетом п.с.р., РСДРП, другими группами (59). Определённое участие в популяризации идей манифеста принимали бывшие гласные Государственной Думы от Казанской губернии, в частности, Ершов и Лаврентьев, подписавшие это воззвание в Выборге.

Текст возвания и прокламаций в его духе воспроизводился не только на русском языке, в Казанской губернии распространялись прокламации на татарском («Солдат не давать, подати не платить») и другие) и чувашском языках (60).

Наиболее действенной для крестьян была устная агитация, осуществляемая на сходках и в личных беседах, которые велись местными жителями и, в меньшей степени, приезжими агитаторами, часто находившими радушный приём в домах священников и учителей, которые являлись центрами антиправительственной агитации в сёлах.

Выборгский манифест, в той или иной степени получил распространение среди крестьян всех национальностей, населявших Казанскую губернию, но если в русских сёлах педалировалась проблема податей, то в татарских деревнях с бóльшим энтузиазмом воспринималась идея не давать рекрутов. Иногда, что характерно для традиционных обществ, агитация приобретала мистический оттенок. Так, в деревне Карамышево Спасского уезда мулла для большей убедительности своих призывов назвался святым.

Слабость и нерегулярность агитационного воздействия не могли не сказаться на результатах агитации, но основной причиной, предопределившей неудачу Выборгского возвания, представляется общинная организация местных деревень. Российская фискальная система не была приспособлена для актов гражданского неповиновения. Подворное обложение в поземельной общине было во многом фиктивным, поскольку расклад податей производился на сходе, а ответственность лежала на всей общине и персонально уклониться от уплаты было весьма проблематично, а уж если вся деревня решалась

на противозаконную акцию, то отказом от податей дело, как правило, не ограничивалось.

Приходится констатировать, что Выборгское воззвание дало определённые результаты в качестве парламентской акции протеста и примера широкого оппозиционного блока российских левых сил, но как образчик применения политического лозунга в практике крестьянских выступлений оказалось мало действенным. Изощёренные методы гражданского протеста не нашли отклика в общинной среде российской деревни (61). Характерны оценки жандармских аналитиков. Ротмистр Прогнаевский так оценил демонстрацию в Выселке Тогаевом, по итогам расследования инцидента: «Этот случай не был делом революционной партии, хотя отчасти и результат пропаганды» (62). К дознанию по делу было привлечено несколько десятков человек, а умение жандармского управления развязывать языки своим «подопечным» общеизвестно. В политическом обзоре за 1907 год, подготовленном КГЖУ, отмечалось, что в Тетюшском, Свияжском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах в 1907 году из революционных выступлений были отмечены только поджоги, да и тех совсем немного (63). В документах отсутствуют указания на роль какой-либо политической партии, выступившей в качестве организатора крестьянских выступлений. В немалой степени этому способствовала профилактическая работа, проводимая жандармскими унтер-офицерами в уездах губернии, когда любой появившийся партиец немедленно брался под негласное наблюдение и при первом же удобном случае арестовывался, ибо в то время сама принадлежность к радикальной партии служила достаточным основанием для высылки. Но «улов» жандармов был невелик, а если кто и попадался, то только эсеры, представители других партий в деревню почти не заглядывали. Первая русская революция была обречена на поражение уже потому, что не нашла поддержки в крестьянских массах. Они использовали революционную обстановку только как удобный случай для поживы.

В своё время П. В. Волобуев заметил, что: «...хотя революция вызывается необходимостью коренного преобразования экономической, социальной и идеологической структуры общества, она всё-таки наступает лишь тогда, когда иным путём прогресс данной страны становится невозможен» (64). Следуя этой логике, можно предположить, что Россия в 1907 году ещё могла попытаться решить свои проблемы другим способом.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА: ЗАМЫСЛЫ БАРИНА И РЕЗОНЫ МУЖИКА

Столыпинское аграрное чудо, тема которого была весьма популярна в исторических и политэкономических дискуссиях начала 90-х годов прошлого века, в современной традиции интерпретируется как последний в истории российской империи шанс (65), обойтись без «великих потрясений», об опасности которых предупреждал «последний витязь» царской Руси. Однако и этот шанс не был использован. Во многом снова «благодаря» позиции крестьянства. Почему же крестьянство *in masse* отвергло столь заманчивые, как полагают либералы (кстати, не только доморощенные), перспективы получения земли в собственность. Ведь Пётр Аркадьевич предлагал — по сути — «чёрный передел». Вопрос этот для мирового общественнозна-ния не нов. Им же задавались и американские советники правительства Южного Вьетнама, обескураженные настойчивостью вьетконговцев. Правда, в отличие от западных крестьяноведов, школа которых сформировалась в процессе поиска решения азиатской загадки, у российских исследователей не оказалось времени «по горячим следам» ответить на этот вопрос. А в конце XX века историки, вернувшиеся к его рассмотрению, вопрошали прошлое не столько о крестьянстве, сколько о судьбах государства.

С государством-то всё как раз более или менее ясно. На пороге новой европейской войны Империя осталась практически без флота, бездарно потерянного в войне с Японией. Нужно было строить новый (66). Однако государственная казна оказалась пуста, а морское ведомство только на малую судостроительную программу запрашивало 500 миллионов рублей, что составляло едва ли не четверть всего национального бюджета. С.Ю. Витте не сумел их отыскать, за что, несмотря на свои немалые заслуги перед престолом и Отечеством, был отставлен. Место премьер-министра занял П.А. Столыпин, стяжавший славу «вешателя» на ниве усмирения распоясавшейся черни, но на экономическом поприще не слишком прославленный. Приём давно отработанный в практике царствования: именно безродные дворяне, целиком зависевшие от государевой милости, и были при-

годны для деяний, шедших вразрез с традиционными представлениями о праве и нравственности. Ведь плохие бояре «играют» хо-рошего царя.

Однако, при существовавшей структуре национального хозяйства едва ли можно было рассчитывать на значительные денежные вливания в военную промышленность. К концу XIX века выяснилась безнадежность попыток утверждения фискальной дисциплины в общинно помещичьей среде. Русские лендлорды, что «чумазые», что «умытые» налогов не платили. Накапливавшиеся веками недоимки нельзя было покрыть даже продав их земли с молотка. А изгонять дворян из гнезд было противно природе самодержавья, не опустились российские государи и до «огораживаний». Столыпин рассчитывал получить средства от монополии на спиртное, увеличения денежного оборота (заставив новых рабочих покупать продукты) и, в значительной степени, за счёт налогов, которые новым собственникам земли всё-таки пришлось бы платить. Проще говоря, в аграрной части план реформы состоял в том, чтобы ещё раз всучить крестьянам землю, которую они должны были выкупить у государства ещё по итогам «Освобождения» 1861 года.

Трюк так явно отдавал шулерством, что даже в правительственных кругах высказывались обоснованные сомнения в том, что он удастся. Однако, почти двадцать процентов крестьян изъявили желание воспользоваться предложением правительства (67). Что же с ними случилось? Неужели смётка и бытовой цинизм изменили российскому мужику. При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется, что со здравым смыслом у отечественных земледельцев дело обстояло, по-прежнему, неплохо. Дело в том, что у российского мужика имелись свои резоны участия или неучастия в «барских затеях». В основе громадного большинства технических, социальных и моральных приспособительных приёмов общинного аграрного строя лежит принцип «прежде всего безопасность». Использование нескольких разновидностей семян, обработка расположенных в отдалении друг от друга полос («чересполосица») — вот только два примера классической техники избегания риска, часто ценой сокращения среднего дохода. В общинной деревне в целях обеспечения жителям минимального дохода действует и широкая сеть социальных приспособительных приёмов. Это периодическое перераспределение общинной земли, отчасти в соответствии с потребностями, практика

общих выгонов и пастбищ. Кроме того, общественное давление также имеет определённый дистрибутивный эффект: от богатых крестьян ждут «спонсирования» празднеств, помощи временно нуждающимся родственникам и соседям, даров местным храмам.

Легко впасть в серьёзную ошибку, если романтизировать эти социальные приспособительные приёмы, столь много определяющие в крестьянском хозяйстве. Они не являются радикально уравнительными и безвозмездно благотворительными, а скорее подразумевают только то, что все имеют право на жизнь на основе деревенских ресурсов, и платой за них зачастую является утрата статуса и самостоятельности производителя. Кроме того, утверждение этики выживания сопряжено с распространением таких форм коммуникаций, как слухов, зависти, различных форм лицедейства. К тому же эти приёмы выступают в качестве своеобразных мер социальной гармонии внутри общины и в качестве таковых, по сути, осознаются её зажиточной верхушкой, отдающей себе отчёт в том, что лишённая поддержки и «уважения» крестьянская масса может стать для неё угрозой. Эти скромные, но исключительно важные перераспределительные механизмы обеспечивали минимальные гарантии существования для деревенских жителей. Поланьи на основе исторических и этнографических данных утверждает, что в традиционном обществе подобная практика была повсеместной, и что именно она отличает его от современной рыночной экономики (68).

Джеймс Скотт полагает, что «Обеспечение гарантий выживания не ограничивалось лишь деревенским миром; оно также включало моральную экономику отношения к внешним элитам» (69). Причём, если свои проблемы в рамках общины каждый имел право решать сам, то когда «обществу» пытались противостоять отдельные его члены или несколько человек, оно выступало в качестве единого организма. Каждый из тех, кто оставался настоящим общинником, ассоциировал себя с «миром». У них имелись общие интересы и устремления, конституировавшиеся как интересы общины. Этим как будто и объясняется факт противостояния не между одним крестьянином и другими крестьянами, но между крестьянином и «миром», как равными по монолитности субъектами.

Но русская поземельная община в начале XX века переживала далеко не лучшие времена. Насилие, чинимое над ней правительством, негативное воздействие рыночного механизма на мирские хо-

зайственные практики обусловили падение авторитета и уменьшение властного ресурса общинных структур. Делая своё знаменитое заявление о 20 спокойных годах, потребных для превращения России в великую европейскую державу, П. А. Столыпин в неявной форме высказывал надежду на то, что за этот срок удастся сломать хребет общине как социальной структуре. На самом деле министра-реформатора едва ли одолевала ненависть к крестьянам, более того, без повышения их индивидуального благосостояния «добить» общину было невозможно. Для возрождения же полнокровной общинной структуры и мирской идентичности вовсе не требовались спокойные, мирные годы — напротив условием актуализации общественных страховых функций было снижение уровня благосостояния населения, некие экстремальные условия, которые общинники могли отчасти и разыграть.

Весьма своеобразно это проявилось в борьбе с выселенцами ещё до начала реформы. Ведь желающие покинуть общину появились задолго до 1906 года. Всего на 1 января 1904 года в России расселилось 942 деревни с общим числом дворов — 20205, что составило 2,6% от общего их числа (70). Столыпинские новеллы лишь ускорили этот процесс и облегчили его протекание.

Вот документы: донесение начальника КГЖУ от 5 августа 1906 года: «...Несколько зажиточных крестьян села Тетвели Чистопольского уезда, около сорока лет тому назад приобрели в собственность участок земли, находящийся по соседству с их наделом, куда и выселились на жительство..., продолжая всё это время пользоваться и наделом... Ныне же Тетвельское общество, считая, что выселенцы имеют приобретённой земли больше, чем они надельной составило мирской приговор не давать выселенцам общественной надельной земли, а поделить её между собой, что и исполнили». Кстати, случай этот не уникален (71).

Община считала себя вправе лишить крестьянина земли, но государство полагало возможным вмешиваться во внутренние дела общины, когда последняя, по мнению властных структур, превышала свои полномочия. А община всё чаще пыталась взять на себя карательные функции, что не импонировало ни крестьянам, ни государству, рассматривавшему право на насилие как собственную прерогативу.

Где-то к 1906 году стало очевидно, что амбиции общины не соответствуют её производительной мощи. Правительство пришло к выводу о невозможности модернизации общинного способа производства. Кроме того, по итогам революции 1905–1907 годов стало совершенно ясно, что община не справляется и с задачами, возложенными на неё государством в плане контроля за местным населением в том виде как они представлялись консерваторам. В итоге, все, кажется, сошлись во мнении, что далее это не может продолжаться. Однако и к 1917 году общинный способ хозяйствования вовсе не прекратил своего существования. Иначе Октябрьская революция вряд ли закончилась бы победой большевиков (если вообще началась бы). В чём же причина такой устойчивости общины? Не в том ли, что: «Столыпинской реформой было захвачено не среднее крестьянство... а главным образом или вовсе порвавшие с деревней, или те низы деревни, которые стоят за гранью, где начинается пауперизм...» (72). Если сюда добавить ещё и часть кулаков и переселенцев, то набор будет практически полным. Вывод убедительный, вполне подтверждающийся статистическими данными (73), однако он никак не учитывался советской историографией, ориентированной на ленинские представления о «столыпинщине». Но тут не сходятся концы с концами. Дело в том, что если признать ленинскую статистику (65% бедняков и 15% кулаков в составе населения деревни) истинной, то «провал» (термин советской историографии) реформы становится труднообъяснимым. В самом деле, если 80% населения деревни (65% + 15%) заинтересовано в проведении реформы, одни — чтобы продать, другие — чтобы купить землю, совершенно непонятно, почему только 22% домохозяев с 14% надельной земли (74) воспользовались своим правом, при том, что деятельность землеустроительных комиссий была достаточно активной, а механизм выделения из общины относительно несложным. Правда, при такой цифире, можно всех хуторян приравнять к кулакам... И другая проблема. Как же удалось 20-ти процентам середняков — наиболее заинтересованных в сохранении общинного хозяйства — организовать такое сопротивление всей мощи государства и 80-ти процентам своих «одножителей»?

Для того, чтобы непротиворечиво истолковать итоги столыпинской реформы, необходимо пересмотреть степень социального расслоения в российской деревне начала XX века. Ленинская градация

крестьянства игнорирует смысл его общинного бытия, препятствуя получению аутентичной картины: в общинной экономике в принципе не может быть большинства «бедных» — в относительном, а не в абсолютном измерении (75), в противном случае существование крестьянской общины делается бессмысленным (76), поскольку она оказывается не в состоянии гарантировать выживание большинству своих членов (77). Можно предположить, что число «средняков» в общинах России не могло быть меньше 60–70% от общего числа крестьян (учитывая ограниченные возможности крестьянского хозяйства в деле оказания помощи). О незначительности социального расслоения в уездах Казанской губернии говорят и исследования А.П. Энгельгардта, указавшего, что даже после голода 1891 года в русских общинах насчитывалось 6,5% безземельных дворов, 4,4% домохозяев покинули свои деревни. В татарских деревнях этот процент был ещё ниже — 1,5% безземельных, а у чувашей вообще только 0,3% и 3,9% — ушедших «на сторону» (78).

Наконец, рассмотрим направленность крестьянских выступлений. Используя позитивистский подход (в полной мере присущий марксизму) приходится признать, что столыпинская аграрная политика была направлена на замену отсталого способа производства на более прогрессивный. Выступления против неё, очевидно, следует признать реакционными. В рамках социокультурного подхода эта проблема «снимается». Отвлечёмся, однако, от глобальных вопросов. Вернёмся к нашим поволжским крестьянам.

Фонд № 199 (КГЖУ) НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан) содержит сорок шесть дел с описаниями случаев противодействия аграрной реформе. Они включают в себя 53 дела, заведённых непосредственно в жандармском управлении и содержат описание около 90 эпизодов, вызвавших интерес этого ведомства.

Известно, что столыпинская аграрная реформа не была единовременной акцией. Официально провозглашённая 9 ноября 1906 года Указом «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», введённого в действие в перерыве между разгоном первой и созывом второй Государственных Дум, реформа была подтверждена Законом о землеустройстве, принятом III Государственной Думой 14 июня 1910 года. Дальнейшее развитие положения Закона получили 11 мая 1911 года, в принятом Думой законе, предусматривавшем

первоочередное создание участковых хозяйств: хуторов и отрубков. Проведение реформы было приостановлено в 1915 году и полностью прекращена она была постановлением Временного правительства от 28 июня 1917 года. Проведение реформаторских мероприятий началось не ранее января 1907 года и по техническим причинам (нехватка кадров и оборудования) растянулось более чем на восемь лет. Судя по документам, в Казанской губернии претворение в жизнь указа от 9 ноября 1906 года началось не ранее второй половины 1909 года. До 1 мая 1915 года в губернии укрепили землю в личную собственность 32232 домохозяина, что составило 8,6% к общему числу домохозяев, владеющих землёй на общинных правах. При этом заявило о своём желании выделиться из обширных 66625 домохозяев, Таким образом к моменту приостановки землеустроительных работ только 48,4% изъявивших желание выйти из общины успели закрепить за собой землю, далеко не все из них стали собственниками из-за технических сложностей, многие отказались от своей идеи под влиянием противодействия сельских обществ, противившихся проведению реформы.

В целом, по Казанской губернии площадь окончательно укрепленных крестьянам в личную собственность наделов земли составила 158092 десятины, то есть 2,7% всей земли, имевшейся в Казанской губернии. Таким образом, по количеству хозяйств, укрепивших землю в частную собственность, Казанская губерния занимала 33 место среди 40 губерний, в которых проводились землеустроительные работы и 30-е место по площади укрепленной земли (79). Противодействие проведению в жизнь положений указа отмечается с началом 1910 года. Не зафиксировано таких выступлений и после 1913 года. Можно поэтому предположить, что активное противодействие реформе имело место в течении четырёх лет — с 1910-го по 1913-й годы. Количество выступлений в целом ниже среднего российского уровня, что объясняется незначительным объёмом проводимых мероприятий, небольшим числом выселенцев, а также значительным авторитетом общины, успешно подавлявшей сепаратизм отдельных своих членов — не всякий крестьянин отваживался жаловаться на свой «мир» в жандармское управление или в другой орган государственной власти. Наибольшее число выступлений относится к 1910 году. В целом динамика антиреформенных выступлений, по данным КГЖУ, выглядит следующим образом:

Таблица 3

Год	Количество дел		Количество эпизодов	Количество участников
	в НА РТ	по описи КГЖУ		
1910	24	24	50	107
1911	16	16	22	44
1912	2	7	7	19
1913	4	6	9	65
Итого	46	53	88	235

Разница в численности дел объясняется тем, что некоторые, небольшие по объёму «дела» оказались сведены в одну папку.

По уездам выступления были распределены следующим образом:

Таблица 4

Уезд	Год и число выступлений				Всего выступлений	Место по кол-ву выст. по губернии
	1910	1911	1912	1913		
Мамадышский	4	3	3	1	11	1
Чистопольский	4	6	—	—	10	2
Свияжский	4	4	—	—	8	3
Цивильский	2	1	1	3	7	4
Ядринский	1	1	1	2	5	5
Тетюшский	4	—	1	—	5	5
Лаишевский	3	—	1	—	4	6
Чебоксарский	2	—	—	—	2	7
Спасский	1	—	—	—	1	8
Царёвококшайский	—	1	—	—	1	8
Итого	24	16	7	6	53	

Примечание 1. Некоторые выступления включали в себя несколько эпизодов.

Примечание 2. Данных о выступлениях в Казанском и Козьмодемьянском уездах не обнаружено.

Эти данные позволяют констатировать несомненное наличие в Казанской губернии активных выступлений против реформы. В течение 1907–1914 годов крестьянами по всей России было совершено порядка 340 акций, которые могут быть отнесены к выступлениям против столыпинской аграрной политики (80), крестьяне-общинники Казанской губернии дают, таким образом, около 16% от числа всех российских антиреформенных акций. Процент выступлений против землеустройства явно не соответствует успехам в области насаждения участкового землевладения. Необходимо, однако, выяснить, что конкретно скрывается за этими цифрами, поскольку формы протеста были различными, к тому же большое количество дел было прекращено без последствий для привлекавшихся к «дознанию». Примерно половина от общего количества дел была прекращена Казанским губернатором и ещё около четверти — министром внутренних дел, ибо они представляли собой пьяные «откровения» и выходы на сельских сходах, а потому не считались достаточным основанием для наказания. Массовые беспорядки случились дважды за четыре года. Оружие было применено один раз. Итог: 4 убитых, 3 раненых. Этот прискорбный случай имел место в деревне Атмень Ядринского уезда, особо не выделявшегося по числу правонарушений, 8 мая 1913 года (81).

Наибольшее распространение в Казанской губернии получили следующие методы воздействия на желающих покинуть общину: агитация против Указа и Закона на сходах и в общественных местах, а также в частных беседах; против упорствующих — оскорбления, угрозы и насилие, проще сказать, мордобой. Имели место поджоги, поступали даже сообщения об убийствах, но они не подтвердились (82). В некоторых местах крестьяне препятствовали проведению землеустроительных работ, угрожали землемерам, не допускали их к работе. Эти методы борьбы с реформой были достаточно типичны на общероссийском фоне (83). В КГЖУ все дела подразделялись на четыре группы: агитация против указа и закона — 16 дел; возбуждение населения и внесение смуты «в умы местного населения» — 3 дела; подстрекательство местного населения к антизаконным выступлениям — 5 дел; собственно противодействие проведению в жизнь реформаторских мероприятий — 29 дел. Особо злостные противники закона удаивались проверки на политическую благонадёжность.

Автором была сделана попытка найти дополнительные материалы об угнетении царской администрацией татарского населения. Попытка оказалась неудачной. При проведении землеустроительных работ, как и при определении меры пресечения различий по этническому признаку не делалось, при том, что противодействие аграрной реформе в русских деревнях приобрело больший размах (как явствует из документов КГЖУ). К дознанию привлекалось из общего числа участников — около 70% русских, более 25% несогласных с политикой правительства составляли татары; остальные преступники принадлежали к другим этническим группам. Известны случаи когда татары и русские выступали вместе.

Ни в одном из дел также не упоминается, что какое-либо выступление явилось результатом деятельности политических партий. Когда вопрос касался земли, крестьянам не требовались заезжие агитаторы. К тому же большинство российских политических партий рассматривало столыпинскую реформу, в целом, как прогрессивное мероприятие, расходясь лишь в оценке методов, которыми она проводилась.

Описывая противодействия реформе, её значение, исследователи зачастую выпускают из виду сам механизм проведения в жизнь законодательных постановлений. В Казанской губернии он был следующим. В деревню приезжали чиновники и представители земства, собирался сельский сход. На нём крестьянам зачитывались: Указ от 9 ноября 1906 года, Закон 14 июня 1910 года, положение о проведении реформы, после чего крестьяне, желающие укрепить землю в личную собственность, в любой форме подавали заявления об укреплении земли, а также выходе на хутора и отруба. Впоследствии проводились землеустроительные работы, выдавались свидетельства и документы на право владения землёй. Кстати сказать, с выдачей этих документов не слишком спешили, а временами не обходилось и без волокиты (84). Большинство выступлений против реформы происходило как раз в промежутке между подачей заявлений и самими землеустроительными работами. Их достаточно высокая результативность объясняется как раз тем, что крестьяне не имели возможности получить землю сразу после подачи заявления. Против целенаправленных акций «мира» могли устоять немногие.

С тем, что реформа способствовала прогрессу страны, согласны большинство исследователей (85). Существуют свидетельства самих

крестьян, воспользовавшихся реформой. Они вовсе не считают себя обобранными и обманутыми (86). Кажется, что большинство из этих «недалёких» пейзажистов вполне отчётливо представляли себе как перспективы участия в реформе, так и проблемы, с которыми предстояло столкнуться. Продажа земли перед уходом в город вовсе не воспринималась крестьянами как трагедия. Во-первых, часть продавцов уже покинула деревню и не вела хозяйства, во-вторых, деньги, вырученные от сделки, становились серьёзным подспорьем для адаптации в городской среде. Почему же другие были против столыпинских преобразований? Неужели русский крестьянин был настолько глуп, чтобы не видеть собственной выгоды? Насколько известно — нет? Вопрос в том, как именно он представлял себе эту выгоду. И уж если большинство общинников отвергало реформу, значит, были на то весьма веские основания. В отечественной исторической науке традиционно называются следующие причины отказа от участия в укреплении земли: «любовь к старине», ненависть к кулакам и общинные привычки (87). Проще сказать — сколь-нибудь серьёзных причин антистолыпинских выступлений обнаружить не удаётся. Возможно, ностальгия тоже влияла на отношение крестьян к реформе.

Но больше всего не устраивало общинников... ущемление чувства собственника... Крестьянин ненавидел кулака не потому, что был беден («он более всего беден сознанием собственной бедности», утверждал В. И. Ленин), а потому, что хотел быть богатым, но не мог. НЕ МОГ! (88) Ленинское выражение верно потому, что сознание такое убивает в человеке человека. А.Н. Энгельгардт замечает, что: «Крестьяне в вопросе о собственности самые крайние собственники, и ни один крестьянин не поступится ни одной копейкой, ни одним клочком сена» (89). Поэтому не мог крестьянин вынести ещё большего унижения — дальнейшего обогащения кулака, а то и того хуже — превращения своего брата мужика едва ли не в помещика. Вот и заглавная причина.

Рассмотрим теперь «любовь к старине» и общинные привычки. Первое — это подсознательное воспоминание о тех временах, когда «все были равны», тоска по ним. Отсутствие ощущения исторического времени в крестьянском самосознании (90) облегчало, в данном случае, акт рефлексии. Второе — чувство, сформированное автономностью общины; любое вмешательство (в том числе и государственное) в её «внутренние дела» вызывало подозрения и инстинктивную реакцию неприятия. Через общину крестьянин ощущал

себя собственником всей общинной земли. Это его чувство собственника не давало ему спокойно жить из-за того, что кто-то режет по живому «мою-нашу» землицу. Все эти психо-социальные наплывы причудливо переплетались с типичными страхами и опасениями: невозможностью, по скудости средств, вести хозяйство на широкую ногу, а ссуду брать — риск велик, можно окончательно обнищать у банка в кабале; приближающийся передел общинных земель постоянно регенерировал ощущение тревоги в сознании большинства крестьян-общинников. Как известно, переделы происходили в среднем каждые 12 лет. В 1910–1912 годах как раз пришло время очередного дележа для многих общин. При наделении крестьян землёй после отмены крепостного права земли Казанской губернии, предоставленные в распоряжение крестьянских «обществ», были нарезаны из расчёта 5,2 десятины на ревизскую душу (91), однако демографический взрыв второй половины XIX века, давший империи 57 миллионов новых подданных, весьма негативно отразился на состоянии российского сельского хозяйства. Рост населения не сопровождался пропорциональным увеличением ресурсов, поскольку урожаи оставались на том же уровне. В итоге четырёхдесятинный рубеж подушного наделения, позволявший относительно безбедно существовать крестьянам в Казанской губернии оказался переищён уже к концу XIX века. В 1891 году в губернии приходилось на одну душу мужского пола — 3,4 десятины, на душу населения — 1,7 десятины, что было явно недостаточно. В результате только 79% хозяйств обрабатывали землю своим инвентарём, а 11% — вообще прекратили хозяйство (92). Это меньше, чем в среднем по стране; ситуация, однако, осложнялась тем, что в земледельческой Казанской губернии «значение других промыслов для крестьянского хозяйства ничтожно» (93). В дальнейшем сокращение площади наделной земли продолжалось и к началу XX века душевой надел (при наделении по числу мужских душ, что преобладало в Казанской губернии) практически нигде не превышал 3 десятины на душу. Балансирование на грани возможности прокормиться земледельческим трудом актуализировало проблему передела земли — одну из основных функций общины, что, в свою очередь, обернулось укреплением общинных структур Казанской губернии (94).

На проведении реформы это отразилось следующим образом. Если после передела земли в крестьянской семье кто-то умирал, то земли на всех оставшихся автоматически становилось больше. Ну

а если — рождался приходилось надеяться, что не умрёт с голоду до следующего передела. Землеустроительные работы по выделению участков хозяйств проводились без оглядки на грядущие переделы общинных земель (95), поэтому те общинники, у которых земли было «больше, чем положено» оказывались наиболее заинтересованными в том, чтобы закрепить это своё выгодное положение (зачастую они даже не сводили свои полоски в один участок, довольствуясь закреплением в собственность сверхнормативного надела). Те же, кому земли по общинным меркам «не хватало», всячески сопротивлялись укреплению в собственность как своих «недостаточных» наделов, так и слишком больших, тех, которые должно было урезать при переделе. Ситуация осложнялась продолжавшимся приростом населения, а — следовательно — сокращением душевого надела, что также стимулировало реформаторскую активность хозяев располагавших «излишками»

Мотив ожидания передела присутствует почти в каждом втором «деле» КГЖУ (96). В ряде документов эти обстоятельства разъясняются подробнее. Вот, например, «...свидетели показали, что Жуковы — состоятельные люди», — значит не только богатством определялось желание или нежелание укрепить землю в собственность. Будучи волостным старшиной, А. Жуков не хотел укреплять землю в собственность другим до нового передела, так как у него пять мальчиков и земли досталось бы больше» (97). Те же мотивы наблюдаем и в случае с Фахризьяном Сибгатуллиным со товарищи (98). А крестьяне Лаишевского уезда Минигалей Назмутдинов, Насыбулла Хамидуллин, Мухаметваф Гайнуллин и Халим Галимов даже организовали нечто вроде тайного общества, имевшего целью не допустить укрепление земли в собственность до передела, причём, «для достижения означенной цели члены шайки употребляли насильственные действия, выразившиеся в поджоге имущества крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность» (99).

В свою очередь потенциальные фермеры также отнюдь не стеснялись в выборе аргументов «За» укрепление земли. Имея численный перевес или, по крайней мере, возможность влиять на ход событий в деревне, крестьяне, желавшие покинуть общину, вовсе не ограничивали себя толстовскими этическими максимами в отношении односельчан (100). Впрочем, далеко не все документы повествуют о драматических коллизиях. В большинстве случаев дальше угроз и взаимных оскорблений дело не шло (101).

Значительно реже крестьяне мешали проведению землеустроительных работ. Такие случаи были отмечены в Лаишевском, Цивильском и Чебоксарском уездах (102). Лаишевский уезд населяли русские и татары, Цивильский и Чебоксарский — почти сплошь были заселены чувашами. Чувашская община в начале XX века в значительной степени сохраняла ещё свои социально-организационные позиции, поэтому чувашаи зачастую отваживались на более решительные выступления в защиту своих миров.

Встречаются оригинальные способы действий. Так, крестьянин села Ново-Чурилина Мамадышского уезда Пётр Курманаевский «...отправил сельскому старосте письмо с угрозой поджечь его имущество за сочувствие укреплению земли в собственность» (103); крестьянин Ядринского уезда Никандр Казанов был «изобличён в подстрекательстве крестьян к начатию явно противозаконных исков» против волостного правления и крестьян, выделяющихся из общины (104). Не обходилось и без курьёзов: так, Ефим Кондратьев, Гавриил Вавилов и их сообщники (всего 8 человек) во время оглашения на сходе Указа «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» увели со схода 150 человек из 160 присутствующих и тем самым обрекли реформу в селе Державино Мамадышского уезда на неудачу (105).

Были случаи сведения личных счётов под вывеской борьбы с реформой или за неё (106). В частности одного ретивого мужичка, желавшего покинуть лоно общины, обвинили в том, что он препятствует проведению в жизнь аграрных преобразований. Написали донос, отправили в КГЖУ. Пока разобрались — землемеры уже уехали (107).

Все жандармские «дела» о противодействии земельной реформе проходили под грифом: «Переписка в порядке охраны», что свидетельствует об их особой важности с точки зрения правительства. Механизм прохождения дел был следующим: «Переписка» заводилась, как правило, уездным приставом или исправником, собирались данные о привлечении к дознанию, производились допросы, в случае необходимости и другие следственные действия. Затем материалы дознания отправлялись в Казань, в КГЖУ. Там они рассматривались и с заключением начальника управления направлялись в канцелярию губернатора для вынесения окончательного решения, которое в подав-

ляющем большинстве случаев совпадало с заключением начальника КГЖУ. В том случае, если губернатор принимал решение прекратить дело или наложить административное взыскание своей властью, оно возвращалось в канцелярию жандармского управления и решение выполнялось. Однако, если деяние было достаточно серьёзным, дело могло быть направлено в суд, который, под присмотром прокурора, и выносил приговор (он вполне мог быть оправдательным). Копии приговора, как правило, рассылались в канцелярии губернатора и начальника жандармского ведомства. В особых случаях «Переписка» могла быть направлена для рассмотрения «особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране» (108). Во избежание излишнего усердия в деле «охранения государственного порядка» Департамент полиции 27 ноября 1910 года издал циркуляр № 93784 с чётким перечнем «оснований к аресту и высылке». Из всех пятидесяти трёх дел, заведённых КГЖУ за четыре года, в суд было направлено два, остальные были рассмотрены в административном порядке, с применением административных же мер пресечения, выбор которых отнюдь не был скуден.

Применявшиеся Казанским губернатором в отношении лиц, выступивших против земельной реформы наказания приведены в таблице 5.

В целом, из 235 человек, привлекавшихся к дознанию, только пятеро предстали перед судом, а остальные дела были рассмотрены в административном порядке. В результате 174 человека подверглись различным наказаниям, а 156 отделались лёгким испугом.

Несколько слов о динамике жандармского следствия. С течением времени постепенно уменьшается удельный вес дел, заведённых на одного-двух человек по явным доносам. В то же время наблюдается ужесточение карательных санкций. С другой стороны, крестьяне делают первые попытки использовать активность «охранки» в своих интересах, что нашло отражение в оговорах и сведениях личных счётов при переделе и размежевании.

Не вполне понятными остаются пока причины свёртывания антиреформенного движения в 1914 году. Естественно, сказалось влияние войны на ход реформы, но основная причина, думается, в том, что к 1914 году переделы в Казанской губернии закончились, а значит исчез и повод для крестьянского беспокойства. Тем, кто желал укрепить свой «законный» надел, мир не препятствовал, а загадывать на 12 лет вперёд крестьяне, жившие сегодняшним днём, не привыкли.

Таблица 5

№ п/п	Мера пресечения	Частота применения	Число подвергшихся наказанию
1	Высылка в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции на 3 года	2	4
2	— " — на 2 года	1	1
3	Высылка из Казанской губернии под негласное наблюдение на 3 года	2	4
4	— " — на 2 года	2	5
5	— " — на 1 год	4	4
6	Административный арест на 3 месяца	2	41
7	— " — на 2 месяца	1	2
8	— " — на 1 месяц	2	10
9	Гласный надзор полиции по месту жительства	1	1
10	Негласное наблюдение	2	2
11	Переписка прекращена начальником КГЖУ	1	1
12	Переписка прекращена прокурором округа	31	129
13	Переписка прекращена министром внутренних дел	19	26

Думается говорить о крахе столыпинской аграрной линии как в масштабах страны, так и в пределах Казанской губернии едва ли возможно. Устойчивая тенденция выхода из общины сохранялась в течение всего довоенного периода. Определённая часть крестьян продемонстрировала чёткое желание вести хозяйство единолично, на собственной земле. Вместе с тем приходится констатировать, что «переломить хребет» общине не удалось (109). Подавляющее большинство общинников было готово продолжать вести хозяйство традиционным способом. Документы реформы содержали в себе ряд положений, вызвавших настороженную реакцию общинников, обеспокоенных вмешательством государства во внутреннюю жизнь сельского «мира». К тому же механизм проведения реформы был достаточно громоздким, что, несомненно, затрудняло процесс выделения.

В целом можно констатировать, что основная масса крестьян не признала реформу «своим» делом, осталась глуха к перспективам ведения фермерского хозяйства, что естественно замедлило ход преобразований и, в конечном итоге, не позволило модернизировать российскую деревню.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. — М., 1990. С.23–24.
2. См.: Волжский вестник. 1904. 05.12. С.2.
3. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.188, 225, 227.
4. Волжский листок. 1906. 01.19. С.4; *Кибардин М.А.* Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917–1919 годов. — Казань, 1963. С.90.
5. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.116–117, 185, 187.
6. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.116–117, 239; НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.647. Л.41–42, Д.667. Л.11.
7. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.123; Волжский вестник. 1906.01.21. С.3.
8. Волжский листок. 1906. 01.10. С.2.
9. Волжский листок. 1906. 01.12. С.3.
10. Волжский листок. 1906. 01.18. С.3.
11. НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.376. Л.2; Казанский телеграф 1906. 01.20. С.4.
12. Казанский телеграф 1906.01.19. С.4.
13. Об этом см., например, *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1993. С.367–368; в КГЖУ, например, по штату числилось 5 офицеров: начальник, адъютант, 2 помощника и т. н. прикомандированный офицер, который подменял основных сотрудников в случае болезни, командировки и т.п. Но и это штатное расписание далеко не всегда держивалось. (См.: НА РТ. Ф.199. Д.153. Л.2–3 и др.)
14. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. — М., 1987. С.78.
15. Таблицы составлены автором.
16. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.188, 224, 227.
17. Там же. Л.468.
18. *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. — М., 1988. С.40.
19. Этика выживания в современном крестьяноведении трактуется как набор технических и социальных приёмов, направленных на то, чтобы избежать угрозы индивидуального голода в крестьянских общинах и добиться максимально комфортных условий существования полноправных членов общины. Дж. Скотт даёт определение «моральной экономики» крестьянства, рассматривая её как крестьянское понимание экономической справедливости и их рабочее определение эксплуатации — их взгляд на то, какие из притязаний на произведённый ими продукт терпимы, а какие — нетерпимы. См.: *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.202–210.
20. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.120, 183, 221, 308.
21. Там же. Л.185.
22. Там же. Л.187.

23. Там же. Л.116–117.
24. Там же. Л.123.
25. *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. — М., 1988. С.67.
26. НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.376. Л.2.
27. Там же. Оп.1. Д.460. Л.167.
28. Там же. Л.177.
29. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. — М., 1987. С.400.
30. А.Н. Энгельгардт признавал, что нанятый на поденную работу крестьянин «не получит даже столько, сколько необходимо для поддержания, посредством пищи, организма в нормальном состоянии». См.: *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С.163.
31. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.456.
32. Там же. Л.281.
33. Там же. Л.416.
34. Там же. Л.184.
35. Там же. Л.123.
36. Там же. Л.308.
37. Там же. Оп.2. Д.647. Л.41–42.
38. Там же. Д.667. Л.11.
39. Там же. Оп.1. Д.460. Л.239.
40. Там же. Л.168.
41. Там же. Л.127–128.
42. Там же. Л.248.
43. Там же. Л.248.
44. Там же. Оп.3. Д.153. Л.2–3.
45. Там же. Оп.1. Д.460. Л.168.
46. *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С.385.
47. Термин В.Г. Короленко для определения крестьянских бунтов. В.Г. Короленко указывает, что авторство этого слова принадлежит самими крестьянам. См.: *Короленко В.Г.* Земли! Земли! — М., 1991. С.62–67.
48. См.: *Стариков Е.Н.* Маргиналы //В человеческом измерении. — М., 1989.
49. См.: *Шацлло К.Ф.* Предисловие // *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия // Полн. собр. Речей в Государственной Думе. — М., 1991.
50. НА РТ Оп.1. Д.460. Л.151–153.
51. Там же. Л.170.
52. Там же. Л.466.
53. Там же. Л.463.
54. Там же. Л.223.
55. Там же. Д.529.
56. В 1906 году жандармерией и полицией в Казанской губернии было изъято не менее 200 экземпляров Выборгского воззвания и партийных листовок в том же духе. Естественно, что выпущено их было гораздо больше. См.: НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.227. Л.82.
57. Там же. Оп.1. Д.460. Л.482–534.
58. См., например листовку «Товарищи крестьяне!» Окружной группы при Казанском комитете РСДРП. Приводится по: Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905–1907 гг. — Казань, 1955. С.203–205.
59. В 1906–1910 годах различными циркулярами было запрещено издание не менее чем тридцати наименований книг, брошюр и других изданий, на страницах которых

освещалась история работы и разгона I Государственной Думы (данные по Казанской губернии). Следует, однако заметить, что приблизительно сорок процентов всей запрещённой к изданию литературы составляла порнография, издания политической ориентации — процентов 30–35, остальное приходилось на долю экономических изданий и художественной литературы. См.: НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.667.

60. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.482, 534–535; См. также: НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.800.

61. Там же. Оп.1. Д.460. Л.251.

62. Там же. Оп.2. Д.776.

63. Там же.

64. Историческая наука и некоторые проблемы современности. — М., 1969. С.261.

65. Дякин В. Последний шанс //Знание — сила. 1991. — №2. С.14.

66. Вопрос «Зачем?» оставим специалистам по морской истории и геополитике.

67. Почти половина, правда, передумали.

68. См. Polanyi K. The Great Transformation. — Boston, 1957, p.163. цит. по Скотт Дж.

Моральная экономика крестьянства как этика выживания //Великий Незнакомец. — М., 1992. С.206.

69. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания //Великий незнакомец. — М., 1992 С.206.

70. Ланщиков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. — М., 1990. С.88–89.

71. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.460. Л.272–273.

72. Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. — М., 1917. С.32.

73. Ланщиков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. — М., 1990. С.97–98.

74. См.: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. — Иерусалим, 1987. С.13.

75. Один из наиболее авторитетных в России историков-аграрников Л.В. Милов в своём исследовании «Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса» (М., 1998), скрупулёзно подсчитывает различные показатели крестьянского достатка. Полученная картина не только не позволяет выявить среднестатистический показатель достаточности, но (с точки зрения «лошадиной» статистики) только запутывает вопрос. В частности, бедные крестьяне Курской губернии имели по 2 лошади, в то время как середняки Тамбовской губернии, в среднем набирали по 1,29–1,95 лошади на тягло. См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. — М., 1998 С.223–224.

76. В ходе одного из заседаний семинара по современным концепция аграрного развития один из наиболее известных у нас в стране крестьяноведов Т. Шанин заметил: «...утверждение о том, что в русских сёлах накануне революции было 65% бедняков, считаю злой шуткой над логикой современных исследований». В ходе дальнейшего обсуждения П.Н. Зырянов «на глазок» определил процент бедняцких и кулацких хозяйств в российских деревнях, в 5 процентов — и тех, и других. См.: Отечественная история. 1993. №6. С.105.

77. Бедняки в крестьянском понимании — те члены общины, которые не имеют возможности прокормиться своим трудом и вынуждены наниматься к более состоятельным членам «мира». «А «батрак» — это такое бранное слово, хуже которого нет...» А.Н. Энгельгардт Из деревни: 12 писем. 1872–1887. — М., 1987. С.337.

78. См.: Энгельгардт А.П. Очерк крестьянского хозяйства в Казанской и других Средневожских губерниях. — Казань, 1893. С.13.

79. См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. С.65–66.
80. См.: Там же. С.413–415.
81. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1379. Л.18–25.
82. Там же. Д.1300, 1311.
83. См.: *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. — Куйбышев, 1990. С.107.
84. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1300.
85. См.: *Дякин В.* Последний шанс //Знание-сила. 1991. №2. С.14; *Шульгин В.* Опыт Столыпина //Домострой. 1991. №6. С.9. и др.
86. См.: *Кабин Г.* Столыпинское подворье //Литературная газета. 1991. №11. С.6.
87. Насчёт любви к старине вполне определённо высказался Л.В. Милов, показавший способность российского крестьянина к постоянной модернизации хозяйствования, констатируя прогресс русского земледелия. См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 1998 С.66, 93 и др.
88. О причинах невозможности доходного хозяйствования на русских нивах писали много и достаточно подробно, начиная с Соловьёва. И не только отечественные авторы.
89. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем. 1872–1887. — М.: Мысль, 1987. С.103.
90. О мыслительных практиках членов традиционных общностей См.: *Левин-Страсс К.* Неприрученная мысль //Первобытное мышление. — М., 1994. С.126–127.
91. См.: *Энгельгардт А.П.* Указ соч. С.15.
92. См.: *Энгельгардт А.П.* Указ соч. С.10.
93. См.: *Энгельгардт А.П.* Указ соч. С.10.
94. Казанская губерния отнюдь не числилась среди губерний, в которых не проводились земельные переделы. См.: Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. С.67.
95. Хотя и с учётом времени их проведения.
96. См., например, НА РГ. Ф.1999. Оп.2. Д.1114. Л.37; Там же. Д.1219. Л.24.
97. Там же. Д.1116. Л.7, 24–25.
98. См.: там же. Д.1127.
99. Там же. Д.1128. Л.11–11об.
100. Там же. Д.1134. Л.50, 52.
101. См.: Там же. Д.1124; 1126; 1129; 1132; 1133; 1220; 1222; 1230. Л.11; 1231. Л.1; 1233; 1234. Л.29; 1300; 1301; 1379; 1380; 1382. См. так же: НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1113; 1114; 1115; 1117; 1120; 1121; 1122; 1123; 1130; 1137; 1221; 1223; 1224; 1228; 1229; 1231.
102. Там же. Д.1119; 1131; 1229.
103. Там же. Д.1127. Л.11.
104. Там же. Д.1125. Л.20.
105. Там же. Д.1126. Л.11.
106. См. там же. Д.1224.
107. См. там же. Д.1300.
108. Там же. Д.1128. Л.11.
109. При этом остаётся открытым вопрос о том, а стремились ли именно «переломить хребет». Ведь задача столыпинского реформирования, строго говоря, была весьма утилитарной — найти денег на постройку нового флота, взамен утопленного японцами. Тот факт, что деньги пришлось занимать на стороне, свидетельствует о том, что реформа не удалась. Однако же её аграрная составляющая оказалась вполне удачной, насколько это вообще могло быть в такой стране как Россия.

ОБЩИННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОВОЛЖСКИЙ СЦЕНАРИЙ

СТАРЫЕ ПЕСНИ НА НОВЫЙ ЛАД:
КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Смута, коллизиями которой был отмечен распад имперской государственности России, примечательна не только городскими беспорядками и жаркими партийными схватками, но и повсеместными крестьянскими бунтами в сравнении с которыми «пугачёвщина», казалась едва ли не невинным развлечением. По другому и быть не могло — крестьяне в начале XX века составляли не менее 80% населения страны (1); в историософском смысле именно их выбор должен был определить дальнейшую судьбу России.

Поволжский регион может служить уменьшенной копией общероссийских коллизий. Оставаясь в начале прошлого века полиэтничным и поликонфессиональным, он испытывал воздействие общих для страны процессов. Сельское население Поволжья составляло более 80% (2) (по другим данным около 90% (3)) жителей края. Товарность сельскохозяйственного производства в регионе была сравнительно невелика, некоторый избыток продовольствия поступал, в основном, на внутренний рынок (4).

Казанская губерния, занимавшая площадь 55 987, 3 кв. версты, располагалась по обоим берегам Волги в её среднем течении, подразделяясь на 12 уездов. Население губернии к 1914 году составляло 2 850 101 человек, из которых крестьян было 86,35%. Ни один из этносов не доминировал: русские составляли около 34%, татары — более 31, чувашаи — почти 23, марийцы — 5% (5). Основными конфессиями были православие и ислам, хотя часть чувашей и марийцев упорно продолжала держаться язычества.

Более четверти всех удобных земель были заняты казёнными лесными дачами и удельными оброчными статьями, а значит в сельском хозяйстве не использовались. Более 54% удобной земли были распределены между крестьянскими обществами, ещё около 5% принадлежало кооперативам или находилось в частном владении крестьян. Земли иных частных собственников составляли 15,8% (6). В помещичьем владении находилось не менее 13 процентов пахотной земли, кроме того, они контролировали значительную часть угодий. Кое-что находилось во владении городов, монастырей и т. п. В общинах средний душевой надел составлял 2,5–2,7 десятины (7), в среднем на крестьянское хозяйство приходилось 7,7 десятины (8).

Большая часть земель принадлежала поземельным общинам, члены которых вели традиционное хозяйство, более или менее регулярно производя переделы и арендуя земли частных владельцев в основном для собственного прокормления (9). Крестьянские хозяйства доминировали в Казанской губернии как численно, так и территориально. Большинство земледельцев входили в состав общин.

Традиционные формы деревенского бытования предполагали использование не только определённых технологических приёмов, но и веками наработанных практик общения как внутри общины, так и с социальными субъектами за её пределами. Последние таким способом включались на определённых условиях в структуру моральной экономики, причём в их число входили и помещики и даже представители государства. В структуре моральной экономики не последнее место занимала система тревожных сигналов, призванных донести до власть придержащих информацию о том, что в результате деятельности их представителей попираются исконные права общинников. Речь идёт прежде всего о крестьянских выступлениях, в жандармских документах весьма ёмко и точно обозначаемых термином «беспорядки». Кроме того, крестьяне практиковали мелкие незаконные акты (такие как порубки и покосы на лесных полянах, не относившихся к общинным угодьям), полагая при этом, что владельцы должны им попустительствовать. В целом, в современном крестьяноведении, эти социальные акции интерпретируются как оборонительные (10). В общем смысле это действительно так, хотя возмущение по поводу «попранных прав» часто проявлялось у крестьян в агрессивной форме (пьяный дебош, потрава, поджог и т. п.). В любом случае эти действия не носили антисистемного характера,

более того в рамках моральной экономики они играли роль приглашения к диалогу. На протяжении тысячелетий агродеспотии, чтобы урезонить общинников прибегали к аргументам из военно-полицейского арсенала, однако их применение, как правило, носило демонстрационный характер. Репрессивность/«опальчивость» властей входила в общие «правила игры» в рамках всё той же моральной экономики.

Классический сценарий беспорядка выглядел приблизительно так: сначала крестьяне просто демонстрируют обуревающее их негодование; если ситуация обостряется, начинаются мелкие нарушения и выходки; если и тогда проблема не решается (землевладелец упорно игнорирует нужды общинников), то происходят собственно беспорядки, призванные информировать о «несправедливости» высшие органы власти (через голову собственного помещика или местного начальства) (11); после чего правительство применяет карательные санкции, а затем переходит к урегулированию ситуации (12). Чтобы уgomонить общинников, государство всегда держало в запасе набор уступок (для чего в обычной социальной практике требовалось изымать у сельских обществ несколько больше, чем это было нужно для поддержания стабильности системы). Таковы традиционные «правила» диалога патримониального государства и крестьян-общинников. «Дискуссионное поле» ограничивалось, с одной стороны, частоколом штыков, с другой — заревом горящих усадеб. И когда раздухарившийся мужик чувствовал приставленный к своей груди штык (обычно дело ограничивалось нагайками), он понимал, что дальше идти нельзя — государство больше не склонно считать его претензии обоснованными.

Ухудшение хозяйственного положения крестьян после реформы 1861 года (13), наложившись на последствия демографического взрыва середины XIX века (14), породило аграрный вопрос, разрешение которого и сделалось насущной необходимостью для крестьян и головной болью всех российских кабинетов вплоть до 1917 года. Проще говоря: имперскому правительству приходилось размышлять как компенсировать обнаружившуюся нехватку пахотной земли и угодий в центральной части России. Для бюрократии проблема осложнялась наличием нескольких групп советчиков, начиная от самих крестьян (требовавших всё между ними поделить) и заканчивая консерваторами-охранителями, (предлагавшими «запороть»).

Аграрная проблема имела свою специфику на всей территории России, однако в хрестоматийном, если можно так сказать, виде она сложилась в губерниях Поволжья и чернозёмного Центра — в местностях, где крестьянину, с одной стороны, некуда было деваться из деревни (15), с другой — отсутствовала возможность безбедно жить за счёт земли (16). Казанская губерния являет собой типичный пример традиционного аграрного региона, являясь в этом плане репрезентативной и в общероссийском масштабе.

В начале XX века мы застаём сельскую крестьянскую общину вполне вкусившей все последствия социальных экспериментов царизма, однако ещё крепко держащуюся традиционных хозяйственных практик моральной экономики, что было продемонстрировано и в годы первой русской революции, и в ходе столыпинской аграрной реформы. Следовательно, к моменту вступления России в I мировую войну деревня не представляла потенциальной угрозы для социально-политической организации империи. Однако в 1917 году именно крестьянские беспорядки, наряду с солдатскими бунтами оказались визитной карточкой русской смуты. Вопрос, что же случилось с пейзанами за 3 года войны остаётся актуальным и по сей день. Ответ на него зависит от двух условий: авторского взгляда и специфики региона.

Так или иначе, но в ещё в начале 1917 года вроде бы ничто не предвещало грядущей бури, тем более что из Казанской губернии в 1914–1917 годах было призвано в армию 277 600 крестьян — более сорока процентов трудоспособного мужского населения деревень (17). Поэтому не только земельный голод в губернии прекратился естественным, так сказать, путём, но и число потенциальных участников беспорядков существенно уменьшилось. А те, что остались, были заняты другими проблемами. За время войны выросла доля крестьянских хлебов в общенациональном сборе (18). Из-за разрушения хлебозаготовительного аппарата и сокращения экспорта продовольствия значительная часть урожая военных лет оставалась в деревне, что привело к увеличению норм потребления продовольствия в крестьянских хозяйствах Казанской губернии (19). Больше стали и денежные доходы; источником их роста стали спекуляция хлебом в городах и соседних регионах, увеличение платы за работу в экономиях. Землевладельцы, стеснённые крестьянским вымогательством, осаждали главноначальствующего губернии (так во время войны стали называть губернатора), требуя прислать военнопленных.

Военнопленные, вообще внесли заметный вклад в функционирование аграрного хозяйства России в годы I мировой войны. И если в 1915 году пленных направляли, в основном, для работы в помещичьи экономии, то через год они широко использовались и в крестьянских хозяйствах. Труд пленников оплачивался из бюджета земства — в месяц они получали 8 рублей (20). Крестьянину же работавшему со своей лошадейю на подёнщине нужно было заплатить 1 рубль 50 копеек в день (то есть до 45 рублей в месяц) (21). Естественно, что пленные оказались сильными конкурентами. Положение ещё более осложнилось в 1916 году: инфляция привела к тому, что даже крестьяне без особых проблем могли воспользоваться услугами военнопленных (22), предпочитая зарабатывать на строительстве железной дороги, бараков или на пристанях (23). Расценки же крестьянской подёнщины достигли 6 рублей в день. Острая нужда в работниках заставила использовать в 1916 году на сельхозработах даже немецких военнопленных, которых годом раньше старались не выпускать из под жандармского надзора. Иногда их отправляли в деревню прямо с марша. Так, в конце апреля 1916 года 350 немцев, прибывших в город Чистополь были принудительно направлены в распоряжение земства и очень скоро оказалась на полях (24). Безусловно, принуждать людей работать на земле занятие неблагоприятное — результат обычно не оправдывает ожиданий. Но у русской администрации, похоже, не было другого выбора. И помещики, и крестьяне, не справляясь с обработкой собственных полей и угодий, требовали привлекать военнопленных к сельскохозяйственным работам, хотя бы и принудительно: жители обезлюдевших деревень и лишившиеся сезонных рабочих землевладельцы (25), опасались не управиться с работами «если не будут отпущены пленные...» (26).

В 1916, 1917 годах привлечение военнопленных для аграрных работ приобрело плановый и целенаправленный характер, однако совместных усилий оставшихся крестьян, беженцев и пленных оказалось уже недостаточно для обеспечения продовольствием разбухшего населения городов и разросшейся армии. 26 марта 1917 года почто-телеграммой Министерства земледелия и Военного министерства командующий округом генерал-лейтенант Доброшин и комиссар Временного правительства Плотников были уведомлены о необходимости «установить в текущем году возможно широкий отпуск для работ воинских команд из запасных частей» (27). Хотя в рабко-

манды отбирались солдаты старше 40 лет, негодные к строевой, раненные и больные, но переоценить их разлагающее влияние на боевой дух армии вряд ли возможно. Отнюдь не способствовали они и укреплению нравственности в деревнях. Вообще государственное регулирование макроэкономических процессов в годы Великой войны заслуживает специального анализа, причём не только исторического; это ж надо было додуматься оторвать от собственного хозяйства десять миллионов мужиков, чтобы потом их же силком отправлять пахать чужие надёлы. Естественно, что, оказавшись в деревнях, солдаты свободной России не желали надрываться на чужих нивах, собираясь напоследок (перед фронтом) приятно провести время (28).

Но, не успели служивые отбыть на сельхозработы, как военный министр распорядился вернуть их обратно, кажется, о сокровенных солдатских мечтах догадались и в правительстве. Ответом стало массовое дезертирство, те же, кого удалось вернуть, боевого духа войск тоже не поднимали. Повсеместно стали распространяться слухи о скорой демобилизации; мысль, безусловно, здравая: поди-ка заставь воевать мужика, который уже «сидор» гостинцами набивает... Решение сократить армию созрело к осени: 25 сентября 1917 года было объявлено о демобилизации солдат старше сорока лет (29).

Общая картина аграрного производства в начале 1917 года не внушает оптимизма: сельское хозяйство, очевидно оказалось не в состоянии удовлетворить потребности страны в продовольствии (30). Но весной 1917 года структуры крестьянского мира, понуждаемые правительством к производству продовольствия и обременённые огромным количеством семей, в которых не было работников, с трудом справлялись не только с задачей прокормления страны, но и едва были в состоянии гарантировать необходимый минимум продовольствия части своих членов, справедливо претендовавших на выживание в рамках традиций моральной экономики (семьи солдат). Община оказалась перегружена обязательствами и перед правительством, и перед своими одножителями. Хуже всего, что начальство с привычной беспечностью не обращало внимания на суть процессов, протекавших в деревне. Рискну предположить, что чиновникам всех рангов просто не могла прийти в голову мысль о том, что русский мужик не сможет себя прокормить. Сохранявшаяся чересполосица, вынуждала крестьян обрабатывать все поле целиком, включая

и надёлы призванных в армию односельчан, что приводило к неэффективной растрате трудовых ресурсов, вдруг оказавшихся дефицитными. Дело в том, что во время войны самое широкое распространение получило отходничество, принимавшее разнообразные формы (от обычной подёнщины до переезда в городки строителей, трудившихся на прокладке железной дороги), оказывавшееся зачастую экономически более выгодным, нежели работа на земле, не в последнюю очередь благодаря тому, что делёж денежного дохода не входил в номенклатуру методов моральной экономики.

Хозяйственное перенапряжение, суть которого можно определить как вызов жизнеспособности поземельной общины и в качестве хозяйствующего субъекта, и в ипостаси социального института минимизировало социально-регулятивный потенциал деревенского мира. Проще говоря, на втором и, особенно на третьем году войны крестьяне-общинники уже остро нуждались в помощи в борьбе за выживание — последствия искусственной модернизации аграрного сектора имперского хозяйства не позволяли в полной мере реализовать социально-страховочные функции сельского мира. Именно это и обусловило, в конечном итоге, реанимацию морально-экономических практик деревенской этики выживания, реализация которых в то время не сулила ничего хорошего всем, обитателям деревни, оказавшимся вне структур моральной экономики.

Наиболее серьёзными проблемами, с которыми пришлось столкнуться обескровленным поволжским общинам в годы Первой мировой войны, оказались дороговизна и дефицит продуктов питания (речь здесь идёт о «колониальных» товарах и соли), а также обнаружившаяся нехватка леса.

Дороговизну и дефицит можно с некоторой натяжкой отнести к объективным трудностям войны. С натяжкой, потому что крестьяне, всюду обсуждавшие «вопрос настоящей дороговизны, в особенности сахара...» (31) были «обеспечены более, чем были раньше» (32) и беспокоились не столько из-за самой дороговизны (33), сколько из-за невозможности с конца 1916 года компенсировать её последствия, посредством спекуляций (34). И хотя, по едкому замечанию жандармского унтера «Патриотизм пошёл на убыль после установления цены на рожь» (35), едва ли, начавшийся в феврале 1916 года «ропот по поводу дороговизны» (36) представлял какую-либо угрозу для правящего режима. Скорее, его можно квалифици-

ровать как недовольство временными трудностями, ведь в соответствии с классическим сценарием беспорядка, не наступило время даже для мелких шалостей. Что же касается дефицита, то ведь кризис хлеботоргового аппарата затронул и сахарную промышленность тоже, а крестьяне, приладившиеся за время сухого закона ставить бражку, начали несколько злоупотреблять этим продуктом, который в Поволжье не производили. Таким образом, ни дефицит, ни дороговизна не представляли сколь-нибудь серьёзной угрозы бытованию крестьянских миров, а следовательно — не могут рассматриваться в качестве побудительных мотивов к крестьянским беспорядкам.

А вот недостаток леса, возникший вследствие помещичьей жадности (37), и не предупреждённый государством, превратился в 1917 году в одну из серьёзнейших проблем для деревни. Дефицит леса, сложившийся вследствие узурпации помещиками угодий после реформы 1861 года, был достаточно болезненен для крестьянского хозяйства, испытывавшего повседневную нужду в этом материале. Худо-бедно, но вопрос как-то решался. До 1916 года. В рапорте о положении дел в Спасском уезде (это чувашский район и леса там уже в конце XIX века было немного) отмечается спекулятивный рост цен у лесоторговцев (38) уже в начале 1916 года.

И всё же ничего экстраординарного до конца 1916 года в жизни поволжской общинной деревни, кажется, не случилось. Крестьяне по-прежнему были обеспокоены видами на урожай и сроками полевых работ, присматривали беженцев и пленных себе «на помочи».

Проблема состояла в том, что к весне семнадцатого легитимность большинства традиционных институтов империи вообще оказалась под вопросом потому, что носители традиции обретались либо в казармах, либо на заводах. Вместо этого сельская местность оказалась населена доселе невиданными обитателями: пленными и беженцами, анклавы которых генерировали маргинальную субкультуру, просто потому, что никакой другой продуцировать не могли.

В деревне стали твориться странные вещи. Весной 1916 года жандармские аналитики с тревогой и обеспокоенностью отмечали массовые пьянки мусульман во время Сабантуя (39). Общеизвестно, что одним из атрибутов мусульманской деревни являлась трезвость. В социальной коммуникации деревни начала XX века мусульманская трезвость служила своеобразным индикатором, позволявшим отделить православных от инородцев, обуславливая, в числе прочего,

базис для аграрных и бытовых конфликтов (40). Для мусульман ситуация конфликтного взаимодействия с православными выглядела зеркальным отражением: свои — трезвые; чужие, соответственно, — грязные и пьяные пожиратели свинины. Эти характеристики в народном сознании служили достаточным основанием для того, чтобы чувствовать свою правоту в бытовых конфликтах (41). Так или иначе, но на бытовом уровне социальная идентификация по признаку пьяный — трезвый, оказалась наиболее распространённой. Стереотипным образом татарина оставался трезвый татарин.

Пьяные татары потому и выглядели подозрительно, что разрушали стереотипную идентификацию земледельцев-мусульман. Сознание тех, кто пил на Сабантуе, должно было претерпеть существенную трансформацию, по отношению к традиционной татарской морали. Можно сказать, что пьяных татар в провинциальной России следовало опасаться гораздо больше, нежели трезвых, поскольку этот вид подданных был неизвестен. Они не вписывались ни в одну из ниш имперской социальной структуры, да и в традиционной общественной организации места для них тоже не находилось. Однако, эти новые мусульмане уже пришли и жили среди обычных людей. Они имманентно создавали инновационную культурную ауру, характеристики которой, впрочем, так и остались загадкой: в советское время маргинализация, принявшая характер государственной стратегии, растворила анклавов пьющих татар в массе отчаянно запойного населения.

Справедливости ради заметим, что далеко не все мусульмане Казанской губернии принялись восхвалять Диониса. Первыми отличились жители Мамадышского уезда (42). Но в 1917 году география праздничных возлияний на Сабантуе расширилась, а к концу года даже татарские барышни кое-где не гнушались опрокинуть стопку-другую. По данным жандармов, они вдобавок принялись осваивать древнейшую профессию (но это уже в городах (43)). Мужчины же взяли за правило взбадривать себя горячительными напитками (44).

Губернских жандармов, строго говоря, поначалу заинтересовал не столько социокультурный парадокс мусульманского пьянства, сколько факт нарушения «сухого закона», введённого высочайшим указом вскоре после вступления России в войну. Поскольку битва с «тевтонскими варварами» несколько затянулась, а отменить запрет на популярный вид отдыха не удосужились, население приладились

употреблять денатурат и гнать самогон. Памятуя известный тезис Владимира Святого «Руси быти — веселие пити», на это нарушение монаршей воли смотрели сквозь пальцы. Но это когда речь шла о русских (стало быть — православных) подданных. От мусульман такого, кажется, не ожидали. Однако, удостоверившись в патриотических настроениях мусульманского населения (45), власти не стали углубляться в выяснение причин мамадшского загула. Тем более, что жандармов не хватало даже для выявления шпионов и противодействия революционерам. А после февральской революции в губерниях царил такой бедлам, что на пьянки уже никто не обращал внимания.

Таким образом, глубинная деформация массового сознания и общественной организации, индикаторами которой и стали попойки, произошла в мусульманских сообществах внутренней России задолго до появления гражданина Ульянова на улицах Петрограда. Магометанский мир поддался агрессии внешних сил. Поддался, но выстоял, сохранив ещё на какое-то время своеобразный бытовой уклад. Возмутители спокойствия сгнули в годы братоубийственной бойни, предоставив соплеменникам выживать по привычным схемам. Сгнуть то они сгнули, но вот откуда пришли. Ведь деревенская мусульманская община, приученная не доверять чужакам была не склонна прислушиваться к советам посторонних, особенно если они шли вразрез с наставлениями Пророка. Значит, пили свои же, вернувшиеся с фронта или с отхожих промыслов (46). Из непонятного мира «за околицей» они бросали вызов традиционному укладу мусульманской деревни, вызов, на который она, растерявшись, не нашлась чем ответить. Аграрная мобилизация эпохи смуты носила культурно-консервативный характер, но она сделалась возможной лишь после ухода из деревень маргиналов, выпавших за рамки традиционной социализации в годы войны. Однако же, воспитание и образование эти молодые люди получили в мектебах (47) и в семье. Выходит, что эти традиционные заведения уже какое-то время не справлялись с задачей воспроизводства лояльного (по имперским меркам) магометанского населения.

Другим индикатором кризиса социально-культурной архитектуры общинной деревни становится отход женщин на промыслы. В Мамадышском уезде крестьянки уже с весны 1915 года работали на пристанях, на погрузке леса, причём, судя по жандармским отчётам,

зарабатывали очень неплохо (48). Кроме того крестьянки того же уезда трудились на строительстве железной дороги (49). Получаемое вознаграждение (1р 80 коп. в день, то есть на 30 коп. больше, чем мужик-подёнщик с лошадыю) (50), позволяло солдаткам не обращать внимание на ограничения норм этики выживания (а тут уж и до мусульманских пьянок недалеко), игнорировать мирские притязания на признательность и компенсацию затраченных трудовых ресурсов. Однако эмансипация поволжских крестьянок отнюдь не была плодом их мечтаний. Изменения своего статуса и динамику окружения они рассматривали как явление временное. Так, в донесении унтер-офицера Ивана Акутина, наблюдавшего в 1915 году за положением дел в Чебоксарском уезде, указывается: «солдатские жёны отказываются выходить из общины до конца войны», от страха они даже прогнали землемера, прибывшего отмерять отруба, выйти на которые собирались их мужья, ещё до призыва под имперские знамёна (51). В то же время, полученный в годы войны опыт гендерной автономии едва ли мог остаться под спудом.

Ещё один пример атипичной для структур моральной экономики социальной коммуникации — работа на беженцев. Самодостаточность крестьянского мира определяется в значительной степени тем, что на своей территории крестьяне-общинники чувствуют себя полными хозяевами, от которых чужаки зависят. В рамки такого подхода неплохо вписывались военнопленные, враз оказавшиеся на самой нижней ступени деревенской иерархии. Вне зависимости от того, сколько они получали и в каком месте крестьянской избы спали, пленные выступали бесправными примачами в сельских сообществах. И с точки зрения этики выживания это было справедливо — существование пленных было обусловлено потребностью сельского мира в их услугах (52). Другой группой, конкурировавшей с пленными за последнюю строчку в деревенской иерархии были беженцы — подданные русского же императора, сорванные войной (точнее будет сказать распоряжением начальства, озабоченного тем, чтобы лишить врага налогоплательщиков и квалифицированных специалистов) с насиженных мест в западных губерниях и заброшенные в поволжскую деревню.

В рамках морально-экономической коммуникации лишившиеся хозяйства и земли люди, должны были заискивать и пресмыкаться перед хозяевами деревни, включёнными в систему этики выжива-

ния, фактом своего унижения обуславливая начало диалога, содержанием которого были кондиции выживания той или иной группы чужаков. Для безземельной поволжской деревни этот сценарий не был банальным ритуалом — жизненные ресурсы были ограничены и чужакам, желавшим ими пользоваться, приходилось убеждать хозяев в своей нужности и лояльности. Это было справедливо. Кстати, большинство беженцев не выходили за рамки морально-экономического диалога. «Все... беженцы ...производили впечатление людей тихих и скромных. Но были ли они всегда таковыми или же таковыми сделали их несчастья — судить не могу», — так описывает их современник (53). Однако часть беженцев, в числе которых обнаруживаем: «...разных фабрикантов из г. Лодзи» (54), не только не торгуясь приобретала продукты крестьянского хозяйства, но и приглашала их — хозяев жизни — к себе в прислуги и в подсобники. Прельщённые высокой платой крестьяне не находили в себе сил сопротивляться (55), однако же нередко их переполняла обида, а собственные права они считали несправедливо погранными (56).

Существовала и ещё одна социальная группа, представители которой попирали базовые нормы этики выживания. Это, так называемые, военнообязанные — подданные враждебных России государств призывного возраста, оказавшиеся в 1914 году на её территории и интернированные. Под влиянием дороговизны, а нередко и из-за недостаточности средств, они в 1915 — 1916 году начинают перебираться в сельские районы, поскольку «дороговизна... в деревне не так заметна» (57). Военнообязанные оказались, пожалуй, самой низшей группой из всех деревенских париев времён Великой войны, если пленных иногда жалели, а беженцам, как правило, сочувствовали, то с них, даже, по мнению жандармского аналитика, крестьяне за продукты питания «берут... невероятные суммы» (58). Большинство из них, «чтобы получить от крестьян подешевле провизию, применяют свои знания и учат крестьян мастерству» (59). Однако и среди военнообязанных находились «выродки», позволявшие себе не просто игнорировать спекулятивный кураж крестьян, но и нанимать прислугу.

Знаков беды и символов кризиса было предостаточно, многие из них широко известны и даже изучены (распутинщина, расцвет оккультизма, нигилизм и т. п.), другие — ещё ждут своих исследователей. Но все эти феномены, казалось бы немыслимые в культурной

ауре России, чуждые традициям народов, её населявших, являлись симптомами недуга, поразившего государство и общество, болезни, серьёзно подточившей силы имперского организма накануне решительной схватки с либералами.

Кажется, в начале XX века в Российской империи действительно назревал кризис, но не экономический или политический, а незамеченный и оттого оказавшийся наиболее опасным — культурный. Кризис идентичности, метко названный — системным, поскольку элементы системы перестали понимать друг друга. Хотя фатальный исход для империи едва ли был неизбежен, если бы не эта злосчастная война, в которую Россия на свою беду попыталась вступить на трезвую голову, одурманенная грёзами о Босфоре и Дарданеллах. Однако, никто, кажется, не предполагал, что способом разрешения этого кризиса окажется «общинная революция» (60), в ходе которой «чёрный передел», за который ратовали крестьяне-общинники окажется лишь первым шагом на пути к погружению России во вторую смутную эпоху.

Война 1914–1918 годов вскрыла и убедительно показала не только пороки и слабости российской бюрократии, но и неспособность общественного организма империи функционировать в модернизировавшемся за годы всемирной бойни социальном пространстве. Это должно было бы насторожить потрясателей основ из либерального лагеря, спешивших отеснить с авансены утомлённого самодержавьем монарха. Не насторожило — решили попытать счастья, взявшись за кормило государственной власти и... оказались за бортом. Просто история не повторяет своих уроков за даром.

ЗА ФАСАДОМ РЕВОЛЮЦИИ:
ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ АГРАРНЫХ БЕСПОРЯДКОВ
СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Падение монархии, кажется, прошло незамеченным в российских сёлах и деревнях. Крестьяне даже в 1918 году в своей массе не проявляли никакого интереса к вопросу о том, кто «ими теперь на верхах управляет» (61). Весной 1917 года мало что изменилось в по-

волжской деревне, вот разве что жандармов и полиции не видеть стало совсем... После того как полицейские функции на местах выполнять стало некому, единственным гарантом спокойствия в деревне оставалась привычка общинников выполнять арендные договоры в том виде, в каком они были заключены. Поскольку к началу 1917 года в Казанской губернии хватало земли для всех, кто желал её обрабатывать — лозунг «Чёрного передела» стал неактуален. По оценке Н. Д. Кондратьева, Казанская губерния по-прежнему относилась к числу тех, где наблюдался некоторый избыток производства над потреблением (62): в 1917 году в ней заготавливалось продовольствие для Владимирской, Нижегородской, Тверской и Ярославской губерний (63). Более того, нормы отпуска продовольствия здесь превышали аналогичные показатели Нижегородской губернии в 8–10 раз (64). К тому же, несмотря на введение твёрдых цен на хлеб, крестьяне продолжали спекулировать хлебом. Известно, что в годы войны в крестьянских хозяйствах производящей полосы повсеместно накапливались запасы продовольствия и даже повысились нормы массового потребления (65). Тезис о безразличии крестьянства к политическим коллизиям 1917 года подтверждается данными статистики: в марте месяце на всю деревенскую Россию случилось 17 беспорядков. Чем же был обусловлен последующий всплеск насилия? Что случилось с крестьянами общинникам? Куда подевались их оборонительные стратегии? Наконец, почему они вообще выступили именно в 1917 году?

Прежде чем анализировать поведение крестьян и попытаться оценить состояние их этики выживания в рассматриваемый период, нелишне посмотреть, что же происходило с внешними по отношению к сельскому миру структурами, и как они стали восприниматься из его недр. Временное правительство по тем или иным причинам оказалось лишено сложившихся силовых структур империи. Однако, уничтожив корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска, демократическое правительство фактически расправилось с привычным аппаратом имперского управления как таковым (66). Лишившись жандармско-полицейского остова государственности Временное правительство оказалось неспособно объединить людские усилия для решения всё острее ощущаемых внутренних проблем. Кроме того, полицейский аппарат (в том числе и политическая полиция) империи был едва ли не единственным

государственным органом, проникавшим на низший, волостной уровень управления. Утратив это «государево око», правительство как бы враз ослепло, лишившись не только контроля над деревней, но и просто возможности получать и анализировать информацию о жизни большинства населения страны. Кстати сказать, Петроградский Совет оказался не в лучшем положении (67). В данной ситуации лишались всякого значения политические ориентации или партийные программы правящих элит: в условиях возникшей информационной блокады ни одно правительство не смогло бы контролировать положение дел в стране.

Ликвидация жандармерии и полиции в уездах Казанской губернии прошла незаметно, но последствия этой акции оказались фатальными: дело не только в том, что крестьяне остались без присмотра, а правительство без информации; дезертиры, розыском которых ранее занималось Казанское губернское жандармской управление, оказались предоставлены сами себе. Их число возросло неимоверно. В 1917 году произошёл резкий прирост мужского населения губернии, прежде всего за счёт возвращавшихся с фронта солдат. По семи русско-татарским уездам в 1916 году насчитывалось мужчин 687 864 человека, а в 1917 году — 891 571; таким образом, население губернии выросло на 203 707 человек (68), в одном только в Спасском уезде оно увеличилось на 31 266 человек (69). О причинах этого «демографического взрыва» гадать не приходится: он случился за счёт солдат-фронтовиков, которые или сбежали с фронта, или не пожелали возвратиться из отпусков (70). А это народец не из тихих (71). Именно дезертиры и отпуски выступили зачинщиками первых крестьянских беспорядков (72). Акции эти носили аффективно-спонтанный характер и представляли собой хулиганские выходы «подонков сельского населения» (73). Нападавших интересовали, в основном, продовольственные запасы, самогон, вещи (74). Поскольку направлены они были прежде всего против излишне (по мнению мира) разбогатевших во время войны односельчан, хуторян, постольку общинные структуры попустительствовали этим безобразиям. Но акции дезертиров далеко не сразу стали пользоваться поддержкой крестьянства.

Крестьяне стали подключаться к акциям бывших солдат по мере развала структур управления, когда дезертиры как бы легализовались, и смогли вновь включиться в структуры крестьянских общин.

Динамика прибытия дезертиров в тыловую Казанскую губернию впечатляет: только в январе 1917 года на территории губернии было задержано и возвращено в строй 222 беглых солдата (75). Причина происходящего крылась в том, что раз уж те или иные действия не вызывали репрессивной реакции государства, они, в соответствии с принципами моральной экономики, считались как бы санкционированными властью. Поскольку в крестьянской среде было широко распространено убеждение, что максимы моральной экономики серьёзно искажены землевладельцами и чиновниками, постольку крестьяне воспринимали всё происходившее именно как санкционированную (наконец-то) Властью акцию.

Временное правительство допустило и ещё один стратегический просчёт, передав — хотя бы и временно — прерогативы государственной власти на местах наспех сформированным комитетам из местных жителей. В результате реальная власть на сельском и волостном уровнях оказалась у тех самых общинных институтов самоуправления, которые прежде рассматривались «верхами» исключительно как инструмент сбора налогов, поставки новобранцев и поимки преступников (под страхом круговой поруки). В итоге крестьянское недовольство, возникшее вследствие именно государственной экспансии (необоснованной с точки зрения самих крестьян) в сферу аграрного производства, оказалось не только выпущено наружу, но и как бы легитимизировано. Характерной чертой этих ранних крестьянских акций были сравнительно редкие безвозмездные захваты земли и широкая принудительная аренда по «справедливой цене» (76). Министр земледелия А. И. Шингарёв отмечал эти явления как характерные для конца апреля. Широкий размах, особенно среди инородческого населения, приобрела кампания крестьянских прошений, в которых крестьяне настаивали не прирезке земли. В Казанской губернии наибольшее число прошений приходится на конец апреля — май 1917 года (77). Заполучив власть, точнее, став властью, органы общинного самоуправления (а именно их члены оказались во всевозможных комитетах сельского и волостного уровней) постарались как можно скорее восстановить свои так долго попираемые права (78). «На местах широко распространилась тенденция повернуть вспять и фактически разрушить ещё не окрепшие ростки фермерского хозяйства» (79).

Причём крестьяне всерьёз считали, что в своих волостях и деревнях им никто не указ. Так обсудив на заседании Спасского уездного комитета общественной безопасности телеграмму министра земледелия о незаконности захватов земли до Учредительного собрания, они постановили: «Сообщить министру о том, что захватов нет, но земля перешла в распоряжение Земельных комитетов и равномерно распределяется для обработки» (80); Кутушский волостной комитет 10 июня 1917 года постановил: «...4) От покупателей земли укрепленной в личную собственность таковую отобрать в распоряжение Волостного комитета... 5) Отобрать от землевладельца Перовского землю» (81). Были и более любопытные случаи: «...общество крестьян д. Янбай, с комиссаром во главе, отобрали землю отрубников и сдали землю малоземельным за деньги... отобрали землю у вдовы Кирилловой и сдали кр. Василию Афанасьеву за 50 руб., а полученные деньги тут же пропили. Вообще в названной деревне происходит сильное пьянство на сходе, а также большая производительность суррогатов» (82). К осени 1917 года в Казанской губернии власть на местах казалось безраздельно принадлежала КОБам (комитетам общественной безопасности), земельным и т. п. комитетам волостного уровня, в которых доминировали лидеры крестьянских обществ. К тому же постановлениями Казанского губернского совета крестьянских депутатов (которому судя по всему Всероссийский совет тоже был «не указ») — председатель левый эсер А. Л. Колегаев — от 13, 16 и 17 мая 1917 года волостным комитетам было предоставлено право устанавливать арендные цены на землю, следить за распределением лесов и угодий, отводить участки леса для вырубki, определять продовольственные нормы. В их ведение передавались также скот, инвентарь и земли частных владельцев (83). «Чёрный передел» в Казанской губернии, таким образом, осуществлялся не вопреки, а по воле органов власти. Учитывая это обстоятельство, впору удивиться не тому, что мужички разгромили внеобщинные хозяйственные формы, а тому, что делали это не спеша (84). Причина — избыток земли, инерция моральной экономики (85). Власть КОБов продержалась однако недолго, последняя иллюзия «правильного» государственного устройства была разрушена в результате попытки Временного правительства настоять на реализации так называемой хлебной монополии (централизованных заготовок продовольствия), объявленной ещё в марте. Весной и летом

проведение заготовок в деревнях, по причине отсутствия заготовительного аппарата и, главное, нежелания крестьян сдавать хлеб по «твёрдым ценам», оказалось невозможным. Поэтому основной объём заготовленного продовольствия был получен в частновладельческих и хуторских хозяйствах. Последние к осени лишились практически и земли, и хлеба. Правительство же вместо того, чтобы организовать вывоз, скопившихся на станциях запасов продуктов, приняло решение использовать вооружённые силы для принудительной заготовки продовольствия.

Отправка в деревню воинских команд, которым низовые органы власти должны были оказывать содействие, ввергла институт волостных комитетов в состояние глубокого кризиса. Часть из них, не решившаяся выступить против государства, была либо распущена сельскими сходами, либо разгромлена крестьянскими толпами в период с сентября по ноябрь 1917 года. Акты насилия повсеместно сопровождали этот процесс. Президиум Козмодемьянского Совдепа ещё в августе уведомил Казанский исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что: «...удаление войск грозит немедленным убийством членов продовольственных комитетов, разрухой всей деятельности этих комитетов, полным непроведением хлебной монополии, самовольным вывозом запасов хлеба в соседние губернии, погромом уездной земской и продовольственной управ и голодом городу» (86). Чуть позже волостной сход Больше-Югинской волости выгнал своего комиссара и тот пешком добирался до Козмодемьянска (87). Крестьяне Татаркасинской волости зверски расправились с председателем волостного земельного комитета С.М. Запольским: привели его на берег реки «обложили горой книг и бумаг и подожгли» (88). Излишне говорить, что управа также была разгромлена, а её члены разбежались. Население уезда вообще активно противилось «организации продовольственных комитетов, разгоняя их силой и члены комитетов не в состоянии при таких условиях продолжать работу» (89). 24 сентября крестьяне Петриковской волости Царёвококшайского уезда до полусмерти избивли председателя волостной управы Крылова, его заместителя Болоносова, члена управы Нечаева и члена волостного КОБа Яковлева, от смерти их спасли лишь солдаты воинской команды, разогнавшие крестьян (90). В октябре проявила себя тенденция к массовому отказу членов комитетов этого уезда от должностей из-за

угроз и боязни побоев. Иные комитеты распускались сельскими и волостными сходами (91). В Лаишевском уезде так же отмечались происходившие «кое-где разгромы» (92). Другие волостные комитеты сами возглавили крестьянское противодействие воинским командам и представителям власти. Так председатель Марасинского волостного КОБа Мохов лично агитировал против хлебной монополии (93), комиссары Мало-Корочкинской и Акрамовской волостей лично возглавили сопротивление воинским командам (94). Население последней волости на протяжении двух месяцев оказывало вооружённое сопротивление войскам, а после того как село Акрамово 21 сентября было взято штурмом, крестьяне волости стали переселяться в леса, оставляя свои дома (95). За противодействие проведению в жизнь хлебной монополии члены мятежных управ и комитетов лишались своих постов, иногда их даже удавалось судить (96). Но оказавшись перед выбором между «городской» властью и односельчанами, руководители комитетов всё чаще принимали сторону последних. К тому же новые комитеты и управы взамен уничтоженных власти просто не успевали создавать. В дальнейшем им на смену либо приходили Советы, либо их полномочия принимали на себя общинные структуры управления, которые, кстати сказать, зачастую сохраняли названия комитетов (97).

Совершенно очевидно, что такие формы взаимодействия с новой властью не удовлетворили крестьян. Использование традиционных социальных стратегий общинным крестьянством обернулось при Временном правительстве, пытавшемся применять либеральные практики управления, беспорядками всероссийского масштаба. Лишь осенью правительство (заметим, социалистическое) сообразило, что по собственной инициативе крестьяне хлеба не отдадут, а органы народной власти не склонны идентифицировать себя с питерскими бюрократами (98). Но к тому времени беспорядки приобрели уже такие масштабы, что армейских команд попросту не хватало, милиция оказалась неэффективной (хотя численность милиционеров к осени 1917 года превышала уже число полицейской стражи), вероятно потому, что до 80% милиционеров ещё вчера были крестьянами (99). Жандармов же и конных стражников, которые обычно «упокаивали» крестьян уже не было (100). Органы демократической власти безнадежно теряли доверие населения и лишь немногие из них дотянули до весны следующего года (101).

Смена правительств в октябре 1917 года практически не отразилась на динамике событий. Захватившие власть Советы (Казанский Совет крестьянских депутатов с 17 декабря 1917 года взял на себя ответственность за скупку, ссыпку и распределение хлебов) (102) также оказались вынуждены «выколачивать» продовольствие из деревни. На заседании Исполнительного Бюро Казанского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 23 ноября 1917 года констатировалось, что: «все меры принятые губернской продовольственной управой ни убеждение, ни страх перед вооружённой командой, ни товарообмены — ни к чему не привели». Считалось, что: «... поможет лишь революционный суд» (103). Резолюции также не отличались оригинальностью: послать в уезды воинские команды за хлебом (104), осудить разгром экономий, (они теперь «всенародное достояние»), «обязать граждан купивших или иным образом получивших часть имения хранить её впредь до Учредительного собрания» (105), «обратиться к населению с воззванием» (106) и т. п. Но были у новых правителей и новые оригинальные идеи: «... закрыть управы и ждать когда крестьяне сами власти захотят», ввести развёрстку, которая «заставит бедных крестьян отобрать хлеб у кулаков» (107) и т. п. В целом депутаты Советов в отношении хлеба, укрытого в деревнях, были настроены более решительно, чем прежняя власть, однако сил для этого у них пока не хватало. Но уже 26 января 1918 года Исполком Совета крестьянских депутатов постановил создать красную гвардию в уездах (численностью более 300 человек) и организовать продотряд из 100 человек (108).

За фасадом шумных политических баталий 1917 года стремительно набирала ход «общинная революция» — действие кошмарно величественное своим размахом, фактически подведшее черту под историей Российской империи, но обыденно-повседневное при ближайшем рассмотрении.

Разворачивание общинной революции происходило в несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности. После того как прошёл хмельной угар первых погромов, а конные стражники так и не появились, мужички, сочтя свои действия справедливыми (нет наказания, значит — не было и вины), порешили продолжать в том же духе и всем миром навалились на хуторян и отрубников. Если с марта по ноябрь 1917 года выступления против мелких земельных собственников в Казанской губернии составляли приблизительно

22% от общего числа зафиксированных эксцессов, то в марте–апреле на их долю приходилось почти 40% всех беспорядков. Хозяев, решивших презреть общинные узы, избивали, отнимали у них имущество, деньги, скот, вынуждали покидать обжитые места или возвращаться вместе с землёй в общину. Ситуация осложнялась тем, что часть хуторян вела хозяйство на бывших частновладельческих землях «считаемых общинниками за собственные». Возмущённые крестьяне: «гонят отрубников и хуторян с этой земли; на этой почве были столкновения с случаями убийства» (109). Объективно эти действия ещё больше расстраивали российский хлебный рынок, но они же способствовали укреплению общинных структур и ослабляли позиции противников «чёрного передела». В итоге действия общинников вступили в противоречие с интересами государства, которому никак не удавалось толком прокормить огромную армию и население городов. Едва ли можно интерпретировать частные (в каждом конкретном случае) эпизоды погрома хуторов как проявление классового конфликта; «линия фронта» в данном случае проходила не между бедными и богатыми, а между деревенским миром и индивидуальными собственниками земли, получившими её, как считалось, за счёт общины. Вряд ли можно рассматривать эти эксцессы и как планомерные, в частности в Казанской губернии хутора в некоторых волостях просуществовали до весны 1918 г., лишь «Декрет о социализации земли» подвёл черту под их историей, обязав крестьян включить хуторские земли в состав общинных (110). Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские «саженцы» проявилось в Самарской, Уфимской, Саранской, Казанской и Симбирской губерниях (111), то есть в регионах, где община была традиционно сильна.

К концу мая крестьяне, воодушевлённые первыми успехами «чёрного передела», перешли к более серьёзным действиям. К этому времени большинство дезертиров легализовалось, а земельный вопрос в губернии приобрёл привычный вид аграрного перенаселения. А вместе с привычным форматом аграрного вопроса начали применяться и типовые технологии его решения. Одна из них — сгон чужаков с сельскохозяйственных работ у «своего» барина. В марте–апреле по всей Казанской губернии были отмечены случаи недопущения военнопленных к работе, или их сгон с работ (112), причём

всё это, естественно, в лучших мирских традициях: с мордобоем и унижениями. В апреле—июне определённое распространение получило распространение арендных договоров на выгодных для крестьян условиях, чем они надеялись исправить «несправедливость» со стороны землевладельцев. Надо сказать, что помещики, знакомые с морально-экономическими практиками, как правило, с пониманием относились к крестьянским проблемам, опасаясь нарушить устоявшиеся формы обмена услугами и свои «обязанности» по отношению к миру, выполнение которых они справедливо считали основной социальной гарантией собственного выживания, но как выяснилось в 1917 году этого было уже недостаточно.

Расправившись с хуторянами и отрубниками (113), общинники обратили своё внимание на, так называемые, владельческие земли. В группу землевладельцев входили купцы, мещане, монастыри, государство, крестьяне (как хуторяне, так и общинники), банки, товарищества и т. п. Собственно помещикам принадлежало не более 15 процентов всей пахотной земли, её захват и передел вряд ли мог утолить крестьянский земельный голод (114). Раздел же помещичьего хозяйственного инвентаря с экономической точки зрения был столь же бессмысленным, как и делёж барских библиотек, поскольку сельскохозяйственные орудия, использовавшиеся в экономиях, мало подходили для обработки крестьянских наделов и требовали хороших лошадей.

При всей бессмысленности, с практической точки зрения, антипомещичьих выступлений, землевладельцы пали следующей, после хуторян, жертвой общинной революции. С июня месяца резко возросло число антипомещичьих выступлений, изменился их удельный вес в общей массе аграрных беспорядков. Обобщённые данные по трём (самым плодородным) уездам Казанской губернии (Казанскому, Спасскому, Козьмодемьянскому) дают возможность говорить о том, что в мае, июне и июле было отмечено соответственно не менее 24, 64 и 46 крестьянских выступлений. Из них: в мае — 9 (более 33 процентов), в июне — 37 (около 58 процентов), в июле — 22 (около 48 процентов) имели своей мишенью частновладельческие земли, постройки, имущество.

Однако объектами крестьянских вождедений далеко не всегда оказывались пахотные земли. Предчувствуя скорую победу, оборотистые лесоторговцы из южных и западных губерний уже зимой

1916/1917 годов появились в Казани, приобретая лес на корню, целыми делянками (115). Помещики, хозяйство которых за время войны пришло в расстройство, увидав в этом возможность быстро и без хлопот поправить свои дела охотно лес продавали, к тому же заезжие покупатели давали невиданные в Поволжье цены — до 400 рублей за десятину (116). В суматохе как-то забыли о крестьянах, для которых лес был не менее важен, чем для южных купцов, однако выдержать конкуренцию с купеческими ценами было для них не по силам. Призывы «помилосердствовать» были оставлены «благотетелями» без внимания, в результате крестьяне двинулись в леса, землевладельцы пытались сопротивляться, но случившаяся в феврале революция существенно ослабила их позиции. Полиции не было, а милиционеры бездействовали. В результате крестьяне неожиданно выиграли в этой своеобразной лесной войне. Данный факт можно рассматривать как локальный, если не обращать внимания на два обстоятельства, оказывающие решающее влияние на выбор общинников продолжать натиск или прекратить его. Во-первых, крестьянские беспорядки становятся следствием того, что селяне приходят в состояние возмущения, а потому их требования фактически безграничны; во-вторых, успешные крестьянские выступления порождают цепную реакцию (117). Поскольку опять никаких репрессивных мер не последовало крестьяне уже привычно предположили, что их действия получили одобрение нового начальства и решили продолжать. Причём уже не только в частновладельческих дачах.

Судя по всему в 1917 году крестьянам-общинникам было просто не до земли, к тому же полевые работы в основном были завершены до того как общинная революция набрала обороты (118). А вот леса стали постоянным объектом крестьянских вылазок. Леса и уголья всегда интересовали крестьян не меньше, если не больше, чем земля. Но в 1917–1918 годах крестьяне целыми деревнями отправлялись в казённые лесные дачи, не обращая внимания на слабые попытки противостоять им со стороны лесников, а иной раз и при полной поддержке со стороны последних (119). На VI сессии Казанского губземотдела в феврале 1918 года отмечалось: «... что же касается лесов, то дело с ними обстоит хуже: они вырубаются беспощадно, население считает их собственностью; никакие меры к прекращению порубок не действуют; требуется усиление состава вооружённой лесной стражи, а так же посылка на места хищниче-

ских вырубок вооружённой команды» (120). Потравы и самовольные порубки (думается к числу самовольных логично будет отнести и те, что производились с согласия или по распоряжению местных органов власти, но вопреки указаниям центральных и губернских правительственных и общественных институтов) сделались необыкновенно популярны. Главных причин две: во-первых, нарубить, накосить и растащить по домам — акция единовременная, (захват земли имеет смысл только в тех случаях, когда есть надежда закрепить её за собой) (121); во-вторых, реформы второй половины XIX века оставили крестьян не столько без земли, сколько без угодий. Думается, что так называемые захватные акции крестьян можно интерпретировать не как «битву за землю», а как планомерное вытеснение за пределы среды выживания хозяйствующих субъектов, не включённых или исключённых из структур моральной экономики.

Именно потравы, порубки и самовольные покосы были наиболее распространёнными и древними аргументами деревенского мира в ходе «дискуссии» с другими участниками морально-экономических отношений. Но и здесь существовала специфика, определяемая традициями этики выживания: к «своим» помещикам крестьяне относились снисходительно и старались оградить их от насилия. Например, крестьяне Кулаевской волости Казанского уезда даже и в октябре 1917 года просили губернский Совет крестьянских депутатов прекратить порубку в дачах господина Молоткова (122). Хуже обстояло дело с новыми собственниками. Купцы, банки, землевладельцы, использующие землю для получения прибыли, либо доверившие имения управляющим, оказывались вне пределов моральной экономики общинной деревни. Игнорируя нужды «своих» крестьян, они лишали себя оснований для признания за ними права на выживание.

Точнее сказать, удовлетворяя свои желания, крестьяне просто не считали нужным учитывать мнение новых хозяев, а тем нечем было их переубедить. Между прочим, зимой 1918 года, когда землевладельцы покинули свои имения, крестьяне, убедившись в том, что даже остатки традиционного порядка разрушены, как-то незаметно разворовали имущество и запасы продовольствия, хранившиеся в экономиях и взятые на учёт волостными комитетами и Советами. Теперь они с полным основанием сочли всё это своим имуществом (123).

Последний акт общинной революции в Казанской губернии, растянувшийся во времени до лета 1918 года (124). был ознаменован решительными столкновениями с государственными учреждениями, которые были представлены, в основном, воинскими командами, направленными в деревню для заготовки продовольствия. Говоря о решительности сопротивления, следует учитывать, что заготовительные команды Временного правительства существенно отличались от советских продотрядов, прежде всего тем, что приказ командующего Казанским военным округом обязывал солдатиков использовать оружие только в исключительных случаях и только в целях самообороны (125). Однако, наибольший интерес для нас представляют интенции крестьянства. И основной вопрос на который требуется ответить — почему крестьяне-общинники — консервативно-просистемная сила, традиционно рассматривавшаяся как опора патерналистской власти — выступили против её органов. Один из основателей современного крестьяноведения Дж. Скотт указывает на два фактора, определяющие стиль поведения общинников: «фактическое принятие крестьянами существующего общественного порядка, коренящееся в их религиозной или социальной идеологии», «более или менее успешные локальные крестьянские выступления порождают цепную реакцию и, наоборот, демонстрация репрессивной мощи, как правило, сдерживает других крестьян» (126). В 1917 году в Казанской губернии оба эти фактора стимулировали неуступчивость крестьянских сообществ. Временное правительство было для них не более законным, чем привычное самодержавие; отсутствие же весной и летом 1917 года карательных экспедиций в деревню, вольно или невольно попустительство крестьянским беспорядкам, оправдывали крестьянские акции в глазах их участников; привычка к безнаказанности снижала готовность к дискуссии с властями. Общинная революция оказалась в основном завершена ещё до большевистского переворота, хотя крестьянские беспорядки случались и позже. Основная причина спада волны крестьянских выступлений в конце 1918 года заключалась не в фактическом признании крестьянами новой власти (в уездах продолжали существовать различные Комитеты и Управы, созданные ещё Временным правительством), а в том, что грабить было уже нечего. Материалы архивных фондов свидетельствуют, что: «Волостные земельные Отделы в виду отсутствия средств на их содержание плохо работают» (127), «...потеряли вся-

кий авторитет и как захиревшие учреждения самораспускаются» (128), а Советы: «также бессильны бороться с расхищением лесов» (129). Ситуация осложнялась тем, что Советы и Комитеты нередко стремились уничтожить друг друга, при полном безразличии со стороны местного населения, которое, судя по всему, собиралось насладиться плодами победы — в январе 1918 года когда Народный комиссариат земледелия решил вернуться к столыпинскому варианту решения земельного вопроса, идея переселиться в Сибирь или в Среднюю Азию пришлась по душе лишь 48 крестьянам Казанской губернии (130). Только спровоцировав голод в Поволжье большевикам удалось поставить деревню на колени.

На этапе разворачивания русской смуты начала XX века общинное крестьянство Поволжья не продемонстрировало патологических — несвойственных морально-экономической традиции — образцов поведения, хотя со стороны его действия выглядели противоречащими всем традиционным моральным нормам, оно отнюдь не было обуреваемо осознанным антисистемным духом, скорее в действиях крестьян-общинников можно усмотреть признаки спонтанной институционализации, которая в условиях коллапса государственности, естественно, могла начаться именно в традиционных секторах российского социума. На протяжении всего «смутного времени» общинная деревня как умела противостояла попыткам разрушения культурного генокода традиционализма, вне которого её существование было просто невозможно. Мужики не умели и не могли выступить против режима, кто бы не олицетворял его. Однако именно колебания «общинного тела» вывели Россию из состояния гомеостаза и объективно открыли дорогу политическому экстремизму, возведённому позднее в ранг государственной политики и партийной идеологии.

РЕКОНКИСТА СТРАНЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ УТОПИИ

После падения монархии, крестьянское тело империи, оказавшись, образно говоря, «отделённым» от интеллигентско-чиновничьей головы, начинает жить своей жизнью, руководствуясь этикой выживания-

ния и традициями моральной экономики. «Они, — по свидетельству современника, — жили, как будто вовсе не существовало после прежней высшей власти никакой другой подобной власти, кроме своей, ими же избранной, волостной и сельской» (131). Результатом, — которого не предвидел никто ни в России, ни за её пределами, — оказалась общинная революция 1917 года, избавившая крестьян от докучных обязательств перед правительством. Однако столь решительная автономизация основной массы населения никоим образом не устраивала политические элиты, сошедшиеся в brutальной схватке за руины империи и остро нуждавшиеся в привычных крестьянских продуктах: налогах, продовольствии, рекрутах. Нужда бросила в атаку на деревню (в независимости от содержания аграрной программы) практически все политические силы, имевшиеся тогда в России. Ставкой в этой схватке была возможность реализации своей политической платформы после победы.

Для крестьян же существо этой отчаянной борьбы, от которой они решительно стремились уклониться, описывалось ёмкой сентенцией одного из героев фильма «Чапаев»: «Белые пришли — грабуют, красные пришли — грабуют». Отличительной особенностью поволжского региона России было лишь то, что белые здесь не успели особенно развернуться, поэтому местным мужикам приходилось иметь дело, в основном, с красными отрядами, впрочем, особой разницы в методах, кажется, не наблюдалось.

Петроградский переворот осенью 1917 года не внёс существенных корректив в сценарии аграрных коллизий в Поволжье, лишь укрепив подозрения крестьян в незаконности Временного правительства, отнюдь при этом, не добавив симпатий к большевикам (о которых они вообще имели довольно смутное представление) (132). Между тем, для конца 1917 — начала 1918 годов большинство исследователей отмечают явное успокоение в деревне, которое в советской историографии интерпретировалось как победа аграрной политики большевиков, включивших её в свой миф о едином Великом Октябре (133).

Основная причина спада волны крестьянских выступлений в 1918 году заключалась не в фактическом признании крестьянами новой власти (в уездах продолжали существовать различные Комитеты и Управы, созданные ещё Временным правительством), а в том, что общинная революция завершилась ещё до прихода большевиков

к власти, поэтому никаких особых претензий к новому правительству у крестьян первоначально не было. Тем более что последнее не имея возможности повлиять на ход событий в аграрном секторе (134), вынуждено было просто «отпустить вожжи в деревне» (135). Вкупе с традиционным крестьянским безразличием к персональному составу высших эшелонов власти, это и послужило достаточным основанием для прекращения насилия в деревне.

В мировой истории найдётся не много примеров победы традиционалистской деревни над модернизированным государством. Общинные структуры не приспособлены к длительному политическому противостоянию. Начинают сказываться слабые стороны крестьянской организации. «Крестьянство оказывалось не в состоянии противостоять менее многочисленным, но тесно сплочённым, лучше организованным и обладающим техническим превосходством группам, и во многих случаях оно становилось объектом манипулирования и подавления политическими методами или силой оружия» (136). Кроме того, на стороне «противников» крестьян оказываются их же традиционные оборонительные стратегии (137). Поэтому конец 1917 — начало 1918 годов — уникальный момент не только в российской, но и в мировой истории.

Начало 1918 года — момент наивысшего торжества российского крестьянства. И в то же время, это начало его гибели как общественного класса. Агония растянулась на долгий период, заставив все слои российского общества сполна расплатиться за те страдания, которые претерпели крестьяне в годы советской власти, однако шансов на сохранение страны крестьянской утопии (138) не было.

Крестьяне, по воспоминаниям очевидцев, едва ли не предчувствовали, что им недолго придётся наслаждаться плодами своей победы. «Думается, что они в то время... старались отгонять от себя все мысли, могущие нарушить их душевный покой» (139), — вспоминает очевидец. Это настроение крестьян обычно не принимаемое в расчёт, имеет, однако большое значение для понимания сути происходившего, в России в последующие годы. Являясь атрибутом патриархальной имперской структуры, общинное крестьянство не умело существовать вне этого типа социальной организации. По мере усиления государственного давления на деревенский мир, происходит осознание незаконности советского строя, его несправедливости, но растут и крепнут сомнения в законности (в морально-экономическом

смысле) собственных действий. Возникает ощущение, что получение земли таким нелюдским («небожеским») способом привело к тому, что деревня осталась один на один с жестоким и неумолимым противником, не знающим границ в своих притязаниях на продукты крестьянского хозяйства. Отягощённое невозможностью исправить ситуацию, оно обуславливает формирование своеобразного травматического ядра в психологии общинного крестьянства. Преодоление этого социально-психологического кризиса происходит весьма оригинальным способом: в крестьянской среде формируется убеждение, что: «...землю дал нам царь Николай Александрович, а нынешние энти самые министеры, Керенский, да Ленин, да Троцкий, да ещё другие, за энто царя сперва сослали в Сибирь, а потом убили, да и наследника убили тоже, чтобы более царя у нас не было, чтобы они могли всегда сами править народом. Они хотели было не дать землю нам, да наши помешали, когда с фронта пришли в Москву и Петроград. А теперь энти министеры за то, что должны были дать нам землю, и душат нас. Ну, авось не задушат: мы крепки — выдержим. А опосля мы ли, старики, али сыны наши, али внуки — всё едино — разведаемся со всеми большевиками и их министрами...» (140). Звучит дико, даже если предположить, что собеседник тамбовского мужика, несколько приукрасил содержание разговора. Но, оставаясь правоверным общинником, разрешить возникший психоментальный конфликт было не так-то просто. На самом деле в приведённом монологе, в дежурный набор морально-экономических стереотипов не укладывается разве что вывод о грядущей мести, который мы оставим на совести мемуариста. В мистифицированном сознании сельских обитателей пересмотр социальных приоритетов зачастую принимает форму усиления религиозных настроений. В 1919–1920 годах многие крестьяне возвращаются, а некоторые и впервые приходят в церковь (как вариант, широко распространяется сектантство) (141). Эти настроения, заставили крестьян воспринимать большевистскую агрессию, как, своего рода, наказание Господне, что снижало их решительность и волю к сопротивлению.

Как ни странно, но торжествующие общинные структуры, хотя бы и трансформировавшиеся в Советы, переживали в 1918–1919 годах не лучшие времена. Крестьяне, получившие вожделенные угодья и прибавку пахотной земли, вовсе не были склонны рассматривать их как атрибут новой жизни. Напротив, Советы выступают

в роли пособников городской власти, покушающейся на деревенское изобилие, а никаких новых общественных институтов крестьянство выработать, ещё не успело. Убедившись в беспомощности и даже вредоносности Советов (не говоря уже о комбедах), крестьяне отказывают этим структурам в легитимации (142) (что отражается на персональном составе советской бюрократии).

Для новой власти, в распоряжении которой из хлебоизбыточных районов осталось практически только Поволжье, простым и очевидным результатом всех этих сложных процессов, оказалась недоступность сельскохозяйственной продукции. В частности, Исполнительное бюро Казанского губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на своём заседании 23 ноября 1917 года констатировало: «Все меры, принятые губернской продовольственной управой ни убеждение, ни страх перед вооружённой командой, ни товарообмены ни к чему не привели... поможет лишь революционный суд» (143) (читай — трибунал, руководствующийся революционным правосознанием). В целом новые правители России были более решительно настроены изъять хлеб, укрываемый в деревнях, однако сил и средств для этого у них не хватало. Товарищ председателя Казанского губернского продовольственного комитета (Казгубпрордком) Яков Шейнкман — один из лидеров казанских большевиков, выступая на заседании Совета в начале 1918 года констатировал, что деятельность Совета Крестьянских депутатов, взявшего под свой контроль заготовку, хранение и распределение хлеба (144), оказалась неэффективной, по той причине, что продовольственные комитеты на местах игнорировали наряды на хлеб, предпочитая тесно сотрудничать с мешочниками (145). В Казанской губернии мешочники обосновались на станции «Красная Горка», откуда под охраной воинской команды, посланной вообще-то для того, чтобы их разогнать, отправляли в день до 14 вагонов хлеба. Несколько раз команду пытались отозвать, но солдаты отказывались выполнять распоряжения народной власти с таким же цинизмом, как и старой — ещё бы, покровительство мешочникам приносило каждому солдату до 10 000 рублей в день (146). Во всяком случае, до начала гражданской войны Советы так и не смогли определиться с методами воздействия на крестьян, колеблясь между воззваниями и посылкой воинских команд (147). Крестьяне же, судя по всему, вообще не искали общения с государственными структурами.

Взаимоотношения большевиков и крестьянства в годы гражданской войны представляются настолько запутанными, что невольно возникает вопрос, а были ли эти отношения? Безусловно большевики желали получить из деревни хлеб, а напряжённая ситуация, разворачивающаяся гражданской войны не оставляла им простора для хозяйственно-организационного экспериментирования в этой области. Однако общинное крестьянство при попустительстве Советов вольготно чувствовавшее себя на земле, судя по всему, не вполне догадывалось о руководящей роли партии в аграрных преобразованиях, равно как и об изменениях в аграрных программах нового правительства. В этом смысле активные притязания большевиков на крестьянские хлеба, а также аппетиты нового начальства, оказались несколько неожиданными для крестьян. В Поволжско-Уральском регионе ситуация осложнялась ещё и тем, что добрую половину 1918 года на её территории происходили нешуточные схватки между Красной и Белой армиями (148) и конфликтующим сторонам было не утверждения «нового строя правления» на подконтрольных пространствах — с обеих сторон аграрная политика ограничивалась реквизициями в близлежащих селениях, которые так и не успели принять систематического характера.

Большевики смогли на практике приступить к организации своего аппарата в Казанской губернии не ранее зимы 1918/1919 годов. Казгубпродком констатировав, что «Безответственность, отсутствие судов и сил власти на местах», грозят в дальнейшем полной дезорганизацией продовольственного дела в губернии, пришёл к выводу, что с подобным положением вещей «Советы также будут бессильны бороться» (149) без помощи вооружённой силы. Существовали разные проекты организации заготовительных отрядов (150), но в итоге они обрели форму рабочих продовольственных отрядов и заградотрядов Наркомпрода, созданных по распоряжению народного комиссара продовольствия Цюрупы 16 октября 1919 (151).

Большевицкое правительство, потеряв основные хлебопроизводящие районы, остро нуждалось в продовольствии, что и определило пристальное внимание СНК к поволжским губерниям — региону, в котором производство хлебов традиционно, доминировало над потреблением. Хотя избыток хлебов здесь и был невелик, однако в 1918–1919 годах выбирать не приходилось: хлебозаготовки разверстали на области, которые даже в годы мировой войны особого

интереса у правительства не вызывали, поскольку затраченные усилия не оправдывались скромными результатами (152). Изгнание чехов из Казанской губернии (акция осуществлялась под непосредственным командованием Троцкого (153)) казалось открывало широкие перспективы заготовки продовольствия — Ленин лично приветствовал участников взятия Казани (154). Однако заготовительные мероприятия в Казанской губернии осуществлялись довольно вяло. Лишь в сентябре 1918 года был организован первый местный продотряд, руководство Совета крестьянских депутатов, возглавляемого левым эсером Колегаевым фактически саботировало создание комитетов бедноты. Продовольственные отряды, присланные из центра, встречали глухое, а иногда и открытое сопротивление крестьянства. Даже несмотря на укрепление позиций большевиков в продовольственных органах, в результате интриг и грубого насилия, в 1918 году в губернии удалось заготовить немногим более четырёх миллионов пудов (64 тыс. тонн) хлеба, а в 1919 и того меньше (вопрос о количестве миллионов остаётся дискуссионным в поволжской историографии, однако подразвёрстка 1920/1921 годов оценивается как беспрецедентная. В том смысле, что так много хлеба от поволжских губерний никто никогда не требовал). В общем-то, для сельского хозяйства губернии это была тяжёлая, но посильная ноша — в 1917 году приблизительно столько же было заготовлено продовольственными органами Временного правительства для губерний промышленного центра (155). Однако крестьяне, привыкшие уже самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда отнюдь не были в восторге от подобной практики. К тому же в 1917 году крестьянские хозяйства находились в несравненно лучшем состоянии. По итогам передела земли крестьяне Казанской губернии получили в среднем по 0,25 десятины на душу, зато за годы гражданской войны потеряли все свои сбережения, а в ходе реквизиций, осуществлявшихся и белыми и красными с одинаковым постоянством, лишились значительной части продовольственных запасов и скота — прежде всего лошадей, которых и до большевистского переворота не хватало (156). В результате — сокращение посевных площадей и, как следствие, валового сбора хлебов. С другой стороны, в Москве также были недовольны результатами заготовок. В общем, результаты борьбы за право распоряжаться деревенскими ресурсами Поволжья, за первые годы большевистского правления, можно признать ничейным,

что расценивалось в Москве как серьёзная угроза для советского режима и судеб мировой революции.

Как всегда, в трудные для крестьян времена актуализировались морально-экономические технологии выживания, вновь стали популярны мирские сходы и другие формы общинной организации, которые крестьяне решились противопоставить советским органам власти. Появление своеобразного крестьянского «подполья» получило широкое распространение во всех регионах, из которых советское правительство получало продовольствие (157). Основной задачей этих самочинных объединений, о существовании которым властям не всегда было известно, явилась организация, в любых формах, саботажа заготовительной кампании. Из практических мер, принятых сельским населением, следует отметить сокращение посевов, развитие инфраструктуры мешочной торговли, перевыборы волостных и сельских советов. Причём крестьяне собирались, как всегда, действовать хитростью и народной смёткой, прикидываясь дурачками. Общинники посчитали, что вполне уже уяснили сущность советской власти и примерялись, как бы половчее её объегорить.

Советское правительство, высвободив в ходе удачной кампании 1919 года значительные воинские контингенты, почувствовало себя намного увереннее и собиралось в 1920 году более решительно заявить свои притязания на продовольствие. В январе на местах были получены руководящие указания о размещении воинских контингентов в сёлах, которые должны были стать основными объектами экспроприаций, закрытия базаров, изъятия масличных семян и закрытия маслодавилен и т. п. (158). Запрещалось продавать промышленные товары в селах, не выполнивших минимум развёрстки (159). Спешно формировались новые вооружённые отряды для похода за хлебом (160). Социально-политическая ситуация в Казанской губернии, как и в Поволжско-Уральском регионе в целом характеризовалась ростом взаимного недоверия и ожесточения между крестьянами и большевиками, которых общинники не воспринимали ни как участников морально-экономических отношений, ни как начальство. Конфликт был неизбежен и обе стороны готовились к нему в соответствии со своими социальными стратегиями: крестьяне ответили на продрозвёрстку сокращением посевных площадей (161). Большевики — созданием Военных отделов при продовольственных комитетах (162) и увеличением численности продотрядов (163). В обста-

новке общей нервозности недостаточно тактичная (по признанию самих большевиков) работа заготовительных органов (164), привела к вооружённому выступлению в Мензелинском районе Башкирской республики, которое вскоре перекинулось в Самарскую губернию и в юго-восточные (Закамские) уезды Казанской (165). В литературе серия аграрных беспорядков зимой 1920 года получила название «Вилочного восстания» или движения «Чёрного орла — земледельца».

То, что «полюхнуло» именно в Мензелинском уезде — скорее всего случайность. За неделю до восстания Мензелинский упродком (уездный продовольственный комитет), отмечая активное выполнение продразверстки в уезде, решил выдать населению ряда волостей мануфактуру, соль и спички (166). Однако, то, что Башреспублика, образованная накануне восстания оказалась его центром — явление вполне предсказуемое. Уфимская губерния и БАССР, оказались прибежищем многочисленных дезертиров, пробиравшихся домой в преддверии весенних полевых работ. Им любая встреча с продотрядами ничем хорошим не грозила. Народ это был решительный и озлобленный, не постеснявшийся ответить на аграрный вызов большевиков. К тому же в селениях Башкирской автономии (особенно в татарских и башкирских) вновь подняли голову общинные органы самоуправления, фактически поглотившие местные Советы. Кроме того, Мензелинский уезд, как и прилегающие к нему уезды Самарской и Казанской губерний — районы стабильных хлебных излишков, то есть крестьянам, там было что терять.

Следуя классическому сценарию крестьянского бунта, башкирские крестьяне решили опытным путём выяснить, как далеко могут ещё простираться их притязания. Образно говоря, они «напрашивались» на то, чтобы у их груди оказался штык. Долго ждать не пришлось. Уже к середине февраля в район восстания прибыли свежие отряды добровольцев-коммунистов и части Красной армии, приступившие к систематическому подавлению беспорядков. Естественной составляющей аграрных бунтов становятся акты насилия и жестокости в отношении наиболее ненавистных представителей власти. Однако, в Поволжье, где отмечается недостаточная организация собственно крестьянских выступлений, до систематического и целенаправленного истребления коммунистов и советских работников дело доходило не часто. Так, оценивая итоги «чапанной войны» — одного из крупнейших крестьянских восстаний в регионе В. Данилов

и В. Кондрашин определяют число погибших крестьян в 1000 человек (из них — 600 стали жертвами чекистских зверств), а представителей власти — 200. Учитывая, что боевые действия продолжались весь март 1919 года и велись большими массами, с применением технических средств борьбы приходится признать, что хотя число жертв беспорядков несомненно возросло, (по сравнению с досоветскими временами) и крестьяне, и красноармейцы не проявляли избыточного стремления к насилию. «Народ восстаёт массами, вооружается вилами, топорами, граблями и бьёт коммунистов и советских работников, но несколько вооружённых товарищей легко разгоняют эти банды» (167). В этом описании проявляются характерные признаки стратегии общинных беспорядков — крестьяне не восстают против власти, они пытаются разными способами сигнализировать о своём бедственном положении, воспринимая кавалерийские атаки как аргументы противоположной стороны, в начавшемся диалоге. В свою очередь опытные и толковые партийные руководители именно так и воспринимали крестьянские акции, известно, что Л. Троцкий, которого трудно заподозрить в симпатиях к крестьянству или мягкотелости, уже в начале 1920 года обратился в ЦК РКП(б) с предложением о замене продрозвёрстки продналогом (168), идея которого была широко распространена в крестьянских массах по всей России (169). Оценивая причины вилочного восстания известный большевик С. Артём отметил: «...у нас имеется восстание но нет боёв», предложил в первую очередь «...почистить как партию, так и советы» (170). Большевики, оказавшись у власти, столкнулись с теми же проблемами, что и имперская администрация. Методы, которыми они предлагали разрешить кризис тоже соответствовали мероприятиям царизма. Таким образом, несмотря на то, что участники социально-политического диалога об объёмах крестьянского взноса в фонд государства использовали более серьёзные аргументы (171), чем в имперский период, общий характер дискуссии не выходил за рамки максим моральной экономики. Казалось, большевики учатся говорить на крестьянском языке. Результатом стал переворот в аграрных беспорядках весной и летом 1920 года.

Едва установившийся социальный мир в деревне вскоре, однако, был принесён в жертву революционному нетерпению. Попытка транзита мировой революции через территорию Польши, потребовала напряжения всех сил советской республики. Деревенские дела

отошли на второй план. Между тем, доступ к ресурсам Украины и юга России по-прежнему был ограничен. В итоге большевистское руководство приняло решение об увеличении продразвёрстки всё в тех же поволжских губерниях, измученных беспрестанными реквизициями и насилием. Из одной только Казанской губернии предполагалось получить более десяти миллионов пудов различных хлебов (172).

Помимо субъективных факторов во взаимоотношения власти и крестьян вмешались объективные обстоятельства, существенно изменившие условия диалога. В 1920 году зерновые районы Поволжья оказались поражены засухой, подходили к концу и запасы продовольствия, спасённые от продотрядов. Оказавшись перед угрозой голода, мужики отнюдь не были склонны к уступкам. Перспектива голодной зимы заставляла их отбросить сомнения в своей правоте. Да и от властей покушения на жалкий урожай двадцатого года никто не ждал — моральная экономика основана на признании взаимного права на выживание всех участников подобного рода отношений. То, что правительство сознательно пойдёт на организацию голода не укладывалось в сознании общинного крестьянства.

Большевистское руководство оказалось перед непростым выбором: уступить шанс на победу революции, или уморить миллионы собственных граждан. Выбор был сделан быстро... В пользу мировой революции. Но проблемы возникли там, откуда не ждали. Губернские органы власти, отчасти основываясь на анализе состояния аграрного хозяйства, отчасти вразумлённые весенними мужицкими порками, не решались настаивать на проведении в жизнь нарядов из центра. Нужны были новые отчаянные люди, согласные, в буквальном смысле, пройти по трупам, отняв последний хлеб у голодных крестьян. Они нашлись. Задачу осуществления хлебозаготовок, Ленин решил возложить на татарских коммунистов (173), а в качестве приза санкционировал создание Татарской советской социалистической республики (174). Последовавшая реорганизация административного аппарата позволила заодно ликвидировать и строптивные губернские продовольственные органы.

Столь решительные оргмероприятия ЦК РКП(б) стали возможны, в частности, потому, что идея создания татаро-башкирской автономии, была предложена М. Султан-Галеевым, ещё в 1918 году, имелся уже и опыт образования Башкiresпублики в 1919 году. Прав-

да, формирование структуры Татарской Республики шло трудно. Главный идеолог её создания Султан-Галеев был исключён из партии и арестован, а сама форма территориально-этнического образования не вызывал восторга у Наркомнаца. В конечном итоге, сошлись на том, что в состав Татарской Социалистической Советской республики включили все уезды, где предполагалось наличие хлебных излишков (странным образом их география совпала с районами чапанной войны и вилочного восстания) и объявили главной задачей правительства и населения новой республики «заботу о продовольствии для наиболее нуждающихся районов Советской России, помощь рабочим» (175). Власть в автономии перешла к Временному военно-революционному комитету, под руководством ставленника Сталина С. Саид-Галеева. Вообще образование военно-революционных комитетов обычно сопровождало переход области на военное положение (практика отработанная в период крестьянских восстаний зимой-весной 1920 года), сопровождавшийся милитаризацией административных структур и советских органов. По признанию исполнявшего обязанности народного комиссара продовольствия Розит единственным дееспособным органом в Республике и в конце 1920 года был продзаготовительный аппарат, проникавший даже на волостной уровень, на его базе предполагалось строить всю организацию управления сельским хозяйством (176). Весной 1920 года в Татарскую Республику был передан наряд Наркомпрода для заготовки 10 120 000 пудов (161 920 тонн) хлеба (177) — такого количества из Казанской губернии не вывозилось даже в довоенные годы.

Непосредственное руководство осуществлением продрозверстки осуществляли Саид-Галеев и Розит, контролировал процесс уполномоченный ВЦИК Кураев (178). Можно утверждать, что в Москве с самого начала знали о трудностях с заготовками, вследствие засухи и недорода — урожай сократился втрое против прошлогоднего, составив чуть более 30 млн. пудов. Даже официальные советские издания признавали, что сельское хозяйство Татарской Республики находилось на грани краха (179). Надвинулся небывалый по размерам год (180).

Несмотря на это Народный комиссар продовольствия Цурюпа лично отдаёт приказ, в соответствии с которым разверстка под угрозой конфискации имущества крестьян, должна быть выполнена к 15 декабря 1920 «...хотя бы и в ущерб установленным продовольст-

венным нормам». При этом было приказано широко использовать военную силу (181). Ревком выполнил боевое задание центра, хотя и не в полном объёме, поскольку взять 10 миллионов пудов было просто неоткуда. Однако деятельность Саид-Галеева была признана успешной. В знак признания его заслуг в конце сентября 1920 года состоялся Учредительный съезд Советов Татарской республики, избравший Саид-Галеева председателем СНК.

В новой должности лидер татарской автономии наращивает усилия по изъятию продуктов у крестьян. Декрет СНК ТССР от 19 ноября 1920 года (подписали: председатель Саид-Галеев, управделами Алмаев) после полного выполнения продразвёрстки за счёт резервов крестьянских обществ и под их ответственность обязывал создать 12-ти процентный семенной фонд для обсеменения ярового клина, причём зерно должно было быть изъято у крестьян и ссыпано в общественные амбары (182). Выполнение этих постановлений («боевых заданий», как называли их продовольственники) оставило в распоряжении двухмиллионного населения Республики не более двух с половиной миллионов пудов хлеба. Но и это ещё не всё. По экстренным нарядам СНК и личным телеграммам Ленина и Цюрупы из Татреспублики в 1920 и даже в 1920 и даже в 1921 годах в промышленные районы — «гегемона» требовалось подкармливать — было направлено не менее 627 000 пудов хлеба (183). Это, не считая мяса, масла, яиц, лука, мёда и даже сухих яблок (184). В то время как международные гуманитарные организации начинают направлять продовольствие в Поволжье, из деревень Татреспублики продолжали его вывозить. После успешного выполнения всех заданий партии, к осени 1921 года продукты в Татарии просто кончились. Небывалый голод наступил.

В арсенале общинного крестьянства не было аргументов, позволявших сколь-нибудь эффективно противостоять государственному геноциду — морально экономические стратегии не рассчитаны на тотальную войну. Традиционные структуры деревенского самоуправления не могли выстоять под натиском продотрядов. Община отреагировала по своему — начался массовый исход из Татреспублики, сопоставимый по масштабам с бегством в эпоху монгольского нашествия. Дрогнули даже представители нижних эшелонов власти. Люди бежали и умирали, проклиная Советскую власть. Образно говоря, если для того, чтобы потерять веру в царя крестьянам понадобилось

более полувека, то для того, чтобы избавиться от веры в Советы оказалось достаточно четырёх лет. Впрочем, новое начальство могло быть удовлетворено — мощная, жизнеспособная социальная организация крестьянства была фактически уничтожена и после окончания голодомора восстанавливалась уже в новых формах и в значительной степени новыми людьми, переселявшимися из других районов страны. Внешнее сходство со старой деревенской структурой было обусловлено не столько преемственностью, сколько сходными условиями хозяйствования. Большевикам удалось поставить поволжскую деревню на колени. На берегах Волги были отработаны методы подавления крестьянского сопротивления, успешно применявшиеся затем на Украине и в казачьих районах. Бесценный опыт покорения собственного населения, оплаченный кровью и страданиями миллионов крестьян всех этнических групп и конфессий, не раз использовался в процессе строительства социализма в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном случае речь идёт не о крестьянах только по социальному происхождению (их фактически было ещё больше), а о тех мелких сельскохозяйственных производителях, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работали — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к носителям политической и экономической власти (определение предложено Т. Шаниным).

2. В советской историографии утвердилась цифра 82% населения, занятого в сельском хозяйстве (См.: *Кибардин М.А.* Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917–1919 годов. — Казань, 1963. С.19; *Гарафудинов Р.А., Румянцев Е.Д.* Долой войну, долой самодержавье! — Саратов, 1990. С.43 и др.).

3. См.: Статистический ежегодник России 1914 г. Разд. I; Статистический ежегодник России 1916 г. — М., 1918, вып. 1 и др.

4. См.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. С.95–100.

5. Данные приводятся по: *Кибардин М.А.* Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований 1917–1919 годов. — Казань, 1963. С.19.

6. НА РТ. Ф.983. Оп.1. Д.5. Л.2.

7. Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.34. Л.115–116.

8. Нормы крестьянского землевладения значительно — практически вдвое — сократились вследствие демографического взрыва конца XIX века.

9. Татарам и прочим инородцам в этом смысле приходилось тяжелее чем русским, поскольку они никогда не были крепостными и следовательно «своих» помещиков, по привычке сдававших землю за невысокую арендную плату, у них не было.

10. См.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992.

11. С тех пор как Екатерина II в 1767 году запретила владельческим крестьянам подавать жалобы на своих помещиков, беспорядок сделался едва ли не единственной формой коммуникации между народом и Государем. К слову сказать, после каждого крупного волнения правительство предпринимало не только усилия по розыску и наказанию виновных, но и по успокоению крестьян.

12. Взгляд на царя и власть в целом как на участников «моральной экономики» утвердился весьма давно. Во всяком случае даже в эпоху Петра I некий крестьянин Посошков определённо заявлял: «Крестьянам помещики не вековые владельцы... а прямой их владелец Всероссийский Самодержец, а они владеют временно» (Цит. по Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. — Петрозаводск, 1996. С.695).

13. Обусловленное невозможностью пользоваться угодьями в рамках этики выживания.

14. См.: *Moritsch A.* Landwirtschaft und Agrarpolitik in Rusland vor der Revolution. — Wien, 1986. P.249. Тав. I.

15. По подсчётам Н.Ф. Калинина, которого трудно заподозрить в желании занизить численность пролетариата в губернии, численность казанских рабочих в начале XX века (включая сезонных) не превышала 7 тысяч, при том, что всего в городе проживало более 130000 человек. (См.: Казань. Исторический очерк. — Казань, 1952. С.83–84.

16. О причинах этого см.: *Милов Л.В.* Особенности исторического процесса в России //Вестник РАН. — Т.73. №9. 2003. С.771–778; *Его же.* Великоурусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 1998. С.31–76; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1992. С.12–41 и др.

17. *Ионенко И.М.* Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (по материалам Казанской губернии) — Казань, 1957. С.6.

18. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. С.125.

19. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. С.132.

20. НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.1569. Л.59.

21. Для сравнения укажем, что месячное пособие беженца составляло 3 рубля 25 копеек плюс 75 копеек на найм квартиры, на ребёнка полагалось 2 рубля 40 копеек; государственное пособие семьям фронтовиков составляло от 20 до 50 рублей и выплачивалось раз в три месяца.

22. В частности Казанское уездное земское собрание в октябре 1915 года постановило: в следующем году использовать военнопленных как в поместьях, так и в крестьянских хозяйствах, причём не только на добровольной основе, но и принудительно (См.: НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1021. Л.117).

23. Там же. Оп.2. Д.1570. Л.66 об.

24. Там же. Оп.1. Д.1021. Л.66.

25. В 1915 году русское правительство, стремясь компенсировать огромные потери армии в неудачной кампании, проводит досрочные призывы, а осенью того же года из запаса начинают призывать и ратников II разряда — мужчин, отслуживших своё ещё до русско-японской войны.

26. НА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.1605. Л.96.

27. См.: Почто-телеграмма №37 от 31 марта 1917 г. (НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.21). В том же духе высказался и военный министр Гучков (Приказ №12449 от 28 марта 1917 г., см.: НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.67. Л.22).

28. См.: Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. — Иерусалим. 1982., Люкшин Д. Солдаты тыловых гарнизонов: от колебаний к бунту //1917 год в исторических судьбах России. — М., С.79–81; Его же. 1917 год: вид из окна казармы //Родина. 1997. №11. С.18–22.
29. Случай в практике войн уникальный.
30. Это немножко утрированный и прямолинейный вывод, на самом деле основная проблема состояла в развале хлебозаготовительного аппарата, но с точки зрения макроэкономического анализа эту подробность можно временно опустить.
31. НА РГ. Ф.11. Оп.2. Д.1611. Л.92
32. Там же. Д.1570. Л.127–127 об.
33. Жандармский унтер-офицер, наблюдавший за коллизиями народной жизни в Чистопольском уезде в своём рапорте в конце 1915 года отмечал: «В материальном отношении, несмотря на дороговизну жизненных предметов первой необходимости, население острой нужды не имеет». НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.127–127 об.
34. См.: Там же. Д.1611. Л.123, 123 об.
35. Там же. Л.120–121.
36. Там же. Л.23.
37. Об этом подробнее будет сказано чуть ниже.
38. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.126.
39. Сабантуй (праздник плуга), в татарских деревнях так отмечали начало весенних полевых работ. Праздник имеет языческие корни. В настоящее время официально отмечается в Республике Татарстан. Сопровождается спортивными состязаниями и массовыми народными гуляниями. Давно носит интернациональный характер.
40. Впрочем знаменитая мусульманская трезвость порой обеспечивала хозяйственную эффективность. В артелях русских отходников, для сохранности общественных денег, должность кассира нередко исполнял татарин.
41. Национальная идея для крестьян общинников могла быть сформулирована только задним числом и сильно «на вырост», иначе как объяснить, что иным ревнителям татарстанского «суверенитета», подвигающимся на ниве антрепризы, пришлось в конце XX века использовать образ пьяной русской деревни для того, чтобы культивировать чувство национальной гордости татар.
42. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1611. Л.73, 73 об.
43. Там же. Оп.2. Д.1611. Л.68–71, Ф.1246. Оп.1. Д.34. Л.107–133.
44. Там же. Д.1611. Л.59.
45. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1605. Л.42, 108, 108 об.
46. В годы Первой мировой войны, например, в Казанской губернии развернулось железнодорожное строительство, сооружались лагеря для военнопленных, модернизировались промышленные предприятия. См.: материалы НА РГ. Ф.1. Оп.4. Д.6679, 6698; Ф.199. Оп.1. Д.1074, 1089; Оп.2. Д.1611. и др.
47. Школы при мечетях. Что-то вроде мусульманской церковно-приходской школы.
48. НА РГ. Ф.199. Оп.1. Д.1088. Л.20 об.
49. Там же. Оп.2. Д.1555. Л.16 об.
50. Там же. Д.1611. Л.85 об.
51. Там же. Оп.1. Д.1089. Л.21 об, 22.
52. Кстати говоря, как только нужда в этих услугах отпала, от пленных тут же избавились, отнюдь не утруждая себя словами благодарности.
53. Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. — М., 1998. С.142.
54. НА РГ. Ф.199. Оп.2. Д.1555 Л.4.
55. См.: Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. — М, 1996. С.190.

56. Там же.
57. НА РТ.Ф.199. Оп.2. Д.1611. Л.128.
58. Это строки из доклада заместителя начальника казанских жандармов подполковника Тихобразова своему шефу — полковнику Калинин. См.: НА РТ.Ф.199. Оп.2. Д.1555 Л.4.
59. Там же.
60. Термин введён автором, совместно с В.М. Бухараевым, в 1993 году.
61. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.228.
62. См.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М., 1991. С.95–97.
63. НА РТ. Ф. Р-98. Оп.1. Д.8. Л.18.
64. Там же. Л.21, 23.
65. *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С.132.
66. В.И. Ленин, сделав в «Развитии капитализма в России» вывод о формировании прочных рыночных связей между российскими регионами, вероятно всерьёз считал, что дело обстоит именно так, однако быстрый развал империи конце 1917–1918 годах показал, что регионы России не только могут, но и стремятся жить самостоятельно. Что же касается рыночной инфраструктуры в аграрном секторе национального хозяйства, то она лежала в руинах уже к концу 1916 г. (См.: *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С.143–144).
67. См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т.3., Кн.6. — М., 1991. С.220–221.
68. Напомним, что было призвано из Казанской губернии 277600 человек, разница составит 73893 человека — приблизительное число призывников из 2–3 уездов. Учитывая, что естественный прирост населения происходил в годы войны, в основном, за счёт беженцев, а некоторые солдаты были убиты или искалеченные уже вернулись домой, можно провести образное сравнение: из двенадцати уездов Казанской губернии, призывники вернулись в десять и только солдаты из двух уездов продолжали воевать в 1917 году.
69. НА РТ. Ф.Р-98. Оп.1. Д.2. Л.5.
70. Разумеется, это была не единственная категория деревенских смутьянов. Сыграли свою роль и всевозможные агитаторы, приезжавшие в деревню помитинговать.
71. См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. С.119–149.
72. НА РТ. Ф.Р-98. Оп.1 Д.1 Л.184; Там же. Д.2. Л.5, 59; Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.23. л. 76, 78,101, 115, 128, 150, 156; Там же. Д.34. Л.14–16 и др.
73. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.37.
74. Там же. Ф.1246. Оп.1. Л.6–7, 14, 15–16.
75. *Френкин М.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. — Иерусалим, 1982. С.88.
76. *Френкин М.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. — Иерусалим, 1982. С.74.
77. См.: НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.27. Л.54–55.
78. См.; например, НА РТ. Ф. Р-98. Оп.1. Д.11. Л.73, 77–79, 83–87, 96–97; Там же. Ф.983. Оп.1. Д.23. Л.217; Там же. Д.36. Л.16–18 и др.
79. *Френкин М.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. — Иерусалим, 1982. С.86.
80. НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.180. Л.120.
81. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.16. Л.29.
82. Там же. Д.23. Л.127. Под суррогатами подразумевается самогон
83. Там же. Ф. Р-98. Оп.1. Д.8. Л.15–16, 28, 37.
84. Например, помещица Казанского уезда Кошкаковской волости Л.П. Якоби ещё и в июне 1917 г. жаловалась на «озорничество» своих и окрестных крестьян, следовательно

но не все частные владения были разгромлены к этому времени. См.: НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.34. Л.230–231.

85. Например в Казанском уезде до 24 июля поместья даже не облагались мирскими податями: См.: НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.181. Л.131.

86. НА РТ. Ф. Р-98. Оп.1. Д.1. Л.184.

87. Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.181. Л.140.

88. Там же. Л.272.

89. Там же. Л.212–215.

90. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.18. Л.9. Кстати сказать, 25 солдатам противостояли 800 крестьян, которые успокоились, обнаружив, что государство не одобряет их действия — типичный пример морально-экономического поведения.

91. Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.184. Л.19–20.

92. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.6. Л.7.

93. Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.180. Л.339–341.

94. Там же. Д.181. Л.212–215.

95. Там же. Л.319.

96. Так в сентябре 1917 года были арестованы председатель Спасского уездного продовольственного комитета Гордеев и председатель Марасинского волостного КОБА Мохов (См.: НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.180. Л.386).

97. Утрата части документов не позволяет представить полную картину по губернии, однако имеются все основания предполагать, что и в других уездах проходили сходные процессы

98. Практически во всех случаях поволжские крестьяне в течении всего 1917 года демонстрировали приверженность традиционным сценариям поведения, но новые власти не были склонны вести диалог на понятном общинникам языке.

99. НА РТ. Ф.983. Оп.1. Д.21. Л.22–26.

100. Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.111. Л.1, 33. Там же. Д.180. Л.435 и др.

101. Там же Ф.Р-98. Оп.1. Д.43. Л.30 об.

102. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.31. Л.61.

103. Там же. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3. Л.8.

104. Там же. Л.9.

105. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.24. Л.33.

106. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.18. Л.72.

107. Там же. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3. Л.8.

108. Там же. Д.42. Л.15 об.

109. Там же. Д.43. Л.1 об.

110. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.46. Л.16; Там же. Д.129. Л.4, 22, 23.

111. *Френкин М.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. — Иерусалим, 1982. С.88.

112. Вспомним чувашей, косивших луга в 1906 году и те усилия, которые пришлось приложить жандармам дабы воспрепятствовать насилию. В 1917 году сказать слово «поперёк» общины было невозможно.

113. В апреле–мае 1917 года число выступлений против хуторян и отрубников намного превосходило количество антипомещичьих выступлений.

114. Об этом предупреждал ещё П.А. Столыпин, отвергая аграрные проекты радикальных депутатов Государственной Думы. См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Велика Россия... — М., 1991. С.86–91.

115. Казанский телеграф. 1917. 01.03. С.3.

116. Там же. 1917. 01.05. С.2–3.

117. См.: *Скотт Д.* Моральная экономика крестьянства //Отечественная история. 1992. №5. С.15–16.

118. В своём послании губернскому комиссару Временного правительства помещица Л.П. Якоби предупреждала: «...что больше у них [крестьян] будет земли или меньше всё равно они пахать не будут». Можно сравнить с отчётом Губпродкомиссии Казанского Совета крестьянских депутатов в марте 1918 года: «...происшедшая после последнего переворота волна анархии сравнительно затихла, волнения улеглись»; причём, судя по документам с мест: «прекратилась по инициативе самих сознательных крестьян».

119. Лесной объездчик Сайфутидов вообще организовал некое подобие банды, которая вывозила из крестьянских дворов лес, заготовленный ими в казённых лесных дачах См.: НА РГ. Ф.983. Оп.1. Д.46. Л.16, 24, 25.

120. НА РГ. Ф. Р-98. Оп.1. Д.43. Л.1 об.

121. Это обстоятельство, кстати, стимулировало крестьян заключать с землевладельцами договора, хотя бы и на совершенно грабительских условиях.

122. НА РГ. Ф.1246. Оп.1. Д.75. Л.400. См., также: Там же. Ф.983. Оп.1. Д.13. Л.6, 8; Там же. Ф.1246. Оп.1. Д.180. Л.18, 337–339 и др.

123. Там же. Ф.983. Оп.1. Д.129. Л.20, 69–69 об., 71, 80, 81, 151

124. События гражданской войны властно вмешались в жизнь страны крестьянской утопии.

125. НА РГ. Ф.1246. Оп.1. Д.184. Л.24.

126. *Скотт Д.* Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии (Реферат) //Отечественная история. 1992. №5. С.15–16.

127. НА РГ. Ф.Р-98. Оп.1. Д.43. Л.2

128. Там же. Л.29 об.

129. Там же. Л.30.

130. См.: Там же. Ф.983. Оп.1. Д.28.

131. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.228.

132. Как явствует из материалов научных разысканий, проводившихся под руководством Т. Шанина и В.П. Данилова в российской деревне, Казанская губерния отнюдь не была уникальной в этом смысле. Авторитетные крестьяноведы утверждают, что, по крайней мере, в Тамбовской губернии ситуация была аналогичной. См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.8.

133. См.: *Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. — М., 2002. С.130.

134. Большевицкое руководство в полной мере понимало это, хотя и считало, такую беспомощность временной. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т.31. С.167.

135. См.: *Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. — М., 2002. С.130–131.

136. *Шанин Т.* Крестьянство как политический фактор //Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. С.272.

137. Поэтому сам термин «общинная революция» — оксюморон, лингвистическая конструкция, в структуру которой нарочито введена *contradictio in adjecto* (ошибка в определении), что-то вроде «деревянного железа». Авторы таким образом стремились подчеркнуть абсурдность итогов 1917 года с точки зрения позитивного подхода.

138. Образ создан А.В. Чаиновым — видным российским учёным-аграрником (которого современные крестьяноведы числят среди своих духовных отцов) в одном из его художественных произведений, вышедших под псевдонимом Ив. Крмнев. См.: Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. — М., 1920.

139. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.229.

140. Там же. С.230.
141. Обращение крестьян к вере, нехарактерное, в общем-то, для русской деревни, послужило одной из причин начатой большевиками антирелигиозной пропаганды и травли священнослужителей.
142. «И откуда только их так много надралось, и всем им дай. В прежнее время это неслыханное дело было!». См.: *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.228.
143. НА РТ. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3. Л.9.
144. Там же. Ф.Р-983. Оп.1. Д.31. Л.61.
145. Там же. Л.58.
146. Там же. Л.58об.
147. Там же. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3. Л.8, 9; 7. Д.18. Л.72; Д.24. Л.33.
148. *Figes O.* A people's tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. — London, 1997. P.594–595.
149. НА РТ. Ф. Р-98. Оп.1. Д.43. Л.29 об.–30.
150. Там же. Д.42. Л.11об.
151. Там же. Ф.Р-3451 Оп.1. Д.34. Л.16.
152. Что, в свою очередь, подготовило почву для разворачивания и решительного протекания общиной революции именно в этих районах.
153. *Figes O.* A people's tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. — London, 1997. P.594–592.
154. *Ленин В.И.* ПСС. Т.37. С.86.
155. НА РТ. Ф.Р-98. Оп.1. Д.8. Л.18.
156. См.: *Ионенко И.М.* Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. — Казань, 1957. С.34.
157. См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.359–362, 364; *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. — М., 1998. С.235–236.
158. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.352—354; 355–356 и др.
159. Там же. С.356.
160. Там же. С.355.
161. НА РТ. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3. Л.158.
162. Там же. Д.34. Л.1–15.
163. Там же. Д.29. Л.30, 32.
164. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.366.
165. В настоящее время, почти все «мятежные» районы входят в состав Республики Татарстан.
166. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.363.
167. Там же. С.419.
168. *Троцкий Л.* Сочинения. Т.XVII. Ч.2. — М.–Л., 1926. С.543–544.
169. «А что ж, и налоги платить согласны; только по-Божески, значит без излишества, чтобы жить можно было и чтобы наперед точно знать, сколько кому платить. А заплатил своё, и шабаш, — больше ни-ни. А то таперича, как и вам ведомо: сегодня я заплатил всё, что требуется с меня за год, а завтра, смотришь, сызнаво то того дай, то другого, и всё начальникам каким-то». Содержание этой беседы, характерной для 1920 года приводит в своих мемуарах А.Л. Окнинский. См.: Два года среди крестьян. — М., 1998. С.228.

170. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. — М., 2002. С.419.

171. Отчасти это можно отнести на счёт того, что правила дискуссии между общинниками и полицией оттачивались веками, а большевики и крестьяне лишь знакомились друг с другом.

172. Это сопоставимо со всей продукцией губернии в неурожайные годы довоенного времени.

173. Собственно, сами большевики, как ленинцы, так и сталинцы, не стеснялись об этом упоминать. См.: *Калинин Н. Ф.* Казань. Исторический очерк. — Татгосиздат, 1952. С.182. (Н.Ф.Калинин — один из ведущих советских историков республиканского масштаба). Лишь в 70-е годы XX века происходит ревизия татарской истории (силами новых кадров татарских историков), и создание ТАССР объясняется активным участием Великого Ленина «при решении вопросов национальной государственности народов Советской республики». См.: *История Татарской АССР.* — Казань, 1980. С.135.

174. Весной 1920 года Ленин неоднократно встречался и с представителями Губисполком и Губкома, и с руководством Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), сравнивая и обсуждая программы и предложения конкурирующих организаций.

175. Декларация Ревкома ТАССР 11 июля 1920 года. П.2. Цит. по: *Калинин Н. Ф.* Казань. Исторический очерк. — Татгосиздат, 1952. С.182.

176. НА РТ. Ф.Р-3451. Оп.1 Д.3. Л.165.

177. Там же. Л.104.

178. Там же. Д.29. Л.11.

179. «1920 год был неурожайный. 1921 год был ещё тяжелее». См.: *Калинин Н. Ф.* Казань. Исторический очерк. — Татгосиздат, 1952. С.187.

180. Там же.

181. НА РТ. Ф. Р-3451. Оп.1 Д.3. Л.133.

182. Там же. Л.130.

183. Там же. Л.150.

184. Там же. Л.14.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Объяснение факту существования соввласти нахожу в том, что произошло это благодаря попустительству крестьянства, а потому уверен, что в будущем крестьянство будет доминирующей силой перед рабочим классом» (1). Предсказание выдающегося русского историка С. Ф. Платонова (2), сделанное на втором десятке лет советской истории, накануне коллективизации, ценно не только гражданской позицией учёного, но и высочайшей компетентностью, которая только и позволяет предпринимать осторожные попытки социального прогноза, имеющего шанс на достоверность. Конечно, академик едва ли предполагал, что рурализация социальной и политической культуры произойдёт в России «обратным порядком», через уничтожение собственно крестьянского класса. Впрочем, верность предположений Платонова и сейчас не очевидна, скрытая за трубами фабрик и корпусами спальных районов, она лукаво проявляется в нервической констатации принципиальной немодернизируемости российского социума, упреках в лени и тупости, в адрес всех русских, слышных и за рубежом, и дома. В то же время россиянин, взятый поштучно, неплохо образован, смекалист и напорист. Что же с нами не так. Сегодня вопросы: Кто виноват? и Что делать? звучат не менее актуально, чем в XIX веке. На первый из них, заданный чекистами более семидесяти лет назад, ответил ввергнутый в узилище академик. Совет относительно способа ответа на второй — дан одним из последователей П. Бурдые: «Укажите лучше место и дату вашего рождения, профессию родителей и дипломы. Эти простейшие детали помогут нам больше узнать о ваших предполагаемых талантах, чем первое впечатление» (Роже-Пол Друа). А в виде резюме — ироничное замечание Салтыкова-Щедрина: «Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался...».

То, что Россия — страна крестьянская, справедливо и по сей день. Без учёта этого обстоятельства, как и без уяснения того, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию» (С.Ф. Платонов), которое собственно и выделяет народы культурные, невозможно ни понимание сути сегодняшних общественных процессов, ни развитие гуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. — СПб., 1993. С.30.

2. Сделанное им по настоянию следователей ОГПУ. Кстати говоря, вопреки его же методологическим позициям, С.Ф. Платонов скептически относился к перспективам социальных прогнозов, во всяком случае, полагал, что русский историк «не может непосредственно руководствоваться этим идеалом». (См.: *Платонов С.Ф. Лекции по русской истории.* — Петрозаводск, 1996. С.9).

АИРО В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю. А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО — Первая монография»).
- А. Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО — Первая монография»).
- Д. Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е. А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В. Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).
- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина («АИРО — Первая публикация в России»).
- О. Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. *Л. В. Максакова.*

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. М., 1998; Они же. Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. М., 2003.

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Б. Чижков. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

Стивен Козн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России («АИРО — Первая публикация в России»).

Ленарт Самуэльсон. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО — Первая публикация в России»).

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). *Сборник документов.* («АИРО — Первая публикация»).

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО — Монография»).

И. Ротарь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»). Вып. 12).

Новые концепции российских учебников по истории /Сост. *К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков.* («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века»). Вып. 13).

Новый мир истории России. *Форум японских и российских исследователей — к 60-летию профессора Харуки Вада* /Под редакцией *Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.*

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма /Составители *М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.*

- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. *Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.*
- Человек и война (Война как явление культуры). *Сборник статей /Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.*
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.
- В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов /Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

- Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО — Первая публикация в России»).
- Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 14).
- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. *Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.*
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. *Сборник научных трудов /Под редакцией В.П. Чернобровина.*
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. *Форум немецких и российских культурологов /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.*
- Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).
- Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.
- С.Б. Веселовский. Подмоскowie в древности. Три очерка.

Федору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

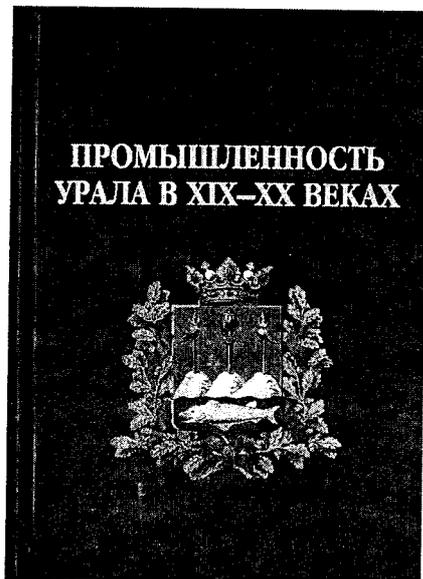
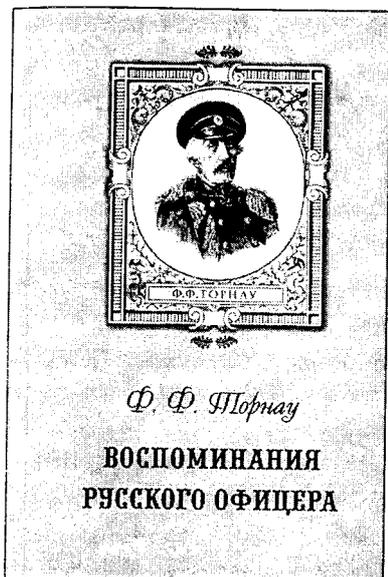
2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачева («АИРО — Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. Серия «АИРО — Первая монография».

Исторические исследования в России—II. Семь лет спустя /Под редакцией Г.А. Бордюгова.

In Мемориум. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. («АИРО — Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегалополисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Эпюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сизов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО — Монография»).

Россия: задачи минувшего века /Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сб. статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения («АИРО — Первая публикация в России»).

2005

- Никита Дедков.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО — Первая монография»).
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО — Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) /Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- П.Б. Уваров.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО—Монография»).
- С.И. Валянский.* Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО—Монография»).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Б.Г. Тартаковский.* Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО — Первая публикация»).
- Б.Г. Тартаковский.* Из дневников военных лет. («АИРО — Первая публикация»).
- Н.С. Сидоренко.* С мечтой о великой России. Уральские консерваторы и либералы в Государственной Думе (1906–1917 гг.). («АИРО—Монография»).
- Норман Неймарк.* Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО — Первая публикация в России»).
- Ирина Чечель.* За рубиконом – историография. Историческое знание в условиях перестройки. («АИРО — Первая монография»).
- Юлия Лидерман.* «Советское прошлое» в постсоветской массовой культуре. («АИРО — Первая монография»).
- Дмитрий Люкишин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО — Первая монография»).
- Николай Сидоров.* «Ложный закордон». Из истории спецопераций НКВД–НКГБ на Дальнем Востоке. («АИРО — Первая монография»).
- Ярослав Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Левонародническая интеллигенция в 1917 – 1925 гг. («АИРО—Монография»).

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Стивен Козн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО — Темы для XXI века», Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль—XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО — Темы для XXI века. Вып. 18, совм. с Центром «Запад—Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО — Темы для XXI века. Вып. 19).

Ж. Б. Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Серия «АИРО—Монография».

Дмитрий Иванович ЛЮКШИН
ВТОРАЯ РУССКАЯ СМУТА: КРЕСТЬЯНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина

Подписано в печать с оригинал-макета 2.09.2006

Формат 60 80 (1)16. Усл. изд. л. 12,0

Тираж 700 экз. Зак.

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI

E-mail: aigo@aigo-xxi.ru

ЛЮКШИН Дмитрий Иванович (1967 г.р.)

Кандидат исторических наук, закончил Казанский государственный университет. Начиная с 1987 года занимается изучением истории второй русской смуты, с 1990 года — в составе объединенной В.М. Бухараевым группы московских и казанских историков исследует поволжский кейс аграрной истории России.

В 1995 году защитил кандидатскую диссертацию «Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века», в том же году начинает преподавать в различных казанских вузах. Автор более 50 работ, опубликованных в России, США, Финляндии. В 2000 году участвовал в работе VI Всемирного конгресса ICCEES — крупнейшей организации исследователей советского и постсоветского общества.

В настоящее время Дмитрий Люкшин — доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

ISBN 5-91022-012-8

9 785910 122012 0

Серия «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»